

The Holy See

Апостольское обращение

Evangelii gaudium

Святейшего Отца **Франциска**

епископам, пресвитерам и диаконам,
людям, посвященным Богу, и верным мирянам
о возвещении Евангелия в современном мире

1. Радость Евангелия наполняет сердце и всю жизнь тех, кто встречает Иисуса. Принимающие Его спасение избавлены от греха, грусти, внутренней пустоты, замкнутости. Радость всегда рождается и возрождается в Иисусе Христе. В этом Обращении я желаю направить верным христианам приглашение на новый, отмеченный этой радостью, этап евангелизации и указать Церкви направление пути на ближайшие годы.

I. Та радость, что обновляется и распространяется

2. Огромная опасность современного мира, всячески навязывающего потребительскую модель поведения, заключается в индивидуалистской печали, проистекающей из самодовольного и алчного сердца, из болезненного стремления к поверхностным удовольствиям, из обособленной совести. Если духовная жизнь замкнута в собственных интересах, то в ней больше не остается места для других людей, ее больше не интересуют бедные, ей не слышен голос Божий, у нее исчезает чувство нежной радости Его любви, пропадает воодушевленное желание творить добро. Этой опасности, безусловно, постоянно подвергаются даже верующие. Она настигает многих людей и превращает их в обидчивых, недовольных, утративших радость жизни личностей. Это нельзя назвать выбором достойной и полноценной жизни, Бог не этого желает нам, и жизнь в Духе, проистекающая из сердца воскресшего Христа, не имеет с этим ничего общего.

3. Призываю каждого христианина — независимо от его местонахождения и житейских обстоятельств — прямо сегодня обновить личную встречу с Иисусом Христом или, хотя бы, принять решение встретиться с Ним, ежедневно, безостановочно искать Его. Нет причины,

по которой кто-то может решить, что этот призыв — не для него, ведь «никто не отвергнут от радости, принесенной Господом»^[1]. Рискующего Господь не постыжает, и человек, делающий шаг к Иисусу, постигает, что Он уже давно ждет его возвращения, ждет, чтобы обнять. И скажите в эту минуту Иисусу Христу: «Господи, я позволил ввести себя в заблуждение, тысячами способов избегал Твоей любви, но вот, я снова тут, чтобы обновить мой завет с Тобой. Я нуждаюсь в Тебе. Господи, снова освободи меня, заключи меня опять в Твои спасительные объятия!». Потерявшись, очень полезно возвращаться к Нему! Еще раз настаиваю: Бог никогда не устает прощать, это мы устаем просить у Него милосердия. Призвавший нас прощать «до седмижды семидесяти раз» (Мф 18, 22) дает нам пример: Он прощает до седмижды семидесяти раз. Раз за разом возвращается, чтобы взять нас Себе на плечи. Никто не сможет лишить нас достоинства, сообщаемого этой бесконечной и непоколебимой любовью. Своей нежностью, которая никогда не разочарует нас и всегда может вернуть нам радость, Он позволяет нам поднять голову и начать заново. Не будем бежать от Воскресения Иисуса, считать себя обреченными на провал, пусть происходит то, что происходит. Пусть ничто не будет сильнее Его жизни, продвигающей нас вперед!

4. Книги Ветхого Завета предложили радость спасения, достигшую кульминации в мессианские времена. Пророк Исайя с ликованием взывает к ожидаемому Мессии: «Ты умножил радость, умножил отраду» (Vlg: 9, 2) . И воодушевляет жителей Сиона принять Мессию с пением: «Пой и веселись!» (12, 6). Пророк увещевает того, кто уже видел Его на горизонте, возвещать пришествие Мессии другим: «Взойди на высокую гору, благовествующий Сиону! возвысь с силою голос твой, благовествующий Иерусалиму!» (40, 9). Все творение причастно этой радости спасения: «Радуйтесь, небеса, и веселись, земля, и восклицайте, горы, от радости; ибо утешил Господь народ Свой и помиловал страдальцев Своих» (49, 13).

Захария, видя день Господень, призывает приветствовать Царя, смиренного едущего верхом на осленке: «Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и побеждающий!» (Зах 9, 9). Но, пожалуй, самый увлекающий призыв — призыв пророка Софонии, указывающего нам на Самого Бога как на сияющий центр праздника и радости, — пророк желает передать своему народу это спасительное восклицание. Перечитывая этот стих, я наполняюсь жизнью: «Господь Бог твой среди тебя, Он силен спасти тебя; возвеселится о тебе радостью, будет милостив по любви Своей, будет торжествовать о тебе с ликованием» (Соф 3, 17).

Эта радость переживается среди простых дел повседневной жизни как ответ на любящий призыв нашего Бога Отца: «Сын мой! по состоянию твоему делай добро себе... Не лишай себя доброго дня» (Vlg: Сир 14, 11.14). Какая отеческая нежность угадывается за этими словами!

5. Евангелие, в котором сияет славный Крест Христов, настойчиво призывает радоваться.

Достаточно привести несколько примеров: «Радуйся», — приветствует Марию ангел (Лк 1, 28). Посещение Марией Елизаветы заставляет Иоанна взыграть от радости во чреве матери (ср. Лк 4, 41). В Своей Песни Мария провозглашает: «Возрадовался мой дух о Господе, Спасителе моем» (Лк 1, 47). Когда Иисус начинает Свое служение, Иоанн восклицает: «Сия-то радость моя исполнилась» (Ин 3, 29). Сам Иисус «радостно воскликнул в Духе Святом» (Лк 10, 21). Его Весть — источник радости: «Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна» (Ин 15, 11). Наша христианская радость проистекает из источника Его переполненного сердца. Он обещает ученикам: «Вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет» (Ин 16, 20). И настаивает: «Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» (Ин 16, 22). Позже ученики, видя Его воскресшего, «обрадовались» (Ин 20, 20). Книга Деяний Апостолов рассказывает, что в первой общине «принимали пищу в веселии» (2, 46). Где ученики проходили, там «была радость великая» (8, 8), и они, среди гонений, «исполнялись радости» (13, 52). Новокрещенный евнух «продолжал путь, радуясь» (8, 39), темничный страж «возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога» (16, 34). Почему бы и нам не погрузиться в эту реку радости?

6. Есть такие христиане, которым, похоже, присущ стиль Великого Поста без Пасхи. Я признаю, что на всех этапах жизни и в порой очень суровых обстоятельствах радость переживается по-разному. Она приспособляется и трансформируется, неизменно остается хотя бы лучиком света, пробивающимся из уверенности личности в том, что, несмотря ни на что, она безгранично любима. Я понимаю людей, впадающих в печаль из-за серьезных трудностей, которые им нужно перенести, но понемногу они убеждаются в том, что радость веры начинает пробуждаться, подобно загадочной, но твердой уверенности, даже в условиях самых худших лишений: «И удалился мир от души моей; я забыл о благоденствии... Вот что я отвечаю сердцу моему и потому уповаю: по милости Господа мы не исчезли, ибо милосердие Его не истощилось. Оно обновляется каждое утро; велика верность Твоя!.. Благо тому, кто терпеливо ожидает спасения от Господа» (Плач 3, 17.21-23.26).

7. Искушение зачастую проявляется в форме оправданий и жалоб, словно условий для возможности радоваться бесчисленное множество. Это происходит потому, что «технологическое общество сумело умножить возможности для удовольствия, но ему с трудом удается вызывать радость»^[2]. Следует сказать, что самую прекрасную и непринужденную радость я в своей жизни встречал у очень бедных людей, которые мало на что могут рассчитывать. Вспоминаю и искреннюю радость тех, кто, несмотря на серьезные профессиональные обязанности, смог сохранить верующее, щедрое и простое сердце. Различным образом эти радости черпают из источника неизменно более великой любви Божией, явившейся в Иисусе Христе. Я не устану повторять слова Бенедикта XVI, направляющие нас к сути Евангелия: «У истоков христианского бытия лежит не какое-то этическое решение либо великая идея — скорее, это встреча с неким событием, с

Личностью, которая, открывая жизни новый горизонт, тем самым указывает ей решающее направление»[3].

8. Лишь благодаря этой встрече — или обновлению встречи — с любовью Божией, превращающейся в счастливую дружбу, мы избавляемся от изоляции совести и самодостаточности. Мы становимся в полной мере человеческими, когда поднимаемся над человеческим, когда позволяем Богу вывести нас за рамки самих себя, чтобы достичь нашего подлинного бытия. В этом заключается источник евангелизационного действия. Потому что, если кто-то принял любовь, возвращающую ему смысл жизни, то как можно сдерживать желание поделиться этим с другими?

II. Сладостная и утешительная радость евангелизации

9. Благо всегда стремится сообщать себя. Любой подлинный опыт истины и красоты сам по себе стремится распространяться, и каждый человек, переживающий глубокое освобождение, становится чувствительнее к потребностям других людей. Сообщая освобождение, благо укореняется и развивается. Поэтому тем, кто желает жить достойно и полноценно, не остается иного пути, как признать другого человека и стремиться к его благу. Нас не должны удивлять некоторые из выражений святого Павла: «Любовь Христова объемлет нас» (2 Кор 5, 14); «Горе мне, если не благовествую!» (1 Кор 9, 16).

10. Предложение заключается в том, чтобы жить на высшем уровне, но не менее насыщенно: «Жизнь укрепляется, когда ею делятся, и ослабевает в изоляции и в комфорте. Действительно, большими возможностями жизни пользуются те, кто покидает надежный берег и страстно посвящают себя миссии сообщать жизнь другим»[4]. Церковь, призывая к обязанности благовествовать, лишь указывает христианам на подлинный динамизм личной самореализации: «Здесь мы открываем второй глубокий закон реальности: жизнь растет и созревает в той мере, в какой мы отдаем ее за жизнь других. В конце концов, это и есть миссия»[5]. Следовательно, евангелизатор не должен все время ходить с мрачным, как на похоронах, лицом. Вернем и возрастим рвение, «кроткую и вдохновляющую радость проведения евангелизации, даже когда приходится в слезах сеять [...] Пусть мир наших дней, ищущий с тоской и надеждой, сможет получить Благою Весть не от грустных и упавших духом благовестников, которые раздражительны и беспокойны, а от служителей Евангелия, чья жизнь излучает энергию, кто в первых рядах получил радость Христа»[6].

Вечная новизна

11. Обновленное благовестие предлагает верующим, даже теплохладным и не практикующим, новую радость в вере и плодотворную евангелизацию. Действительно, его средоточие и сущность неизменны: Бог, явивший Свою безграничную любовь во Христе, умершем и воскресшем. Он постоянно укрепляет Своих верных: сколь пожилыми бы они ни

были, «обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут, пойдут — и не утомятся» (Ис 40, 31). Христос — «вечное Евангелие» (Откр 14, 6), «вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр 13, 8), но Его богатство и красота неисчерпаемы. Он всегда молод и остается неизменным источником новизны. Церковь не устает изумляться «бездне богатства и премудрости и ведения Божия» (Рим 11, 33). Святой Иоанн Креста говорил: «И эти бездны богатства, мудрости и знания Бога столь глубоки и необъятны, что хотя бы душа и знала о них много, она всегда сможет войти еще глубже»^[7]. Или, как утверждал святой Ириней: «[Христос] Своим пришествием принес все новое»^[8]. Он всегда может Своей новизной обновить нашу жизнь и нашу общину, и предложенное христианством никогда не устаревает, даже преодолевая темные времена и церковные немощи. Иисус Христос может сломать наводящие скуку стереотипы, в которые мы пытаемся вписать Его, и изумить постоянной Божественной творческой способностью. Всякий раз, когда мы стараемся вернуться к источнику и восстановить изначальную свежесть Евангелия, перед нами возникают новые пути, творческие методы, иные формы выражения, более красноречивые знаки, слова, наполненные новым значением для современного мира. Действительно, любое подлинное евангелизаторское действие всегда «ново».

12. Хотя эта миссия требует от нас бескорыстного усилия, было бы ошибкой понимать ее как героический личный поступок, поскольку первое дело полностью принадлежит Ему, как бы его ни открывали для себя и как бы ни понимали. Сам Иисус «был, безусловно, первым и самым великим благовестником»^[9]. Какие бы формы ни приняла евангелизация, первенство всегда принадлежит Богу, пожелавшему призвать нас сотрудничать с Ним и поддержать нас силой Своего Духа. Истинная новизна заключается в том, что Самому Богу угодно таинственно совершить; это новизна, вдохновленная Им, вызванная Им; новизна, которую Он тысячами способов направляет и сопровождает. Во всей жизни Церкви всегда следует показывать, что инициатива исходит от Бога, что «Он возлюбил нас» первым (1 Ин 4, 10) и что «[все] лишь Бог возвращает» (1 Кор 3, 7). Уверенность в этом позволяет нам сохранять радость, несмотря на ко многому обязывающую и бросающую вызов задачу, всецело подчиняющую нашу жизнь. От нас требуется все, но одновременно нам и дается все.

13. Тем не менее нам не стоит понимать новизну миссии как искоренение, как забвение живой истории, принимающей нас и подталкивающей вперед. Память — измерение нашей веры, т.е. веру мы можем называть «девятеронимической», по аналогии с памятью Израиля. Иисус оставляет нам Евхаристию как ежедневное воспоминание Церкви, все глубже вводящее нас в Пасху (ср. Лк 22, 19). Радость евангелизации всегда сияет на фоне благодарной памяти: эта благодать нам необходима для того, чтобы верить. Апостолы никогда не забывали о моменте прикосновения Иисуса к их сердцу: «Было около десятого часа» (Ин 1, 39). Вместе с Иисусом память воскрешает подлинное «облако свидетелей» (Евр 12, 1). Среди них выделяются некоторые из тех, кто особым образом повлиял на возвращение нашей радости, связанной с верой: «Поминайте наставников ваших, которые

проповедовали вам слово Божие» (Евр 13, 7). Порой речь идет о простых и близких людях, зародивших в нас жизнь веры: «Приводя на память нелицемерную веру твою, которая прежде обитала в бабке твоей Лоиде и матери твоей Евнике» (2 Тим 1, 5). Верующий по своей сути — прежде всего «тот, кто помнит».

III. Новая евангелизация в деле передачи веры

14. В слушании Духа, помогающего нам совместно распознавать знамения времен, с 7 по 28 октября 2012 г. проводилась XIII Очередная Генеральная ассамблея Синода епископов по теме *Новая евангелизация в деле передачи христианской веры*. На ней напоминалось, что новая евангелизация призывает ко всем и реализуется, главным образом, в трех сферах^[10]. В первую очередь, упомянем сферу *повседневного пастырского служения*, «которое призвано в большей степени воспалить огнем Святого Духа, дабы возжечь сердца верных, регулярно участвующих в жизни католической общины и собирающихся в День Господень, чтобы питать себя Словом Божиим и Хлебом вечной жизни»^[11]. В эту сферу включаются и верные, сохраняющие крепкую и искреннюю католическую веру, по-разному выражающие ее, хотя и не часто участвующие в культе. Это пастырское служение направлено на возрастание верующих, чтобы те лучше, всей своей жизнью, отвечали на любовь Бога.

Во-вторых, вспомним о сфере *«крещеных людей, но не живущих обетами Крещения»*^[12], не участвующих сердцем в жизни Церкви и утративших утешение верой. Церковь, всегда внимательная мать, старается, чтобы такие лица пережили обращение, возвращающее им радость веры и желание быть тесно связанным с Евангелием.

Наконец, подчеркнем, что евангелизация по своей сути связана с возвещением Евангелия *тем, кто не знает Иисуса Христа либо всегда отвергал Его*. Многие из них втайне ищут Бога, движимые тоской по Его лику, даже в странах древней христианской традиции. У всех есть право получить Евангелие. Христиане обязаны провозглашать его, не исключая никого, но не навязывая новую обязанность, а, скорее, делаясь радостью, указывая на прекрасный горизонт, предлагая желанную трапезу. Церковь возрастает благодаря не прозелитизму, а «привлекательности»^[13].

15. Иоанн Павел II призвал нас признать, что «не должно умаляться стремление проповедовать» тем, кто далек от Христа, «ибо это — *первейшая задача Церкви*»^[14]. Миссионерская деятельность «и сегодня остается *величайшим вызовом для Церкви*»^[15], и «миссионерская задача должна оставаться на первом месте»^[16]. Что произойдет, если мы по-настоящему серьезно отнесемся к этим словам? Просто мы признаем, что миссионерская деятельность — *парадигма любого действия Церкви*. В этом русле латиноамериканские епископы утверждали, что «мы не можем больше оставаться спокойными, пассивно ждать в наших храмах»^[17], и что необходимо перейти «от пастырства только на словах к решительно миссионерскому пастырскому попечению»^[18].

Эта задача по-прежнему остается источником величайшей радости для Церкви: «... так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк 15, 7).

Послание и рамки настоящего Обращения

16. Я с удовольствием принял приглашение Синодальных отцов составить настоящее Обращение^[19]. В работе над ним я собираю богатство трудов Синода. Также я проконсультировался с разными лицами и намерен, кроме того, поделиться тем, что именно вызывает у меня озабоченность на этом конкретном этапе евангелизационной деятельности Церкви. Здесь пришлось бы рассмотреть бесчисленные проблемы, связанные с евангелизацией в современном мире. Но я отказался от тщательного разбора множества этих тем, требующих самостоятельного изучения и внимательного рассмотрения. Более того, я не считаю, что от папского учительства следует ожидать окончательного или исчерпывающего слова по всем вопросам, касающимся Церкви и мира. Папе нецелесообразно подменять собой местные епископаты в распознавании всех территориальных проблем. В этом смысле я ощущаю необходимость приступить к благотворной «децентрализации».

17. Здесь я предпочел лишь предложить ряд ориентиров, способных вдохновить и направить во всей Церкви новый этап евангелизации, исполненный горения и динамизма. В этом русле и на основании учения Догматической конституции *Lumen gentium* я из всех тем решил остановиться на широком освещении следующих проблем:

- А) Реформа Церкви в начале миссионерского «исхода».
- Б) Испытания пастырских работников.
- В) Церковь, понимаемая как совокупность благовествующего Народа Божия.
- Г) Проповедь и ее подготовка.
- Д) Социальная интеграция бедных.
- Е) Мир и социальный диалог.
- Ж) Духовная мотивация к выполнению миссионерской задачи.

18. Пространное освещение этих тем, возможно, покажется чрезмерным. Однако я ставил перед собой цель не написать трактат, а всего лишь продемонстрировать серьезное практическое влияние этих вопросов на современную обязанность Церкви, ведь все они помогают наметить определенный стиль евангелизации, который я призываю воплощать *во всех предпринимаемых действиях*. И тем самым мы сможем включить в нашу повседневную работу увещание Слова Божия: «Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь» (Флп 4, 4).

ГЛАВА I

МИССИОНЕРСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЦЕРКВИ

19. Евангелизация подчиняется миссионерской заповеди Иисуса: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф 28, 19-20). В этих стихах отражен момент, когда Воскресший отправляет Своих учеников проповедовать Евангелие во все времена и повсеместно, чтобы вера в Него распространилась по всем уголкам земли.

I. Церковь у «исхода»

20. В Слове Божиим постоянно проявляется динамика «исхода» верующих по зову Бога и угодная Ему. Авраам принял призыв отправиться в новую землю (ср. Быт 12, 1-3). Моисей внял призыву Бога: «Итак, пойдя: Я пошлю тебя» (Исх 3, 10), — и вывел народ в Землю Обетованную (ср. Исх 3, 17). Иеремии Он сказал: «Ко всем, к кому пошлю тебя, пойдешь» (Иер 1, 7). Сегодня в этом повелении Иисуса «идите» очевидны все новые и новые перспективы и вызовы евангелизаторской миссии Церкви, и все мы призваны к новому миссионерскому «исходу». Каждый христианин и каждая община пусть распознают, на какой путь зовет Господь, но все мы призваны принять этот призыв: выйти за пределы личного удобства и найти мужество добраться до всех окраин, нуждающихся в свете Евангелия.

21. Евангельская радость, наполняющая жизнь общины учеников, — миссионерская радость. Ее испытывают семьдесят два ученика [в Синодальном переводе — семьдесят — *прим. пер.*], возвращающиеся с миссии, преисполненные радости (ср. Лк 10, 17). Ее переживает Иисус, радостно восклицая в Святом Духе и прославляя Отца за то, что Его Откровение достигает бедных и малых (ср. Лк 10, 21). Ее ощущают, исполненные изумления, первые, кто обратился, слушая в Пятидесятницу проповедь Апостолов, «ибо каждый слышал их говорящих его наречием» (Деян 2, 6). Эта радость — знак, что Евангелие возвещено и приносит плод. Но ей неизменно присуща динамика исхода и дара: выйти из собственной замкнутости, идти вновь и вновь, все больше сеять. Господь говорит: «Пойдем в ближние селения и города, чтобы Мне и там проповедовать, ибо Я для того пришел!» (Мк 1, 38). Когда семя где-то посеяно, Он не задерживается в этом месте, чтобы лучше объяснить или совершить другие знамения: Святой Дух ведет его в другие селения.

22. Слово несет в себе потенциал, который мы не можем прогнозировать. Евангелие говорит о семени: будучи посеянным, оно растет само, пока сеятель спит (ср. Мк 4, 26-29). Церковь должна принять эту неуловимую свободу Слова, действующего по-своему и столь разнообразно, что его проявления часто превосходят наши ожидания и ломают наши стереотипы.

23. Близость Церкви с Иисусом — близость странствия, и общение «по сути проявляется как миссионерское общение» [20]. Церкви, верной примеру Учителя, жизненно необходимо сегодня возвещать Евангелие всем, повсюду, в любых обстоятельствах, не медля, без нерадения и страха. Евангельская радость — для всего народа, она не может кого-то исключать. Так возвещал ангел вифлеемским пастухам: «Не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет *всем людям*» (Лк 2, 10). В Откровении говорится об ангеле, держащем «вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле и всякому племени и колену, и языку и народу» (Откр 14, 6).

Взять инициативу, включиться в действие, сопутствовать, приносить плоды и праздновать

24. Церковь у «исхода» — это община учеников-миссионеров, берущих на себя инициативу, содействующих, сопутствующих, приносящих плоды и радостно празднующих. «*Primerear* — это взять инициативу» — пожалуйста, простите меня за этот неологизм. Община благовестия знает по опыту: инициатива принадлежит Господу, Он предварил наши начинания любовью (ср. 1 Ин 4, 10), поэтому она способна сделать первый шаг, бесстрашно взять инициативу, выйти навстречу, искать тех, кто находится далеко, и на перекрестках призывать изгнанников. Эта община живет неутолимым желанием оказать милосердие, плод того, что она пережила, благодаря безграничной милости Отца и Его всеобъемлющей силе. Давайте смелее брать на себя инициативу! И, как следствие, Церковь сможет «включиться в действие». Иисус омыл ноги ученикам. Господь, встав на колени перед другими для омовения, Сам включается в действие и привлекает к действию Своих. Но сразу же говорит ученикам: «Блаженны вы, когда исполняете [это]» (Ин 13, 17). Община благовестия развивается благодаря делам и поступкам в повседневной жизни других, сокращает расстояния, терпит унижение, если необходимо, и приобретает человеческую жизнь, прикасаясь к страдающему в народе телу Христа. Благовестники тем самым приобретают «запах овец», и овцы слушают их голос. То есть община благовестия становится способной «сопутствовать». Она сопутствует человечеству во всех испытаниях, как бы трудны и продолжительны они ни были. Ей знакомо долгое ожидание и апостольская поддержка. Евангелизация требует большого терпения и соблюдения ограничений. Верный дару Господа способен «принести плоды». Община благовестия не может быть невнимательной к плодам, ведь Господу она угодна плодоносящей. Община заботится о злаковом семени и не утрачивает покоя из-за плевел. Сеятель, увидев, что на злаковом поле проросли плевелы, не жалуется и не впадает в панику. Он находит способ сделать так, чтобы Слово укоренилось в конкретной ситуации и принесло плоды новой жизни, несмотря на очевидные несовершенства и недостатки. Ученик способен посвятить всю свою жизнь и поставить ее на карту вплоть до мученичества — свидетельства об Иисусе Христе, но его мечты не об умножении врагов, а о том, чтобы Слово было принято, чтобы проявилась освобождающая и обновляющая сила Слова. Наконец, радостная община благовестия всегда «празднует». Отмечает и празднует каждую маленькую победу, каждый шаг вперед в деле евангелизации. Радостная евангелизация воплощается в красоте Литургии и

ежедневно приумножает благо. Церковь евангелизирует и евангелизируется красотой Литургии, а Литургия представляет собой также празднование дела евангелизации и источник обновленной готовности к самоотдаче.

II. Пастырство и обращение

25. Конечно, я знаю, что сегодня документы [Учительства] не вызывают такого интереса, как в прежние времена, и быстро предаются забвению. Но все же подчеркну, что все задуманное мною содержание текста имеет программное значение и важные следствия. Надеюсь, все общины найдут способ задействовать средства, необходимые для продвижения по пути пастырского и миссионерского обращения [метанойи], требующего изменить нынешнее состояние дел. Теперь нам нужно не «простое управление»^[21]. Давайте во всех регионах земли объявим «бессрочное миссионерское положение»^[22].

26. Павел VI призвал расширить призыв к обновлению, чтобы с силой выразить мысль, обращенную не только к отдельным индивидуумам, а ко всей Церкви. Вспомним этот памятный текст, не утративший своей призывной силы: «Церковь должна глубже осознавать саму себя, размышлять над присущей ей тайной [...] Из такого просвещенного и действенного осознания проистекает спонтанное желание сравнить идеальный образ Церкви, какой ее видит Христос, какой она Ему угодна и любима — образ святой и непорочной Невесты (Еф 5, 27), с реальным сегодняшним обликом Церкви [...] Поэтому возникает сильная, можно сказать, безотлагательная потребность в обновлении, то есть в устранении дефектов, которые Церковь, созерцая себя в зеркале образца — Христа, замечает в себе и обличает»^[23]. II Ватиканский Собор представляет церковное обращение как открытость к постоянному самореформированию ради верности Иисусу Христу: «всякое обновление Церкви состоит, по существу, в возросшей верности её призванию [...] Христос призывает Церковь на пути её странствования к тому непрестанному преобразованию, в котором она постоянно нуждается, будучи установлением человеческим и земным»^[24]. Некоторые церковные структуры могут в итоге обуславливать динамизм евангелизации; но даже хорошие структуры полезны, только если в них есть жизнь — вдохновляющая, поддерживающая и оценивающая их. Без новой жизни и подлинного евангельского духа, без «верности Церкви своему призванию» любая новая структура быстро окажется неэффективной.

Безотлагательное церковное обновление

27. Я мечтаю о миссионерском выборе, способном все преобразить, чтобы устои, стиль, график дел, способ общения и все церковные структуры были бы подходящим руслом для евангелизации современного мира, а не для самосохранения. Только в таком смысле можно понимать реформу структур, требующую пастырского обращения: сделать так, чтобы все структуры стали более миссионерскими, чтобы повседневное пастырское служение во всех

своих проявлениях стало более активным и открытым, чтобы оно заставляло тех, кто занят пастырской работой, постоянно «выходить» и благодаря этому вызывало положительный отклик у всех, кому Иисус предлагает Свою дружбу. Как говорил Иоанн Павел II епископам Океании, «всякое обновление в Церкви должно быть нацелено на миссию, чтобы не оказаться жертвой своего рода церковной интроверсии»[25].

28. Приход — не застывшая структура; именно потому, что ему присуща большая гибкость, он может принимать самые разные формы, требуя от пастыря и общины податливости и миссионерской изобретательности. Безусловно, хотя приход — не единственное пространство евангелизации, но если он способен непрерывно реформироваться и адаптироваться, он остается *«самой Церковью, которая живет в окружении домов своих сынов и дочерей»*[26]. Тем самым подразумевается, что приход должен реально контактировать с семьями и с жизнью людей, а не превращаться в бесполезную структуру, отделенную от народа, или в замкнутую группу избранных. Приход — территориальное присутствие Церкви, сфера слушания Слова, возрастания христианской жизни, диалога, благовестия, бескорыстного милосердия, поклонения и священнопроявления[27]. Всей своей деятельностью приход ободряет и формирует своих членов, чтобы те стали делателями евангелизации[28]. Это община общины, это святилище, куда жаждущие приходят напиться, чтобы продолжать свой путь, это центр, откуда все время выходят на миссию. Однако мы должны признать, что призыв к преобразованию и обновлению приходов до сих пор не принес достаточно плодов: приходы должны стать ближе к людям, быть сферой живого общения и соучастия и полностью переориентироваться на миссию.

29. Прочие церковные институты — «квазиприходы» и малые общины, движения и другие формы объединений — богатство Церкви, даруемое Святым Духом для евангелизации всех сфер и секторов. Часто они приносят обновляющие Церковь рвение на ниве евангелизации и умение вести диалог с миром. Но важно, чтобы они не теряли контакт с богатой реальностью местного прихода и с удовольствием вливались в органичное пастырство отдельной Церкви[29]. Такая интеграция защищает общины от опасности остаться лишь с частью Евангелия и Церкви или превратиться в «перекати-поле».

30. Каждая отдельная Церковь, частица Католической Церкви под водительством своего епископа, так же призвана к миссионерскому обращению. Она — субъект евангелизации[30], поскольку является конкретным проявлением единой Церкви именно в этом уголке мира, и в ней «воистину пребывает и действует единая святая католическая и апостольская Церковь Христова»[31]. Она — Церковь, воплощенная в определенном пространстве, снабженная всеми средствами спасения, дарованными Христом, хотя имеет локальный облик. Ее радость сообщать Иисуса Христа выражается как в заботе о проповеди Его в других, более нуждающихся в этом местах, так и в неустанном выходе на окраины собственной территории или навстречу новым социокультурным кругам[32]. Она старается всегда быть там, где больше всего ощущается нехватка света и жизни

Воскресшего[33]. Чтобы миссионерский импульс становился интенсивнее, щедрее и плодотворнее, призываю каждую отдельную Церковь начать решительный процесс распознавания, очищения и реформы.

31. Епископ должен всегда содействовать миссионерскому общению в своей епархиальной Церкви, стремясь к идеалу первых христианских общин, в которых у верующих было единое сердце и единая душа (ср. Деян 4, 32). Поэтому порой он встанет впереди, чтобы указать путь и поддержать надежду народа, порой останется просто среди других, предлагая им простую и милосердную близость, а в некоторых обстоятельствах ему самому придется идти за народом, чтобы помочь тем, кто остался позади, но и потому, что (это главное) стадо само своим чутьем способно найти новые пути. Исполняя служение содействия динамичному, открытому и миссионерскому общению, епископу следует развивать механизмы участия, предложенные в *Кодексе канонического права*[34], и другие формы пастырского диалога, стремиться к их зрелости, охотно выслушивая всех, а не только тех, кто всегда готов возносить хвалы. Однако целью всех процессов вовлечения должна быть прежде всего не церковная организация, а осуществление миссионерской мечты достичь каждого.

32. Коль скоро я призван жить так, как прошу этого от других, мне следует думать и об обращении папства. Мне, Епископу Рима, нужно оставаться открытым к предложениям, помогающим сделать мое служение более верным смыслу, вложенному в него Иисусом Христом, и нынешним нуждам евангелизации. Папа Иоанн Павел II просил, чтобы ему помогли найти «такую форму первенства, которая позволила бы, никоим образом не отступая от своего прямого предназначения, быть готовым к любым новым ситуациям»[35]. Мы мало продвинулись в этом направлении. И папству, и центральным структурам Вселенской Церкви нужно услышать призыв к пастырскому обращению. II Ватиканский Собор утверждал, что по аналогии с древними патриаршими Церквами, Конференции епископов могут «многообразно и плодотворно содействовать тому, чтобы коллегиальный дух осуществлялся в конкретных делах»[36]. Но это пожелание исполнено не полностью, поскольку до сих пор недостаточно прояснен статус Конференций епископов в качестве субъектов, наделенных конкретными полномочиями, включая определенный доктринальный авторитет[37]. Чрезмерная централизация не облегчает, а усложняет жизнь Церкви и препятствует миссионерской динамике.

33. Пастырское попечение в миссионерском ключе требует отбросить удобный критерий пастырства: «так делали всегда». Призываю всех проявить дерзновение и творчество при решении задачи по переосмыслению заданий, структур, стиля и методов евангелизации, присущих вашим общинам. Определение целей без соответствующего общинного поиска средств для их достижения неизбежно вырождается в простое фантазирование. Я увещаю всех широко и мужественно применять указания из настоящего документа, без запретов и без опасений. Только в процессе мудрого и реалистичного пастырского распознавания важно

действовать не в одиночку, а всегда опираться на братьев, особенно — на руководство епископов.

III. Из сердца Евангелия

34. Наше намерение решать все в миссионерском ключе распространяется и на способ передачи вести. В сегодняшнем мире, как никогда, из-за скорости средств коммуникации и заинтересованности *масс-медиа* при выборке материалов есть опасность, что возвещаемая нами весть будет обнародована искаженной и сведенной до второстепенных частностей. Из-за этого некоторые вопросы, относящиеся к нравственному учению Церкви, выпадают из контекста и теряют смысл. Наибольшая проблема обнаруживается, когда возвещаемое нами отождествляется с вторичными темами, которые, несмотря на всю свою важность, сами по себе не показывают суть Благой Вести Иисуса Христа. Итак, нужно быть реалистами и не считать само собой разумеющимся, что наши собеседники знают всю подоплеку сказанного нами или что они способны связать сказанное нами с главной сутью Евангелия, сообщаящей нашим словам смысл, красоту и привлекательность.

35. Пастырское попечение в миссионерском ключе — не навязчивое и настойчивое внушение разрозненных вероучительных истин. Выбирая пастырскую задачу и миссионерский стиль, которые действительно подходят для всех без изъятия и исключения, благовестие концентрируется на сути, на том, что прекраснее, величественнее, привлекательнее и, одновременно, нужнее всего. Предлагаемое упрощается, не утрачивая при этом глубины и истины, и тем самым становится убедительнее и радостнее.

36. Все истины Откровения проистекают из одного Божественного источника и в них верят единой верой, но некоторые из них важнее, так как непосредственно выражают сущность Евангелия. В этом фундаментальном ядре сияет именно *красота спасительной любви Бога, явленная в Иисусе Христе, умершем и воскресшем*. В этом русле II Ватиканский Собор утверждал, что «существует порядок, или “иерархия”, истин католического вероучения, поскольку их связь с первоосновой христианской веры неодинакова»^[38]. Это имеет значение как для догматов вероучения, так и для совокупности наставлений Церкви, включая учение о нравственности.

37. Святой Фома Аквинский учил, что и в нравственном учении Церкви существует *иерархия* добродетелей и проистекающих из них действий^[39]. Здесь имеет значение, прежде всего, «вера, действующая любовью» (Гал 5, 6). Дела любви к ближнему — совершеннейшее внешнее проявление внутренней благодати Святого Духа: «Главный элемент нового закона — благодать Святого Духа, проявляющаяся в вере, действующей любовью»^[40]. Поэтому Фома утверждает, что, в отношении внешнего действия, милосердие — величайшая из всех добродетелей: «Милосердие само по себе величайшая из добродетелей, ведь ей надлежит даровать другим и, самое главное, облегчать горести других людей. Далее, так поступать

обязаны вышестоящие, вот почему говорится, что Богу присуще творить милосердие и в этом особым образом проявляется Его всемогущество»^[41].

38. Из соборного учительства, отражающего древнюю убежденность Церкви, важно делать выводы для пастырского попечения. В первую очередь нужно сказать, что при возвещении Евангелия следует соблюдать верную пропорцию. Насколько проповедь пропорциональна, можно увидеть по тому, насколько часто в ней развиваются те или иные темы и ставятся акценты. Например, если настоятель прихода в течение литургического года десять раз говорит о воздержанности и лишь два-три раза — о милосердии или справедливости, то возникает диспропорция, так как замалчиваются именно те добродетели, которые следовало бы чаще освещать в проповеди и катехезе. То же самое происходит, когда о законе говорят больше, чем о благодати, о Церкви — больше, чем об Иисусе Христе, а о Папе — больше, чем о Слове Божиим.

39. Как органичность добродетелей не позволяет исключить какую-либо из них из христианского идеала, так и нельзя отрицать какую-либо из истин. Не следует уродовать целостность евангельской вести. Кроме того, каждую истину можно понять лучше, если связать ее с гармоничной целостностью христианской вести, и в этом контексте все истины обретают свою важность и освещают друг друга. Если проповедь верна Евангелию, то ясно проявляется центральное положение некоторых истин и становится очевидно, что нравственная христианская проповедь — это не этика стоицизма, она больше, чем аскетизм, это не просто практическая философия и не перечень грехов и заблуждений. Евангелие прежде всего призывает ответить любящему и спасающему нас Богу, видя Его в других и выходя за собственные рамки, чтобы искать блага для всех. Ни при каких обстоятельствах нельзя затмевать этот призыв! Все добродетели служат ответу любви. Если этот призыв не сияет с силой и привлекательностью, то над нравственной цитаделью Церкви нависает угроза превратиться в карточный домик, и это наша наихудшая опасность, потому что в этом случае возвещаться будет не собственно Евангелие, а ряд доктринальных и моральных положений, обусловленных определенными идеологическими предпочтениями. Благовестие столкнется с риском утратить свежесть и «благоухание Евангелия».

IV. Миссия, воплощающаяся в человеческих границах

40. Церковь, миссионерская ученица, нуждается в возрастании в толковании богооткровенного Слова и в понимании истины. Работа экзегетов и богословов помогает «суждению Церкви» созреть^[42]. Иначе этому способствуют и другие науки. Например, в отношении наук об обществе Иоанн Павел II сказал, что Церковь обращает внимание на их вклад, «чтобы извлечь конкретные указания, которые помогли бы ей осуществлять миссию Учительства»^[43]. Кроме того, в лоне Церкви с большой свободой ведется работа по изучению и осмыслению множества проблем. Разные течения философской, богословской

и пастырской миссии, если они открываются Святому Духу, чтобы достичь гармонии в уважении и любви, могут помочь Церкви возрастая, так как помогают лучше выразить богатейшее сокровище Слова. Тем же, кто мечтает о монолитной доктрине, защищенной от любых оттенков, это может казаться несовершенным рассеянием. Но реальность такова, что разнообразие помогает лучше проявить и развить разные аспекты неисчерпаемого богатства Евангелия[44].

41. В то же время огромные и стремительные культурные перемены заставляют нас уделять постоянное внимание стремлению выразить вечные истины языком, позволяющим видеть их перманентную новизну. Ведь в залоге христианского учения сочетаются «содержащиеся в нем истины [...] и способ формулировать эти истины»[45]. Порой из-за крайне ортодоксального способа выражения верующие, в силу языка, на котором говорят и какой понимают, усваивают нечто не соответствующее истинному Евангелию Иисуса Христа. Мы в благом намерении сообщить им истину о Боге и о человеческом существе в некоторых случаях навязываем им ложного бога или идеального, не подлинно христианского человека. Тем самым мы храним верность формулировке, но не передаем суть. Это наибольшая опасность. Не забудем, что «истина может проявлять себя по-разному. А потому именно обновление ее форм позволит передать современному человеку неизменный смысл евангельской вести»[46].

42. В деле возвещения Евангелия огромную роль играет, действительно ли мы всей душой желаем, чтобы все лучше заметили и восприняли его красоту. Во всяком случае, мы никогда не сможем превратить наставления Церкви в нечто легко понятное и с удовольствием ценимое всеми. Вера неизменно сохраняет аспект креста, некоторую неясность, не лишаящую твердости согласия с верой. Что-то понимают и ценят лишь благодаря такому согласию, сестре любви, без ясности, присущей согласию с доводами и аргументами. Поэтому нужно помнить, что в вере следует наставлять с позиций евангелизации, пробуждающей согласие сердца близостью, любовью и свидетельством.

43. Церковь в постоянном процессе распознавания может в итоге прийти к выводу, что некоторые ее обычаи напрямую не связаны с сутью Евангелия; многие сильно укорененные традиции сегодня уже интерпретируются по-другому, поэтому их значение не всегда воспринимается должным образом. Давайте не будем бояться их пересмотреть! Наряду с этим существуют церковные нормы и предписания, когда-то, в другие эпохи, очень полезные, но теперь утратившие воспитательную силу и переставшие быть руслами жизни. Святой Фома Аквинский подчеркивал, что предписаний Христа и апостолов, данных народу Божию, «очень мало»[47]. Цитируя святого Августина, он отмечал, что требовать исполнения предписаний, добавленных позднее Церковью, следует умеренно, «чтобы не отягчать жизнь верных» и не превращать нашу религию в рабство, поскольку «милосердию Божию угодно, чтобы вера была свободна»[48]. Это предостережение, сделанное много веков назад, чрезвычайно актуально. Оно должно стать одним из важнейших критериев в

размышлении над реформой Церкви и проповедью, так как позволяет последней и вправду достичь всех.

44. С другой стороны, как пастыри, так и все верные, сопутствующие братьям в вере или на пути открытости к Богу, не могут забывать то, чему очень ясно учит *Катехизис Католической Церкви*: «Вменение вины и ответственности за поступок могут быть смягчены или даже сняты, если он совершен по незнанию, по оплошности, под угрозой насилия, из страха, по привычке, от бесконтрольных чувств или при возникновении других психических или социальных факторов»^[49].

Поэтому, не уменьшая ценности евангельского идеала, возможные этапы возрастания личности, создающейся день за днем, нужно сопутствовать милосердно и терпеливо^[50]. Напоминаю священникам, что исповедальня должна быть не пыточной камерой, а местом милосердия Господня, поощряющего нас по возможности творить добро. Маленький шаг в обстановке серьезных человеческих ограничений может оказаться более угодным Богу, чем внешне правильная жизнь того, кто проводит свои дни, не оказывая сопротивления серьезным трудностям. Всех должны достичь утешение и потребность в спасительной любви Бога, таинственно действующего в каждой личности, несмотря на ее слабости и падения.

45. Итак, мы видим, что дело евангелизации лавирует между ограничениями обстоятельств и языка общения. Оно всегда стремится как можно лучше передать истину Евангелия в определенных условиях, не отказываясь от истины, блага и света, которые может принести туда, где совершенство невозможно. Миссионер сердцем осознает эти ограничения и становится «для немощных как немощный [...] Для всех [...] всем» (1 Кор 9, 22). Он никогда не закрывается, никогда не замыкается в самоуверенности, никогда не делает выбор в пользу суровой самозащиты. Он знает, что сам должен возрасть в понимании Евангелия и распознании путей Святого Духа, и не отказывается от возможного блага, но идет навстречу опасности испачкаться уличной грязью.

V. Чистосердечная мать

46. Церковь у «исхода» — это Церковь с распахнутыми воротами. Выйти к другим, чтобы добраться до окраин человечества, не означает бежать к миру без маршрута и направления. Нередко лучше замедлить шаг, отбросить страх и посмотреть в глаза, выслушать или же отказаться от неотложных дел, чтобы сопроводить того, кто оказался на обочине. Порой Церковь напоминает отца, не запирающего двери, чтобы блудный сын смог беспрепятственно вернуться домой.

47. Церковь призвана всегда быть открытым домом Отца. Один из конкретных признаков такой открытости — чтобы везде у храмов были открыты двери, чтобы любой человек,

подойдя к церкви под действием Святого Духа и ища Бога, не натолкнулся на холодную запертую дверь. Но и другие двери ни в коем случае нельзя закрывать. Все могут тем или иным образом участвовать в церковной жизни, все могут стать частицей общины, тем более, не должны по какой-либо причине закрываться врата Таинств. Это важно, прежде всего, для таинства, которое есть «врата» — для Крещения. Евхаристия, хотя и составляет полноту сакраментальной жизни, служит не наградой для совершенных, а великодушным исцелением и подкреплением для немощных^[51]. Эти утверждения имеют пастырские последствия, и мы призваны благоразумно и без боязни рассмотреть их. Часто мы поступаем, как контролеры благодати, а не как наставники. Однако Церковь — не таможня, а отчий дом, где есть место для каждого, какой бы сложной ни была его жизнь.

48. Если вся Церковь усвоит это, значит, миссионерский динамизм должен достичь всех без исключения. Но кому же следует отдать предпочтение? Читая Евангелие, человек видит совершенно недвусмысленное указание: не друзьям и богатым соседям, а нищим и увечным, тем, кого часто не ценят, о ком забывают, тем, кто «не могут воздать тебе» (Лк 14, 14). Ни сомнения, ни оправдания не могут обесценить столь очевидную мысль. Ныне и всегда «бедные — главные адресаты Евангелия»^[52], и евангелизация, бескорыстно обращенная к ним, это знамение Царствия, принесенного Иисусом в Его первом пришествии. Нужно настаивать, что наша вера неразрывно связана с бедными, и это не игра слов. Никогда не будем оставлять их предоставленными самими себе!

49. Давайте же выйдем, выйдем, чтобы предложить всем жизнь Иисуса Христа. Здесь я повторяю всей Церкви то, что неоднократно говорил священникам и мирянам Буэнос-Айреса: по моему мнению, пусть лучше Церковь будет избитой, изувеченной и испачканной грязью из-за того, что смогла выйти на улицу, чем Церковью, заболевшей из-за закрытости и эгоистичной привязанности к собственной безопасности. Не хочу Церкви, заботящейся о том, чтобы быть центром и в итоге запутавшейся в клубке страстей и судебных разбирательств. Осознание того, сколь много наших братьев живут без силы, света и утешения дружбы с Иисусом Христом, без принимающей их общины веры, без горизонта смысла и жизни, — вот что должно свято беспокоить нас и волновать совесть. Надеюсь, мы с вами не столько боимся сделать ошибку, сколько опасаемся закрыться в структурах, дающих ложное чувство безопасности, в правилах, превращающих нас в неумолимых судей, в успокоительных традициях, а тем временем снаружи — множество голодных людей, а Иисус нам без конца повторяет: «Вы дайте им есть» (Мк 6, 37).

ГЛАВА II

В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ОБЩЕГО ДЕЛА

50. Прежде чем говорить о некоторых фундаментальных проблемах, касающихся евангелизации, стоит вкратце напомнить, в каких условиях нам приходится жить и работать. Сегодня принято говорить о «злоупотреблении диагностикой», не всегда сопровождающейся предложением применимых и эффективных решений. С другой стороны, не поможет и чисто социологическое исследование, претендующее на анализ всей реальности с помощью собственной методологии, лишь гипотетически нейтральной и беспристрастной. Я намерен предложить мысли в русле *евангельского распознавания*. Это взгляд ученика-миссионера, «питающегося светом и силой Святого Духа»^[53].

51. Дать детальный и полный анализ современной реальности — не обязанность Папы, но я призываю все общины, «всегда бодрствуя, быть способными изучать знамения времен»^[54]. Речь идет об очень серьезной ответственности, поскольку некоторые реалии настоящего, если не найти правильного решения, могут запустить процесс утраты человечности, из чего потом трудно вырваться. Необходимо разъяснять, что может быть плодом Царствия, а что вредит Божью замыслу. Это означает, что нужно не только различать и интерпретировать, к чему нас побуждает добрый дух, а к чему — злой дух, но также — и это имеет решающее значение — выбирать дела доброго духа и отвергать дела злого духа. Предлагаю вам обратить внимание на различные аналитические выводы других документов Учительства Церкви, наряду с предложениями региональных и национальных епископатов. В этом Обращении я намерен лишь вкратце охватить пастырским взглядом некоторые аспекты реальности, способные остановить либо ослабить процессы миссионерского обновления Церкви — и потому, что они затрагивают жизнь и достоинство народа Божия, и потому, что они отражаются на тех, кто непосредственно состоит в церковных организациях и занимается задачами евангелизации.

I. Некоторые вызовы современного мира

52. Сейчас человечество переживает исторический переворот, мы видим это по прогрессу в самых разных областях. Достойны похвалы успехи, содействующие благосостоянию личности, например, в сфере здравоохранения, образования и коммуникации. Однако нам нельзя забывать о том, что большинство мужчин и женщин нашего времени не уверены в завтрашнем дне, и это имеет пагубные последствия. Множатся патологии. Страх и отчаяние довлеют над сердцами многих людей, даже в так называемых процветающих странах. Зачастую радость жизни угасает, усугубляются неуважение и жестокость, все более очевидным становится беззаконие. Эта эпохальная перемена обусловлена огромными скачками — качественными, количественными, скоростными и аккумулятивными — очевидными в научном прогрессе, в технологических инновациях и в стремительном применении полученных результатов в разных сферах природы и жизни. Мы живем в эпоху знания и информации, служащей источником для новых форм владения, нередко анонимных.

«Нет» экономике «исключения»

53. Сегодня по примеру заповеди «не убивай», ставящей четкую границу ради защиты ценности человеческой жизни, мы должны сказать «нет» экономике «исключения и беззакония». Такая экономика убивает. Почему для нас становится новостью не смерть от обморожения вынужденного жить на улице старика, а снижение биржевых котировок на два пункта? Это и есть «исключение». Невозможно больше мириться с тем, что продукты выбрасываются, а многие люди страдают от голода. Это беззаконие. Сегодня все включено в игру конкуренции и закона сильнейшего, по которому сильный съедает слабого. Вследствие такого положения дел огромная доля населения оказывается в состоянии изоляции, маргинализации: без работы, без перспектив, без путей выхода. Человеческое существо само по себе считается объектом потребления, им можно попользоваться, а потом выбросить. Мы не только положили начало культуре «отходов», но и развиваем ее. Сейчас речь идет уже не о феномене эксплуатации и угнетения, а о чем-то новом: исключение наносит удар по самому корню принадлежности человека обществу, в котором он живет, поскольку исключение — не просто существование в трущобах, на периферии, без власти, а существование вовне. Отверженные люди — не «рабы», а мусор, «отбросы».

54. Некоторые все еще защищают теории «благоприятного рецидива», так как считают, что любой рост экономики при содействии свободного рынка способен сам по себе спровоцировать в мире большее равенство и вовлечение в социум. Это мнение, ни разу не подтвержденное фактами, отражает вульгарное и неискреннее упование на доброту тех, в чьих руках находятся рычаги экономического могущества, и на неприкосновенные механизмы господствующей экономической системы. Между тем отверженные продолжают ждать. Для поддержания исключаящего других образа жизни и для воодушевления эгоистичным идеалом развивалась глобализация безразличия. Почти не отдавая себе в этом отчета, мы утратили способность испытывать сострадание, слыша крик боли других, мы больше не плачем над чужой трагедией, нам неинтересно заботиться о них, словно все это — чужая обязанность, не имеющая к нам никакого отношения. Культура благосостояния — словно анестезия для нас: мы теряем спокойствие, когда рынок предлагает нам то, чего мы еще не приобрели, а все эти жизни, подрубленные отсутствием возможностей, воспринимаем как зрелище, не вызывающее у нас никаких эмоций.

«Нет» новому идолопоклонству перед деньгами

55. Одна из причин такого положения дел заключается в наших отношениях с деньгами, ведь мы миримся с их господством над нами и над нашими обществами. Нынешний финансовый кризис заставляет нас забыть, что у его истоков лежит глубокий антропологический кризис: отрицание первенства человеческого существа! Мы создали новых идолов. Поклонение древнему золотому тельцу (ср. Исх 32, 1-35) обрело новое жестокое воплощение в денежном фетишизме и в диктатуре экономики, лишенной истинно

человеческих облика и цели. Во всемирном финансовом и экономическом кризисе очевидны диспропорции и, в первую очередь, серьезное отсутствие антропологической составляющей, из-за чего человеческое существо низводится к только одной из своих потребностей: к потреблению.

56. Пока выручка немногих растет в геометрической прогрессии, большинство все дальше оттесняется от благосостояния счастливого меньшинства. Эта диспропорция проистекает из идеологий, защищающих абсолютную автономию рынков и финансовые спекуляции. Вот почему они отрицают право на контроль со стороны государств, обязанных следить за защитой общего блага. Устанавливается новая невидимая, порой виртуальная, тирания, навязывающая односторонним и беспощадным образом свои законы и свои правила. К тому же долги и проценты по займам отдаляют страны от практических возможностей их экономик, а граждан — от их реальной покупательной способности. Ко всему этому добавляется разветвленная коррупция и натиск эгоистичного налогообложения, поистине всемирного масштаба. Жажда властвовать и обладать не знает границ. В этой системе, стремящейся поглотить все ради умножения выгоды, любая хрупкая сфера, например, окружающая среда, беззащитна перед ставшими абсолютным законом интересами обожествляемого рынка.

«Нет» правящим, а не служащим деньгам

57. За таким отношением скрываются отказ от этики и отказ от Бога. На этику обычно смотрят с несколько насмешливым пренебрежением. Она считается непродуктивной, слишком гуманной, поскольку говорит об относительности денег и власти. Она воспринимается как угроза, так как осуждает манипулирование личностью и деградацию личности. В конечном счете, этика отсылает к Богу, ожидающему обязывающего ответа, к Богу, не вписывающемуся в категории рынка. При абсолютизации этих категорий Бог оказывается неконтролируемым, не поддающимся манипуляции и даже опасным, поскольку призывает человеческое существо к полной самореализации и независимости от какого-либо рабства. Этика, не испытывающая влияния идеологии, позволяет добиться равновесия и более человеческого социального строя. В связи с этим я призываю специалистов в области финансирования и государственного управления из разных стран помнить слова древнего мудреца: «Не уделять бедным из своего имущества — значит похищать у бедных и отнимать у них жизнь. Мы владеем не нашей, но их собственностью»^[55].

58. Не игнорирующая этику финансовая реформа потребовала бы от ведущих политиков энергично сменить свою позицию, и я призываю решительно и дальновидно принять этот вызов, естественно, не забывая о специфике контекста той или иной страны. Деньги должны служить, а не править! Папа любит всех, богатых и бедных, но во имя Христа он обязан напоминать богатым о долге помогать бедным, уважать их и содействовать им. Я

призываю вас к бескорыстной солидарности и возвращению экономики и финансов к этике во благо человека.

«Нет» беззаконию, рождающему насилие

59. Сегодня с разных сторон звучит требование усилить безопасность. Но насилие невозможно вырвать с корнем до тех пор, пока не уничтожены исключение и беззаконие в обществе и в отношениях между разными народами. В насилии обвиняют терпящих лишения людей и самые бедные народы, однако без равенства возможностей различные формы агрессии и войны найдут плодородную почву, где рано или поздно произойдет взрыв. Если общество — местное, национальное или всемирное — вытесняет часть себя на периферию, то ни политические программы, ни правоохранительные силы, ни *секретные службы* не могут обеспечить спокойствие без границ. Не только из-за того, что беззаконие вызывает жесткую реакцию у исключенных из системы, но и потому, что социальная и экономическая системы в корне несправедливы. Зло, как и добро, стремится распространяться: зло, на которое мы соглашаемся, то есть несправедливость, старается распространить свою вредоносную силу и тихо расшатать основы любой политической и социальной системы, какими бы прочными они ни казались. Коль скоро у любого действия есть последствия, зло, угнездившееся в структурах общества, всегда несет в себе потенциал разрушения и смерти. Это зло выкристаллизовалось в несправедливых социальных структурах, и от него нельзя ждать наступления лучшего будущего. Мы далеки от так называемого «конца истории», поскольку условия для приемлемого и мирного развития пока еще недостаточно укоренены и реализованы.

60. Механизмы современной экономики обостряют потребление, но оказывается, что безудержное потребительство вкупе с беззаконием наносит двойной удар по социальной сети. То есть социальное неравенство рано или поздно порождает насилие, причем использование вооруженных сил не решает и никогда не решит эту проблему. Вооруженные силы служат намеренному обману тех, кто вопиет о большей безопасности, будто мы с вами сегодня не знаем, что оружие и жестокое подавление вместо поиска решений вызывают новые, еще более страшные конфликты. Некоторые удовлетворяются обвинением самих неимущих и бедных стран в их бедствиях, несправедливо обобщая и претендуя найти решение в «просвещении», превращающем их в прирученных и безобидных существ. Все это оказывается фактором еще большего раздражения, когда отверженные замечают распространение социальной раковой опухоли, то есть коррупции, глубоко укорененной во многих странах — на уровне правительств, предпринимателей и институтов, — независимо от правящей политической идеологии.

Некоторые культурные вызовы

61. Мы благовествуем и тогда, когда стараемся принять разнообразные возможные

вызовы[56]. Порой вызовы проявляются в самых настоящих нападениях на религиозную свободу и в новых условиях гонения на христиан, причем в ряде стран уровень ненависти и насилия вызывает серьезную тревогу. Во многих местах речь идет, скорее, о распространенном релятивистском безразличии, связанном с разочарованием и кризисом идеологий, проявившемся как реакция на все, что кажется тоталитарным. Это вредит не только Церкви, но и социальной жизни вообще. Мы признаем, что культура, в рамках которой каждый хочет быть носителем собственной субъективной истины, препятствует желанию граждан участвовать в общем проекте, превышающем личные интересы и желания.

62. В доминирующей культуре первое место занимает внешнее, непосредственное, видимое, быстрое, поверхностное, случайное. Реальность уступает место видимости. Во многих странах стремительному разрушению культурных корней способствовала глобализация, навязывающая тенденции, присущие другим, экономически развитым, но этически ослабленным, культурам. Об это высказывались на Синодах епископы разных континентов. Например, африканские епископы, опираясь на энциклику *Sollicitudo rei socialis*, несколько лет назад отметили, что африканские государства нередко стремятся превратить в простые «шестеренки, в детали гигантского механизма. Зачастую это проявляется и в сфере средств социальной коммуникации: они контролируются по большей части центрами, находящимися на Севере мира, поэтому недостаточно учитывают приоритеты и проблемы, присущие нашим странам, и не уважают наш культурный облик»[57]. Точно так же епископы Азии подчеркнули «влияния извне на азиатские культуры. Появляются новые формы поведения как результат чрезмерной податливости средствам коммуникации [...]. Вследствие этого негативные аспекты развлекательной медийной индустрии угрожают традиционным ценностям»[58].

63. Католическая вера многих народов сегодня сталкивается с вызовом распространения новых религиозных движений. Некоторым из таких движений присущ уклон в фундаментализм, другие предлагают безбожную духовность. С одной стороны, это результат человеческой реакции перед лицом материалистского, конsumerистского и индивидуалистского общества, с другой стороны — результат извлечения выгоды из лишений людей, живущих на периферии и в бедных районах, выживающих в условиях невыносимого человеческого страдания и отсутствия средств для прямого удовлетворения потребностей. Этим религиозным движениям свойственно распространяться хитроумно: в условиях господствующего индивидуализма они стараются заполнить собой пустоту, оставленную секуляристским рационализмом. Кроме того, нам необходимо признать, что часть нашего крещеного народа не ощущает своей принадлежности к Церкви, это обусловлено, в том числе, некоторыми нашими структурами и негостеприимной атмосферой в некоторых приходах и общинах или же бюрократическим подходом, проявляющимся в ответе на простые и сложные житейские проблемы наших народов. Во многих местах административный аспект доминирует над пастырским, а из всех форм

евангелизации преобладает преподавание таинств.

64. Процесс секуляризации стремится свести веру и Церковь на уровень частной и сугубо личной сферы. К тому же отрицание всего трансцендентного вызвало нарастание деформации этики, ослабление чувства личного и социального греха и способствовало прогрессивному укреплению релятивизма. Все это приводит к всеобщей дезориентации, особенно у подростков и юношества, столь ранимых переменами. Епископы Соединенных Штатов Америки точно отметили, что пока Церковь настаивает на существовании объективных, действительных для всех нравственных норм, «есть и те, кто представляет это учение несправедливым или противоречащим основным правам человека. Такие аргументы проистекают исключительно из проявления нравственного релятивизма, небезосновательно смыкающегося с верой в абсолютные права индивидуума. В свете этого кажется, что Церковь, якобы, распространяет частное предубеждение и вмешивается в индивидуальную свободу»^[59]. Мы живем в информационном обществе, без дискриминации насыщающем нас сведениями, всех на одном уровне, и в итоге заставляющем нас чудовищно поверхностно определять нравственные проблемы. Следовательно, необходимо образование, обучающее критическому мышлению и предлагающее путь к зрелому восприятию ценностей.

65. Несмотря на поток секуляризма, затопляющий общества, во многих странах — даже там, где христиане в меньшинстве — Католическая Церковь в глазах общественного мнения остается достойным доверия институтом, надежным в том, что относится к сфере солидарности и попечения о самых нуждающихся. Неоднократно к ней прибегали как к посреднице при поиске решения проблем, касающихся мира, согласия, окружающей среды, защиты жизни, прав человека и гражданина и т.п. А какой огромный вклад вносят католические школы и университеты по всему миру! И очень хорошо, что так обстоят дела. Но стоит отметить, что когда мы ставим ребром вопросы, не столь приятные общественному мнению, мы поступаем так ради верности все тем же убеждениям относительно достоинства человеческой личности и общего блага.

66. Семья, как и все общины и социальные отношения, переживает глубокий культурный кризис. В случае семьи хрупкость отношений очень опасна именно потому, что речь идет о фундаментальной ячейке общества, в ней учатся сосуществованию, несмотря на различия, и принадлежности другим людям, именно в семье родители передают веру детям. Все чаще брак рассматривается с позиций эмоционального удовлетворения, которого можно добиться тем или иным образом и которое может меняться в зависимости от чувственности каждого. Но неотъемлемый дар брака обществу превосходит уровень эмоциональности и вероятных потребностей пары. Как учат епископы Франции, брак рождается «не из любовного чувства, эфемерного по определению, но из глубины обязательства, взятого на себя супругами, соглашающимися вступить в полное общение жизни»^[60].

67. Постмодернистский индивидуализм глобализации способствует образу жизни, ослабляющему развитие и стабильность межличностных отношений, а также извращающему семейные узы. Пастырское попечение должно еще лучше показывать, что связь с нашим Небесным Отцом требует единства, исцеляющего, содействующего и укрепляющего межличностные отношения. Пока в мире, особенно в некоторых странах, вновь по-разному проявляются войны и столкновения, мы, христиане, настаиваем на призыве узнать другого, исцелить раны, навести мосты, установить взаимоотношения и взаимно помогать «носить бремена друг друга» (Гал 6, 2). С другой стороны, сегодня появляются самые разные ассоциации ради защиты прав и достижения благородных целей. Тем самым дает о себе знать жажда принимать участие в жизни общества, которую испытывает множество граждан, желающих стать созидателями социального и культурного прогресса.

Вызовы инкультурации веры

68. В некоторых народах, особенно в западных, христианский субстрат — живая реальность. Здесь мы находим, главным образом, среди самых нуждающихся, нравственный резерв, сохраняющий ценности подлинного христианского гуманизма. Охватывая реальность взглядом веры, невозможно забыть о распознавании деяний, посеянных Святым Духом. Мысль, что подлинные христианские ценности отсутствуют там, где большинство населения приняло Крещение и разнообразно выражает свою веру и братскую солидарность, свидетельствовала бы о недоверии свободному и щедрому действию Святого Духа. Здесь следует распознавать намного более «семян Слова», поскольку речь идет о подлинной католической вере с присущими ей формами выражения и принадлежности Церкви. Неправильно игнорировать решающее значение культуры, отмеченной верой, поскольку у этой евангелизированной культуры, независимо от ее границ, намного больше ресурсов, чем у простой совокупности верующих, противостоящих атакам современного секуляризма. Народная евангелизированная культура содержит ценности веры и солидарности, которые могут содействовать развитию более справедливого и верующего общества. Кроме того, ей присуща особая мудрость, которую надо уметь распознавать благодарным взглядом.

69. Евангелизация культур ради инкультурации Евангелия — настоятельная необходимость. Для стран католической традиции это означает поддерживать, укреплять уже существующее богатство и заботиться о нем, в странах с другими религиозными традициями либо глубоко секуляризовавшихся речь может идти о содействии новым процессам евангелизации культуры, несмотря на то, что такое содействие предполагает очень долгосрочные проекты. Тем не менее нельзя игнорировать неизменный призыв к развитию. Любая культура и любая социальная группа нуждается в очищении и созревании. В случае католических народных культур стоит отметить некоторые слабости, требующие исцеления Евангелием: превосходство мужчины над женщиной, алкоголизм, домашнее

насилие, редкое участие в Евхаристии, фатализм либо суеверия, побуждающие обращаться к услугам «магов», и тому подобное. Но именно народное благочестие — наилучшая отправная точка для исцеления и освобождения от всего этого.

70. Также верно и то, что порой акцент ставится не столько на импульсе христианского благочестия, сколько на внешних проявлениях традиций тех или иных групп или на гипотетических личных откровениях, возводящихся в ранг абсолюта. Существует вид христианства, заключающийся в личном, чувственном способе восприятия веры, что отнюдь не идентично подлинному «народному благочестию». Некоторые содействуют распространению подобных проявлений «благочестия», не заботясь о социальном развитии и образовании верных, причем в ряде случаев это совершается намеренно, с целью извлечения материальной выгоды или порабощения других людей. Тем более нельзя игнорировать, что в минувшие десятилетия в католическом народе прервалась цепь передачи христианской веры от поколения к поколению. Многие чувствуют разочарование и отказываются отождествлять себя с католической традицией, все больше родителей не крестят детей, не учат их молиться, налицо уход в иноверческие общины. Вот некоторые причины такого разрыва: отсутствие диалога в семье, влияние средств коммуникации, релятивистский субъективизм, безудержное потребление, стимулируемое рынком, нехватка пастырского попечения о самых неимущих, отсутствие сердечного приема в наших институтах и то, что нам не удастся возродить мистическое притяжение веры в полирелигиозных условиях.

Вызовы городских культур

71. Новый Иерусалим, святой Город (ср. Откр 21, 2-4) — цель к которой следует все человечество. Интересно, Откровение говорит нам, что полнота человечества и истории реализуется в городе. Нам необходимо распознать город, начиная с созерцательного взгляда, или взгляда веры, открывающего Бога, живущего в домах города, на его улицах и площадях. Присутствие Бога сопровождает искренний поиск, предпринимаемый людьми и группами, чтобы обрести поддержку и смысл жизни. Бог живет среди горожан, содействуя солидарности, братству, желанию добра, истины и справедливости. Это присутствие должно быть не сформировано, а открыто, обнаружено. Бог не прячется от тех, кто ищет Его искренним сердцем, хотя мы ищем его вслепую, неуверенно и рассеянно.

72. В городе религиозный аспект опосредован разными стилями жизни, обычаями, связанными со спецификой времени, территории и отношений, отличающимися от образа жизни сельских жителей. В повседневной жизни горожане часто борются за выживание, и в этой борьбе скрывается глубокая суть существования, нередко заключающая в себе глубокое религиозное чувство. Мы должны созерцать его, чтобы вести диалог, по примеру беседы Господа с самарянкой у колодца, где она хотела утолить свою жажду (ср. Ин 4, 7-26).

73. Новые культуры продолжают генерироваться в этих огромных человеческих географических объектах, и не всегда христианин может развивать или сообщать смысл, а сам усваивает от этих культур язык, символы, послания и парадигмы, дающие жизни новые направления, зачастую — в противоречии с Иисусовым Евангелием. В городе пульсирует и складывается неизвестная культура. Синод констатировал, что сегодня перемены этих огромных пространств и выражаемая ими культура — главное пространство новой евангелизации[61]. Это заставляет нас представлять себе пространства молитвы и общения с новыми характерными особенностями, более привлекательными и значимыми для городских жителей. Сельская местность из-за наплыва средств массовой коммуникации тоже не чужда культурным переменам, вызывающим серьезные изменения и в их образе жизни.

74. Становится необходимой евангелизация, просвещающая новые способы общения с Богом, с другими и с окружающей средой — евангелизация, создающая фундаментальные ценности. Необходимо прийти туда, где формируются новости и новые парадигмы, добраться со Словом Иисуса до сокровенных глубин души городов. Нельзя забывать, что город — мультикультурное пространство. В больших городах можно обнаружить объединяющие социальные круги, в которых люди разделяют друг с другом мечты о жизни и схожие представления, образует новые группы на культурных территориях, в незримых городах. Разные формы культуры фактически сосуществуют, но нередко содействуют практике сегрегации и насилию. Церковь призвана начать служение трудного диалога. Одни горожане получают необходимые средства для развития личной и семейной жизни, а с другой стороны — существует очень много «не горожан», «полугорожан» и «городских отбросов». Город порождает своего рода вечную двойственность, поскольку, хотя он предоставляет своим горожанами безграничные возможности, для развития жизни многих ставится множество трудностей. Такое противоречие причиняет мучительные страдания. Во многих частях мира города — пространство массового протеста, где тысячи жителей требуют свободы, возможности участия, справедливости, выдвигают разные требования, которые, если их неверно интерпретировать, будет невозможно насильно заставить умолкнуть.

75. Нельзя игнорировать, что в городах легко распространяется торговля наркотиками и людьми, сексуальное насилие над несовершеннолетними и эксплуатация детей, отказ от стариков и больных, всевозможные формы коррупции и криминала. При этом то, что могло бы стать драгоценным пространством встречи и солидарности, часто трансформируется в место бегства и взаимного недоверия. Дома и кварталы строятся так, чтобы изолировать и охранять, а не связывать и соединять. Возвещение Евангелия станет основой для восстановления достоинства человеческой жизни в этих условиях, так как Иисусу угодно пролить на города жизнь в преизбытке (ср. Ин 10, 10). Цельный и полноценный смысл человеческой жизни, предлагаемый Евангелием — лучшее лекарство от бедствий города, хотя следует считаться с тем, что программа евангелизации в однообразном и

закостенелом стиле не подходит для этой реальности. Но полное восприятие всего человеческого и погружение в гущу вызовов как в закваску свидетельства в любой культуре, в любом городе улучшает христианина и оплодотворяет город.

II. Испытания пастырских сотрудников

76. Я безгранично благодарен всем работающим в Церкви за их старания. Не хочу здесь останавливаться на перечислении дел всех, кто трудится на ниве пастырства, — от епископов до самых скромных и неприметных сотрудников церковных служб. Мне больше хотелось бы поразмышлять над вызовами, с которыми им приходится сталкиваться в условиях современной культуры глобализации. Однако должен в первую очередь сказать, отдавая должное справедливости, что вклад Церкви в современный мир огромен. Боль и стыд за грехи некоторых членов Церкви и наши собственные прегрешения не должны заставлять забыть, сколько христиан из любви отдают свою жизнь: помогают многим людям исцелиться или с миром почить в убогих больницах, сопровождают людей, поработанных разными зависимостями, в самых бедных уголках земли, отдают себя на благо воспитания детей и молодежи, заботятся об отвергнутых всеми стариках, стараются прививать ценности во враждебной обстановке или посвящают себя каким-либо иным из множества способов, свидетельствующих о безмерной любви к человечеству, вдохновленной Богом, ставшим человеком. Благодарю за прекрасный пример многих христиан, с радостью отдающих свою жизнь и время. Это свидетельство очень полезно и мне, оно поддерживает меня в личном стремлении преодолеть собственный эгоизм и больше отдавать себя другим.

77. Кроме того, мы, дети нынешней эпохи, все в определенной степени испытываем влияние современной культуры глобализации, которая, хотя и предоставляет нам новые ценности и возможности, может ограничивать нас, ставить перед нами условия и даже вызвать у нас болезнь. Я признаю, что мы нуждаемся в создании пространств, подходящих для мотивирования и исцеления пастырских работников, «мест для возрождения нашей веры в распятого и воскресшего Иисуса, где можно делиться своими самыми сокровенными вопросами и повседневными тревогами, с помощью евангельских критериев тщательно рассматривать свое существование и опыт, чтобы направлять выбор в личной и социальной сфере к благу»^[62]. Одновременно желаю привлечь внимание к некоторым испытаниям, угрожающим пастырским работникам, особенно в наши дни.

«Да» вызову миссионерской духовности

78. Сегодня у многих пастырских работников, включая тех, кто посвятил жизнь Богу, можно заметить чрезмерную заботу о границах личной автономии и комфорта, что побуждает относиться к нашим обязанностям как к простому приложению к жизни, будто бы они не представляют собой неотъемлемую часть нашей идентичности. В то же время духовная

жизнь смешивается с некоторыми религиозными моментами, дающими некоторое облегчение, но не влекущими за собой встречу с другими, ответственность за мир, страсть к евангелизации. У многих работников на ниве евангелизации, несмотря на молитву, отмечается обострение *индивидуализма, кризис идентичности и ослабление рвения*. И эти три бедствия подпитываются друг другом.

79. Медийная культура и некоторые интеллектуальные круги порой выражают явное недоверие и определенное разочарование в отношении миссии Церкви. Как следствие, у многих пастырских работников, несмотря на молитву, формируется комплекс неполноценности, заставляющий релятивистски относиться к собственной христианской идентичности и убеждениям либо скрывать их. То есть возникает порочный круг: они недовольны самими собой и тем, что они делают, не идентифицируют себя с миссией евангелизации, и все это ослабляет их усердие. В конце концов, они удушают радость миссии своего рода манией быть такими, как все, и иметь то, что есть у других. Поэтому задачу евангелизации они воспринимают как нечто навязанное им и уделяют ей мало сил и строго ограниченное время.

80. Независимо от духовного направления или особой линии мировоззрения, у пастырских работников развивается релятивизм, еще более опасный, чем доктринальный. Он связан с более глубинными и искренними решениями, определяющими образ жизни. Такой практический релятивизм заключается в том, чтобы вести себя так, будто Бога нет, принимать решения так, будто не существует бедных, мечтать так, будто других людей нет, работать так, будто бы людей, не получивших благовестие, не существует. Достоин замечания тот факт, что даже лица, внешне обладающие твердыми доктринальными и духовными убеждениями, зачастую погружаются в образ жизни, ведущий к привязанности к материальной стабильности или всячески стремятся к власти и человеческой славе, вместо того, чтобы ради миссии отдавать жизнь за других. Не позволим лишить нас миссионерского энтузиазма!

«Нет» эгоистической лени

81. Если мы все больше нуждаемся в миссионерском динамизме, приносящем соль и свет миру, то многие миряне опасаются, что кто-нибудь призовет их взяться за те или иные апостольские обязанности, и избегают любого обязательства, отнимающего у них свободное время. Например, сегодня очень трудно найти для приходов подготовленных катехизаторов, исполняющих свои обязанности на протяжении нескольких лет. Но нечто похожее происходит и со священниками, ревностно заботящимися о личном времени. Нередко это обусловлено тем, что люди испытывают насущную потребность сохранять в неприкосновенности личное, автономное пространство, словно задача евангелизации — опасный яд, а не радостный ответ на любовь Бога, призывающего нас к миссии и делающего нас полноценными и приносящими плод. Некоторые сопротивляются тому,

чтобы в полной мере отведать вкус миссии, и остаются парализованными ленью.

82. Проблема не всегда заключается в чрезмерной деятельности, но, в первую очередь, в неверно воспринимаемых действиях, без соответствующей мотивации, без духовности, которая должна бы предварять действие и пробуждать желание совершить его. Как следствие, обязанности утомляют неизмеримо больше и даже иногда вызывают болезнь. Речь идет не о спокойном труде, а о напряженном, тяжелом, не приносящем удовлетворения и, в конечном счете, неприемлемом. У пастырской лени могут быть разные истоки. Одних лень поражает из-за работы над нереализуемыми проектами и из-за того, что их не радует то, чего они могли бы спокойно добиться. Других — потому что, не понимая, что все достигается лишь трудом, они ждут «манны небесной». Третьи — из-за привязанности к взращиваемым тщеславием замыслам и мечтам об успехе. Четвертые — из-за утраты реального контакта с людьми и обезличивания пастырского попечения, в результате чего они больше внимания уделяют организационным мероприятиям, чем личности, их больше воодушевляет «график движения», чем, собственно, движение. Пятые поддаются лени из-за того, что не умеют ждать, желают подчинить себе ритм жизни. Сегодняшняя жажда добиться немедленного результата приводит к тому, что пастырские работники нелегко смиряются с какими бы то ни было противоречиями, явным провалом, критикой, крестом.

83. Тем самым обретает очертания самая страшная угроза, заключающаяся в «сером прагматизме повседневной жизни Церкви, когда внешне все протекает нормально, а на самом деле вера истощается и вырождается в мелочность»^[63]. Развивается «психология гробницы», постепенно превращающая христиан в музейные мумии. Разочарованные в реальности, в Церкви или в самих себе, они борются с постоянным искушением поддаться слащавой печали, лишенной надежды, порабошающей сердце, как «самый ароматный эликсир Сатаны»^[64]. Христиане, призванные просвещать и сообщать жизнь, в итоге позволяют себе увлечься вещами, порождающими лишь тьму и внутреннюю усталость, ослабляющими апостольский динамизм. Вот почему я настаиваю: не позволим украсть у нас радость евангелизации!

«Нет» бесплодному пессимизму

84. Радость Евангелия ничто и никто никогда не сможет отнять у нас (ср. Ин 16, 22). Бедствия нашего мира — и Церкви — не могут служить оправданием для ослабления наших усилий и нашего рвения. Давайте смотреть на них как на вызов для развития! Кроме того, взгляд веры способен различить свет, всегда изливаемый Святым Духом во тьме, помня, что «когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» (Рим 5, 20). Нашей вере брошен вызов предвидеть вино, в которое может быть претворена вода, и обнаруживать знаки среди плевел. Через пятьдесят лет после II Ватиканского Собора мы испытываем боль из-за бедствия нашей эпохи и далеки от наивных оптимистов, однако больший

реализм не означает уменьшения упования на Святого Духа и ослабления бескорыстия. В связи с этим можно обратиться к словам блаженного Иоанна XXIII, произнесенным в достопамятный день 11 октября 1962 г.: «До нас доносятся обидные слова тех, кто, хотя и воспламенен религиозным рвением, недостаточно объективно и без справедливой осторожности оценивает факты. В нынешнем положении человеческого общества они не способны увидеть ничего, кроме разрушения и бедствий [...]. Мы обязаны решительно опровергнуть этих прорицателей несчастья, неизменно пророчащих худшее, словно над нами навис конец света. В нынешней ситуации человеческих событий, когда человечество, как представляется, входит в новый порядок вещей, скорее нужно видеть таинственные замыслы Божественного Провидения, последовательно исполняющиеся в делах людей, зачастую выходящие за пределы ожиданий, и мудро устрояющие все, даже через неблагоприятные человеческие события, ради блага Церкви»^[65].

85. Одним из серьезнейших искушений, удушающих рвение и смелость, является чувство поражения, превращающее нас в ворчливых и разочарованных пессимистов с кислыми лицами. Нет смысла идти в бой, если до конца не уверен в победе. Кто без такой уверенности вступает в битву, тот уже проиграл ее наполовину и похоронил свои таланты. С болью сознавая свои слабости, мы должны двигаться вперед, не признавая себя побежденными, и помнить сказанное Господом Павлу: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор 12, 9). Христианский триумф — это всегда крест, но крест — это одновременно и знамя победы, его несут с ратной любовью навстречу натиску зла. Злой дух пораженчества — брат искушения отделить раньше времени пшеницу от плевел, которое является следствием беспокойного и эгоистичного неверия.

86. Очевидно, что в некоторых регионах произошло некое духовное «опустошение» как результат попытки построить общество без Бога и уничтожить христианские корни. В таких регионах «христианский мир становится бесплодным и истощается, как почва, из которой вытянули все соки, превращается в песок»^[66]. В других странах яростное противостояние христианству вынуждает христиан практиковать свою веру чуть ли не подпольно на любимой родине. Это еще одна прискорбная форма пустыни. Но даже собственная семья или место работы могут стать высохшей землей, где все же нужно хранить веру и пытаться распространять ее. Ведь «именно опыт этой пустыни, этого вакуума дает нам возможность заново открыть для себя радость веры, ее жизненно важное значение для нас — и мужчин, и женщин. В пустыне мы вновь ощущаем ценность того, что действительно необходимо для жизни, и в современном мире есть множество признаков жажды Бога и конечного смысла жизни, которая часто проявляется в скрытой или негативной форме. И в пустыне нужны, прежде всего, люди веры, который своей собственной жизнью укажут путь к Земле Обетованной и тем самым сохраняют людям надежду»^[67]. Мы в любой ситуации призваны быть людьми-кувшинами, из которых смогут пить другие. Иногда быть кувшином значит нести тяжелый крест, но именно с креста пронзенный Господь дал нам Себя как источник живой воды. Не позволим украсть у нас надежду!

«Да» новым отношениям, рожденным Христом

87. Сегодня, когда социальные сети и средства коммуникации между людьми достигли неслыханных успехов, мы сталкиваемся с вызовом открывать и сообщать окружающим ту «мистику» сосуществования, объединения, встреч, взаимных объятий, поддержки друг друга, участия в этом немного хаотичном море, которое может преобразиться в подлинный опыт братства, общее странствие, в священное паломничество. Еще большие возможности для общения превращаются таким образом в более широкие возможности для встречи и солидарности между всеми. Если бы мы смогли пойти по этому пути, то это принесло бы нам столько добра, столько исцеления, столько свободы и столько надежды! Выйти за границы собственного «я», чтобы объединиться с другими — благо для нас. Замкнуться в себе — значит вкусить горький яд имманентизма, и тогда человечество будет все больше утрачивать с каждым принятым нами эгоистичным решением.

88. Христианский идеал всегда будет побуждать к преодолению подозрений, перманентного недоверия, страха перед нападением, всех оборонительных позиций, которые навязывает нам современный мир. Многие пытаются бежать от других в уютную обособленность или в узкий круг самых близких и отказываются от реализма социального измерения Евангелия. Как некоторые хотели бы видеть чисто духовного Христа без плоти и креста, так другие предпочитают, чтобы межличностные отношения осуществлялись только посредством сложных аппаратов, мониторов и систем, которые можно включать и выключать по первому желанию. Между тем Евангелие неустанно призывает нас идти на риск встречи лицом к лицу с другими, с их физическим присутствием, которое бросает вызов нам, с их болью и мольбами, с их радостью, которая заразит и нас при постоянном тесном контакте. Подлинная вера в Сына Божия, ставшего плотью, неотделима от самоотдачи, от причастности к общине, от служения, от примирения с плотью других. Сын Божий Своим воплощением призвал нас к «революции чуткости».

89. Самоизоляция как одна из вариаций имманентизма может выражаться в ложной автономии, исключающей Бога, но и верующий порой страдает некой формой духовного потребительства в меру его нездорового индивидуализма. Характерный для нашей эпохи возврат к священному и духовные поиски — двойственный феномен. Сегодня нас должен заботить не столько атеизм, сколько вызов должным образом ответить на испытываемую многими людьми жажду Бога, чтобы они не пытались утолить ее отчуждающими от окружающих идеями или Иисусом Христом без плоти и без обязательств перед другими. Если они не найдут в Церкви духовность, которая исцелит их, освободит, наполнит жизнью и миром и, в то же время, призовет к братскому общению и миссионерской плодотворности, они, в конце концов, будут обмануты предложениями, которые не делают людей более гуманными и не воздают славу Богу.

90. Формы, присущие народной религиозности, — это воплощенные формы, потому что они

проистекают из воплощения христианской веры в национальной культуре. По этой причине они подразумевают личные отношения не с энергиями, дарующими гармонию, а с Богом, с Иисусом Христом, с Марией, со святым. У этих форм есть плоть, есть лицо. Они способны подпитывать потенциал отношений, а не индивидуалистское бегство. В других сферах наших обществ растет уважение к различным проявлениям «духовности благосостояния» без общности, «богословия процветания» без братских обязательств и к обезличенным субъективным переживаниям, сводящимся к внутреннему имманентистскому поиску.

91. Одна из важнейших задач — показать, что решением проблем ни в коем случае не может быть уклонение от личных и обязывающих отношений с Богом, одновременно налагающих на нас обязательства перед другими. Это происходит сегодня, когда верующие пытаются спрятаться и отстраниться от других или тихонько перескакивают с места на место, от одного дела к другому, не создавая глубоких и прочных связей: «*Imaginatio locorum et mutatio multos fefellit*»^[68]. Это ложное лекарство, усугубляющее болезнь сердца, а порой — и тела. Нам нужно помочь другим понять, что единственный путь — научиться встречаться с другими с верным подходом к ним, т.е. ценить и принимать их без внутреннего сопротивления, как попутчиков. А еще лучше — научиться узнавать Иисуса в лицах других, в их голосах и в их просьбах. Научиться страдать в объятиях распятого Иисуса всякий раз, когда мы сталкиваемся с несправедливой агрессией или неблагодарностью, не уставая при этом всегда отдавать выбор в пользу братства^[69].

92. В этом истинное исцеление, поскольку форма отношений с другими, которая действительно нас исцеляет, а не калечит — *мистическое*, созерцательное братство, способное разглядеть священное величие ближнего, способное открыть Бога в каждом человеческом существе, способное сносить неудобства сосуществования, слившись с любовью Божией, умеющее открыть сердце для любви Божией, чтобы искать счастья других так же, как его ищет их благой Отец. Именно в наши дни ученики Господни даже там, где они — лишь «малое стадо» (Лк 12, 32), призваны быть общиной, солью земли и светом миру (ср. Мф 5, 13-16). Они призваны всякий раз по-новому свидетельствовать о евангелизационной сопричастности^[70]. Не позволим украсть у себя общность!

«Нет» духовному обмирщению

93. Духовное обмирщение, прикрывающееся внешними проявлениями благочестия и даже любовью к Церкви, состоит в том, что человек вместо славы Божией ищет человеческой славы и личного благополучия. Именно в этом упрекал Господь фарисеев: «Как вы можете верить, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите?» (Ин 5, 44). Это изощренный способ «искать своего, а не того, что угодно Иисусу Христу» (Флп 2, 21). Такое духовное обмирщение может принимать различные формы в зависимости от типа личности и прослойки, к которой человек принадлежит. Поскольку обмирщение связано со стремлением к видимости, оно не всегда сопровождается

публичными грехами, и извне все выглядит правильным. Но если оно проникнет в Церковь, то «окажется намного разрушительнее, чем любое другое чисто нравственное обмирщение»^[71].

94. Это обмирщение может вызываться, прежде всего, двумя глубоко родственными причинами. Первая из них — это увлечение гностицизмом, замкнутая в субъективизме вера, когда человека интересует лишь определенный опыт или набор идей и знаний, которые вроде бы должны ободрять и просвещать, но, в конце концов, запирают субъект в тюрьму имманентности собственного разума и чувств. Другая причина — это самодостаточное прометеево неопелагианство тех, кто, по сути, верит только в собственные силы и чувствует себя выше других, потому что соблюдает определенные правила и хранит непоколебимую верность некоторому католическому стилю, присущему прошлому. Предполагаемая доктринальная или дисциплинарная уверенность уступает место нарциссической и авторитарной элитарности, когда вместо евангелизации человек занимается анализом и классификацией других людей и вместо того, чтобы облегчить им доступ к благодати, всеми силами их контролирует. В обоих случаях его по-настоящему не интересуют ни Иисус Христос, ни окружающие. Это проявления антропоцентрического имманентизма. Трудно представить себе, чтобы подобные искаженные формы христианства могли породить подлинный евангелизаторский динамизм.

95. Это мрачное обмирщение проявляется во множестве позиций, на первый взгляд, противоположных, но в корне которых лежит та же претензия на «господство в пространстве Церкви». У одних оно проявляется в показной заботе о литургии, о вероучении и о престиже Церкви, при этом они не беспокоятся о том, чтобы Евангелие впиталось в Народ Божий и в конкретные нужды истории. В итоге жизнь Церкви превращается в музейный экспонат или в удел немногих. У других это духовное обмирщение скрывается за привлекательной возможностью продемонстрировать социальные и политические достижения или же проявляется в тщеславии, связанном с умением решать практические вопросы, либо в увлечении гонкой за самоуважением и самореализацией. Оно может также выражаться в разных способах показать себя вовлеченным в насыщенную социальную жизнь, состоящую из путешествий, собраний, званных ужинов, приемов. Обмирщение проявляется также в предпринимательском мышлении, отягощенном статистикой, планированием и оценками, когда основным получателем выгоды является не народ Божий, а Церковь как организация. В любом случае, подобное поведение уже не несет на себе печати воплощенного, распятого и воскресшего Христа; оно замыкается в *элитарных* группах и в действительности не выходит на поиск тех, кто находится далеко, и бесчисленного множества тех, кто жаждет Христа. Евангельское пламя уступает место суррогатному наслаждению эгоцентричным самодовольством.

96. В связи с этим обмирщение питает тщеславие тех, кто радуется, получив хоть немного

власти, и предпочитает быть генералом разбитых войск, а не простым солдатом роты, продолжающей сражаться. Как часто мы строим скрупулезные и хорошо намеченные планы апостольской экспансии, что присуще побежденным генералам! Тем самым мы отрицаем нашу церковную историю, которая славна тем, что является историей жертв, надежд и повседневной борьбы, жизни, без остатка отданной служению, историей постоянства в изнуряющем труде, потому что любая работа выполняется «в поте лица». Вместо этого мы тешим свое тщеславие, говоря о «том, что нужно делать» — впадая в грех «что нужно делать», — словно духовные учителя и специалисты в области пастырского попечения, дающие инструкции со стороны. Мы предаемся бесконечным фантазиям и теряем контакт с трудной действительностью нашего верующего народа.

97. Поддавшиеся подобному обмирщению люди смотрят сверху и издалека, отвергают пророчества своих братьев и сестер, порочат вопрошающих, постоянно указывают на ошибки других и одержимы внешней стороной дел. Их сердца открыты лишь на ограниченный горизонт собственной имманентности и личных интересов, и потому они не учатся на своих грехах и не готовы по-настоящему прощать. Это ужасное разложение, скрытое под видимостью благополучия. Нужно остановить этот процесс, придав Церкви движение вне ее рамок, движение миссии, сосредоточенной на Христе и несущей ответственность за бедных. Да избавит нас Бог от обмирщенной Церкви в духовных и пастырских нарядах! Это удушающее обмирщение исцелит лишь глоток чистого воздуха Святого Духа, освобождающего нас от эгоцентризма, замаскированного под внешнюю религиозность, лишенную Бога. Не позволим украсть у себя Евангелие!

«Нет» вражде между нами

98. Как много войн ведется внутри народа Божия и разных общин! В наших кварталах, на наших рабочих местах — сколько там войн из-за зависти и ревности даже среди христиан! Духовное обмирщение заставляет одних христиан воевать с другими христианами, с теми, кто становится на пути их стремления к власти, престижу, удовольствиям и экономическому благополучию. Есть и такие, кто прекращает воспринимать сердечную причастность Церкви ради возвращения духа соперничества. Они принадлежат уже не столько ко всей Церкви со всем ее богатым разнообразием, сколько к той или иной группе, считающей себя не такой, как все, особой.

99. Наш мир терзают войны и насилие и ранит распространение индивидуализма, разделяющего людей и сталкивающего их друг с другом в погоне за личным благополучием. В различных странах воскресают конфликты и старые раздоры, казалось бы, уже отчасти преодоленные. Мне особенно хотелось бы просить христиан из всех общин мира нести притягательное и лучезарное свидетельство братского единства. Пусть каждый сможет увидеть, как вы заботитесь друг о друге, как вы ободряете и поддерживаете друг друга: «Поэтому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин 13, 35).

Именно об этом с таким жаром молил Отца Иисус: «Да будут в Нас едино, — да уверует мир» (Ин 17, 21). Остерегайтесь соблазна зависти! Мы все в одной лодке и направляемся в одну гавань! Будем просить благодати умения радоваться плодам других, принадлежащим всем.

100. Тем, кто ранен старыми раздорами, трудно принять наш призыв к прощению и примирению, поскольку им кажется, что мы пренебрегаем их болью или требуем от них отречься от их памяти и идеалов. Но свидетельство подлинно братских и живущих примирением общин всегда сияет, как притягательный свет. В то же время мне с болью приходится констатировать, что в некоторых христианских сообществах и даже среди людей, посвятивших жизнь Богу, допускаются различные проявления ненависти, разделений, клеветы, наговоров, мести, ревности и стремления любой ценой навязать другим свои идеи, вплоть до преследований, выглядящих, как настоящая охота на ведьм. Кому мы будем благовествовать таким поведением?

101. Попросим Господа, чтобы Он даровал нам понимание закона любви! Как хорошо иметь такой закон! Как много добра приносит нам любовь друг к другу вопреки всему! Да, вопреки всему! К каждому из нас относится этот призыв св. Павла: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим 12, 21). И еще: «Делая добро, да не унываем» (Гал 6, 9). У всех нас есть симпатии и антипатии, и, возможно, в этот самый момент мы злимся на кого-то. По крайней мере, скажем Господу: «Господи, я зол на него, на нее. Молю Тебя о нем, о ней». Молиться о том, на кого мы сердиты, — это великий шаг вперед в любви и акт евангелизации. Давайте сделаем это сегодня! Не позволим украсть у себя братскую любовь!

Другие церковные вызовы

102. Миряне — просто подавляющее большинство народа Божия. Ему служит меньшинство рукоположенных служителей. В последнее время укрепилось сознание идентичности и миссии мирян в Церкви. В делах благотворительности, катехизации и распространения веры мы можем рассчитывать на помощь множества мирян (хотя их все равно недостаточно), с прочно укоренившимся чувством общины и великой верностью. В то же время сознание этой ответственности мирян, проистекающее из крещения и миропомазания, не во всем проявляется одинаково. В одних случаях виной тому — недостаток подготовки, необходимой для того, чтобы принять на себя важные задачи. В других — отсутствие в поместных Церквях пространства для самовыражения и деятельности вследствие чрезмерного клерикализма, не дающего мирянам права голоса при принятии решений. Но даже если отмечается большее участие многих верных в мирских формах служения, это не отражается на проникновении христианских ценностей в общественные, политические и экономические сферы. Труды мирян зачастую сводятся к внутрицерковным задачам без реальных усилий по приложению Евангелия к

преобразованию общества. Подготовка мирян и евангелизация профессиональных и интеллектуальных групп — вот серьезный вызов для пастырского попечения.

103. Церковь признает незаменимый вклад, который женщины вносят в общество своей чуткостью, интуицией и некоторыми особыми способностями, которые, как правило, свойственны им более, чем мужчинам. Это, например, особая женская внимательность к другим, которая выражается, в частности (но не исключительно), в материнстве. И мне приятно признавать, что многие женщины разделяют пастырские обязанности со священниками, участвуя в заботе об отдельных людях, семьях и группах и внося новый вклад в богословскую мысль. Но все же нам нужно предоставить еще большее пространство для более широкого присутствия женщин в Церкви, ведь «женский гений необходим во всех проявлениях социальной жизни, поэтому следует гарантировать присутствие женщин и в трудовом секторе», [72] и в других местах принятия решений, как в Церкви, так и в социальных структурах.

104. Требования соблюдения законных прав женщин, основанные на твердом убеждении в равном достоинстве обоих полов, ставят перед Церковью глубокие и сложные вопросы, которые нельзя легкомысленно игнорировать. Священство оставлено за мужчинами, как знамение Христа — Жениха, отдающего Себя в Евхаристии, и этот вопрос обсуждению не подлежит, но он может стать причиной конфликта, если сакраментальная власть слишком отождествляется с господством. Следует помнить, что, говоря о сакраментальной власти, «мы находимся в рамках *функции*, а не *достоинства и святости*» [73]. Служебное священство — лишь одно из средств, которыми пользуется Иисус для служения Своему народу, но наше великое достоинство проистекает из доступного для всех Крещения. Отождествление священника с Христом-Главой, то есть с главным источником благодати, не означает возвышения, ставящего пресвитера на недостижимую вершину. В Церкви функции «не дают возможности для превосходства одних над другими» [74]. Действительно, одна женщина, Мария, важнее епископов. Даже если функция служебного священства считается «иерархической», нужно всегда учитывать, что «она *полностью* подчинена освящению членов мистического тела Христова» [75]. Ее ключ и стержень — не власть, понимаемая как господство, а полномочие преподавать таинство Евхаристии, и именно отсюда проистекает авторитет, который всегда является служением народу. Перед пастырями и богословами стоит огромная задача помочь верным понять изложенную выше истину при уважении к возможному участию женщины в принятии важных решений в различных сферах жизни Церкви.

105. Пастырское попечение о молодежи, в том виде, в каком мы привыкли развивать его, пережило столкновение с социальными переменами. Привычные структуры часто уже не могут дать ответы на тревоги, нужды, проблемы и страдания молодых людей. Нам, взрослым, нелегко с терпением их выслушивать, понимать их терзания и запросы, научиться говорить с ними на понятном для них языке. По той же причине наши инициативы

в области образования не приносят ожидаемых плодов. Распространение и рост объединений и движений с преобладанием юношей и девушек можно рассматривать как действие Духа, открывающего новые пути, отвечающие их ожиданиям и стремлению к глубокой духовности и более осязаемому чувству сопричастности. Однако нужно стремиться к более стабильному участию таких объединений в пастырской работе всей Церкви[76].

106. Даже если не всегда легко удастся найти подход к молодежи, успехи достигнуты в двух сферах: в понимании того, что вся община евангелизирует и воспитывает молодежь, и в осознании потребности в том, чтобы молодежь еще больше становилось главным действующим лицом. Нужно признать, что в нынешних условиях кризиса чувства долга и общинных связей многие юноши и девушки предлагают солидарную помощь, встречая лицом к лицу бедствия мира, и посвящают себя различным формам активной деятельности и волонтерства. Некоторые участвуют в жизни Церкви, присоединяясь к группам, исполняющим то или иное служение, или же содействуя миссионерским начинаниям в своих епархиях или в других местах. Как прекрасно, что юноши и девушки стали «трубадурами веры», радостно несущими Иисуса Христа на каждую улицу, на каждую площадь и в каждый уголок земли!

107. Во многих регионах ощущается недостаток призваний к священству и к посвященной Богу жизни. Это часто связано с угасанием в общинах заразительного апостольского пламени, из-за чего они не внушают энтузиазма и не выглядят привлекательно. Где есть жизнь, огонь и жажда нести Христа другим, там рождаются подлинные призвания. Даже в тех приходах, где священники не отличаются особым рвением и радостью, братская и пылкая жизнь общины может пробудить желание всецело посвятить себя Богу и евангелизации, тем более если эта община неустанно молится о призваниях и не боится предлагать подрастающему поколению путь особого посвящения. С другой стороны, несмотря на дефицит призваний, сегодня укрепляется сознание необходимости более тщательного отбора кандидатов к священству. Поводом для принятия в семинарию может служить не всякая мотивация, и уж точно не такая, которая связана с эмоциональной нестабильностью и стремлением к власти, человеческой славе или финансовому благополучию.

108. Как уже было сказано выше, моя цель — не предложить здесь исчерпывающий анализ, а побудить общины дополнить и обогатить очерченную мной картину исходя из знания проблем, которые или непосредственно их касаются, или близки им. Надеюсь, что, делая это, они учтут, что всякий раз, когда мы пытаемся распознать в нынешней реальности знамения времен, целесообразно прислушаться к голосам и молодых, и пожилых. И те, и другие — надежда народов. Пожилые приносят память и мудрость опыта, который предостерегает перед глупым повторением одних и тех же ошибок прошлого. Молодежь призывает нас разбудить и укрепить надежду, так как таит в себе новые устремления человечества и открывает нас будущему, чтобы мы не цеплялись за ностальгию по

структурам и обычаям, которые уже не несут жизнь современному миру.

109. Вызовы требуют преодоления. Будем реалистами, но не теряя радости, смелости и исполненной надежды самоотдачи! Не позволим украсть у себя миссионерскую силу!

ГЛАВА III

ПРОПОВЕДЬ ЕВАНГЕЛИЯ

110. Рассмотрев некоторые вызовы современной реальности, мне хотелось бы теперь напомнить о задаче, которая стояла и будет стоять перед нами во все времена и везде, потому что «подлинная евангелизация невозможна без ясного возвещения Иисуса как Господа» и без «первенства проповеди Иисуса Христа в любой евангелизационной деятельности»^[77]. Отвечая на беспокойства азиатских епископов, Иоанн Павел II говорит, что если Церковь «обязана выполнить данное ей свыше предназначение, то есть осуществлять евангелизацию как радостную, терпеливую и нарастающую проповедь спасительной смерти и воскресения Иисуса Христа, то эта миссия должна быть вашим абсолютным приоритетом»^[78]. И это касается всех.

I. Весь народ Божий возвещает Евангелие

111. Евангелизация — обязанность Церкви. Но субъект евангелизации — нечто большее, чем просто структурное и иерархическое учреждение, это прежде всего народ, странствующий на пути к Богу. Это, без сомнения, *тайна*, укорененная в Троице, но обладающая исторической конкретикой народа, странствующего и благовествующего, который всегда превосходит любую, пусть и необходимую, институциональную форму. Предлагаю кратко поразмышлять над таким пониманием Церкви, конечной основой которой является свободная и бескорыстная инициатива Бога.

Народ для всех

112. Спасение, которое Бог нам предлагает, является делом Его милосердия. Никакими человеческими деяниями, пусть даже самыми благородными, нельзя заслужить столь великий дар. Бог по чистой Своей благодати привлекает нас к Себе, чтобы соединить нас с Собой^[79]. Он направляет Своего Духа в наши сердца, чтобы сделать нас Своими детьми, преобразить и дать нам способность своей жизнью ответить на эту любовь. Церковь послана Иисусом Христом как таинство спасения, дарованного Богом^[80]. Осуществляя свою евангелизаторскую миссию, она становится орудием непрерывно действующей Божественной благодати, не поддающейся какому-либо контролю. Хорошо сказал об этом

Бенедикт XVI, открывая размышления Синода: «Важно всегда знать, что первое слово, подлинная инициатива, истинное действие — от Бога, и лишь включившись в Божественную инициативу, лишь молясь о Божественной инициативе, и мы сможем стать — с Ним и в Нем — благовестниками»[81]. Принцип *первенства благодати* должен быть для нас маяком, постоянно озаряющим наши размышления о евангелизации.

113. Спасение, совершаемое Богом и радостно возвещаемое Церковью, предназначено для всех[82], и Бог положил начало пути к единению с Ним каждого человека во все времена. Ему было угодно призвать людей как народ, а не как отдельных существ[83]. Никто не спасается в одиночку — ни как отдельный индивид, ни собственными силами. Бог привлекает нас к Себе с учетом всего сложного сплетения межличностных отношений, неотъемлемых от жизни в человеческом сообществе. Народ, избранный и собранный Богом, — это Церковь. Иисус не повелевает апостолам образовать особую, *элитарную* группу. Он говорит: «Идите, научите все народы» (Мф 28, 19). Св. Павел утверждает, что в народе Божиим, в Церкви «нет уже иудея, ни эллина... ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3, 28). Мне хотелось бы сказать тем, кто чувствует себя далекими от Бога и Церкви, сказать робким и равнодушным: Господь и тебя призывает стать частью Его народа и делает это с большим уважением и любовью!

114. Быть Церковью значит быть народом Божиим в соответствии с великим замыслом Отца о любви. А это значит также быть Божией закваской в человечестве, то есть возвещать и нести Божие спасение в наш мир, который часто сбивается с пути, нуждается в ободряющих ответах, дающих надежду и новые силы для продолжения пути. Церковь должна быть местом бескорыстного милосердия, где все смогут почувствовать, что их принимают, любят, прощают и ободряют жить по законам благой евангельской жизни.

Многоликий народ

115. Народ Божий воплощается в народах земли, у каждого из них собственная культура. Понятие культуры — важный ключ к пониманию различных выражений христианской жизни народа Божия. Речь идет об образе жизни конкретного общества, специфическом типе отношений его членов друг с другом, с другими творениями и с Богом. При таком понимании культура охватывает всю совокупность жизни народа[84]. Каждый народ в ходе своего исторического становления с законной самостоятельностью развивает собственную культуру[85]. Это обусловлено тем, что человеческая личность «по своей природе неизбежно нуждается в общественной жизни»[86] и всегда соотносит себя с обществом, в условиях которого переживает конкретный тип отношения к действительности. Человеческое существо всегда вовлечено в культуру: «природа и культура связаны самым тесным образом»[87]. Благодать принимает культуру, и Божий дар воплощается в культуре тех, кто его получает.

116. За первые два тысячелетия христианства неисчислимые народы обрели благодать веры, позволили ей расцвести в повседневной жизни и передали ее с учетом присущих им культурных особенностей. Когда какое-то общество принимает весть о спасении, Святой Дух оплодотворяет его культуру преображающей силой Евангелия. История Церкви показывает нам, что у христианства нет единого культурного образца, скорее, «оставаясь полностью самим собой, христианство в полной верности евангельской вести и церковной традиции усвоит облик множества культур и множества народов, в которых оно нашло себе дом и укоренилось»[88]. В разных народах, живущих даром Божиим в условиях собственной культуры, Церковь являет свою подлинную вселенскость и «красоту этого многообразного лика»[89]. Благодаря проявлениям христианской культуры того или иного просвещенного Евангелием народа Святой Дух украшает Церковь, указывая ей на новые аспекты Откровения и сообщая ей новый облик. Посредством инкультурации Церковь «вводит народы вместе с их культурами в свою общину»[90], потому что «ценности и положительные проявления», предлагаемые любой культурой, «обогащают способ проповеди, понимания Евангелия и его претворения в жизнь»[91]. Так «Церковь, усваивая ценности разных культур, становится *“sponsa ornata monilibus suis”*, “невестой, украшенной убранством” (ср. Ис 61, 10)»[92].

117. Правильно понятое культурное разнообразие не угрожает единству Церкви. Святой Дух, ниспосланный Отцом и Сыном, преображает наши сердца и сообщает нам способность вступить в совершенное общение Пресвятой Троицы, где все обретает свое единство. Он созидает общение и гармонию в народе Божием. Сам Святой Дух есть гармония, поскольку Он — узы любви, связывающей Отца и Сына[93]. Именно Он рождает многогранное и разнообразное богатство даров и в то же время творит единство, которое означает ни в коем случае не однородность, а притягательную многообразную гармонию. Евангелизация радостно признает разнообразие сокровищ, рожденных Духом в Церкви. Представления о монокультурном и одногласном христианстве не отдают должного логике воплощения. Хотя нельзя отрицать, что некоторые культуры тесно связаны с проповедью Евангелия и с развитием христианской мысли, содержание Откровения все же не тождественно ни одной из них, у него надкультурное содержание. Поэтому при евангелизации новых культур или культур, не принявших христианскую проповедь, нет нужды вместе с Евангелием навязывать определенную культурную форму, какой бы прекрасной и древней она ни была. Весть, которую мы возвещаем, всегда облечена в определенное культурное одеяние, но мы в Церкви порой впадаем в тщеславную сакрализацию собственной культуры, проявляя при этом больше фанатизма, чем подлинного евангелизаторского рвения.

118. Епископы Океании просили, чтобы Церковь там «содействовала пониманию и представляла истину Христову, отталкиваясь от традиций и культур региона», и призывали «всех миссионеров трудиться в гармонии с туземными христианами, чтобы обеспечить вере и жизни Церкви законные формы выражения, присущие каждой культуре»[94]. Мы не можем требовать, чтобы народы всех континентов, выражая свою христианскую веру, подражали

образцам, выработанным европейскими народами в определенный момент истории, потому что веру нельзя заключать в рамки понимания и выражения одной конкретной культуры^[95]. Нет смысла спорить с тем, что ни одна культура не может исчерпать тайну нашего искупления во Христе.

Все мы — ученики-миссионеры

119. Во всех крещенных, от первого до последнего, действует освящающая сила Святого Духа, побуждающая евангелизировать. Народ Божий свят по помазанию, делающему его безошибочным «в вере». Это означает, что человек, веруя, не ошибается, даже если не находит слов для выражения своей веры. Святой Дух направляет его в истине и ведет к спасению^[96]. Как частицу Своей тайны любви к человечеству, Бог дает всем верным инстинктивное чувство веры — *sensus fidei*, — помогающее распознавать, что на самом деле исходит от Бога. Присутствие Духа сообщает христианам определенную близость с божественными реалиями и мудрость, позволяющую им интуитивно улавливать эти реалии, даже не будучи в состоянии выразить их доступными средствами.

120. В силу полученного Крещения все члены народа Божия стали учениками-миссионерами (ср. Мф 28, 19). Каждый крещеный, какова бы ни была его функция в Церкви и уровень познаний в вероучении, является активным субъектом евангелизации, и было бы неправильно думать, что схема евангелизации выглядит так, будто ею занимаются только квалифицированные специалисты, а прочие верные пассивно принимают их деятельность. Новая евангелизация должна опять сделать главными действующими лицами всех верных. Данное убеждение непосредственно взывает к каждому христианину, чтобы никто не уклонялся от своего долга благовествовать, потому что тому, кто действительно почувствовал спасительную любовь спасающего Бога, не нужно долго готовиться, чтобы выйти и возвестить об этом, и он не может ждать, пока с ним проведут множество курсов или длительное обучение. Каждый христианин — миссионер в той мере, в какой он встретил любовь Божию во Христе Иисусе; мы уже не говорим, что являемся «учениками» и «миссионерами», а что мы всегда «ученики-миссионеры». Если мы не уверены в этом, то посмотрим на первых учеников, которые, едва встретив взор Иисуса, сразу вышли с радостью возвещать Его: «Мы нашли Мессию!» (Ин 1, 41). Самарянка, едва закончив говорить с Иисусом, сразу стала миссионеркой, и множество других самарян уверовали в Него «по слову женщины» (Ин 4, 39). И святой Павел после встречи со Христом «тотчас стал проповедывать... об Иисусе, что Он есть Сын Божий» (Деян 9, 20). Так чего же мы ждем?

121. Конечно, все мы призваны созреть как евангелизаторы. Нам следует стараться улучшить свою подготовку, углубить любовь и нести все более четкое свидетельство Евангелия. Для этого мы должны позволить другим непрестанно евангелизировать нас. Но это не значит, что нам нужно отложить миссию евангелизации; скорее, нам надлежит найти

такую форму проповеди Иисуса, которая отвечала бы нашей ситуации. В любом случае, все мы призваны нести другим открытое свидетельство спасительной любви Господа, Который вопреки нашим несовершенствам дарует нам Свою близость, Свое слово и Свою силу и придает смысл нашей жизни. Твое сердце знает, что жизнь без Него не та, а потому то, что ты открыл, то, что помогает тебе жить и дает тебе надежду, ты жаждешь передать другим. Наше несовершенство не может быть нам оправданием; наоборот, миссия — вот постоянный стимул, который не дает нам погрязнуть в заурядности и заставляет нас продолжать расти. Свидетельство веры, которое призван нести каждый христианин, предполагает, что мы вслед за св. Павлом повторяем: «Не потому, чтобы я уже достиг, или усовершенсился; но стремлюсь, не достигну ли я... и простираюсь вперед» (Флп 3, 12-13).

Евангелизационная сила народного благочестия

122. Точно так же мы можем говорить, что различные народы, среди которых инкультурировалось Евангелие, стали активными коллективными субъектами, работниками на ниве евангелизации, потому что любой народ — творец собственной культуры и протагонист собственной истории. Культура — нечто динамичное, то, что нация создает непрерывно, и каждое поколение передает последующему систему правил поведения в определенных экзистенциальных ситуациях, которую необходимо переосмысливать в условиях специфических вызовов. Человек — «одновременно и дитя, и отец культуры, в которой живет»^[97]. Когда Евангелие инкультурировалось в каком-то народе, в процессе культурной передачи передается также всегда по-новому вера; вот почему так важна евангелизация, понимаемая как инкультурация. Каждая частица народа Божия, воплощая в соответствии с собственным характером дар Божий в своей жизни, свидетельствует об обретенной вере и обогащает ее новыми красноречивыми выражениями. Можно сказать, что «народ неустанно евангелизирует себя самого»^[98]. Отсюда проистекает значение народного благочестия как подлинного проявления спонтанной миссионерской деятельности народа Божия. Речь идет о непрестанно развивающейся реальности, где главное действующее лицо — Святой Дух^[99].

123. В народном благочестии можно уловить, каким образом полученная вера воплотилась в культуре и передается по сей день. Было время, когда на него смотрели с недоверием, но за десятилетия после Собора такое отношение пересмотрено. Решающий импульс в этом направлении дал Павел VI в апостольском обращении *Evangelii nuntiandi*. В нем Папа пояснил, что народное благочестие «отражает жажду Господа, на которую способны только самые простые и бедные люди»^[100] и «может подвигнуть на щедрость и самопожертвование вплоть до героизма, если речь идет об исповедании веры»^[101]. Ближе к нашим дням Бенедикт XVI в Латинской Америке отметил, что речь идет о «драгоценном сокровище Католической Церкви», в котором «раскрывается душа латиноамериканских народов»^[102].

124. *Апаресидский документ* описывает богатства, которые Дух Святой явил в народном благочестии по Своей бескорыстной инициативе. На этом возлюбленном континенте, где множество христиан выражает свою веру посредством народного благочестия, епископы называют его также «народной духовностью» или «народной мистикой»^[103]. И это настоящая «духовность, воплощенная в культуре простых людей»^[104]. Она не бессодержательна, но раскрывает истины скорее символически, чем с использованием средств разума, и в этом акте веры больший акцент ставится на *credere in Deum*, чем на *credere Deum*^[105]. Это «законный образ переживания веры, способ ощущать себя частью Церкви и быть миссионерами»^[106]; он несет в себе благодать миссионерства, выхода за рамки собственного «я», чтобы мы стали паломниками: «Идти вместе к санктуариям и участвовать в других проявлениях народного благочестия, вовлекая в них своих детей или приглашая других — это уже само по себе акт евангелизации»^[107]. Не будем же стесняться и пытаться контролировать эту миссионерскую силу!

125. Чтобы понять эту реальность, мы должны взглянуть на нее глазами Доброго Пастыря, Который хочет не судить, а любить. Только эмоциональное чувство сродства, даваемое любовью, позволит нам оценить богословскую жизнь, кипящую в благочестии христианских народов, особенно в бедных их слоях. Я думаю о крепкой вере матерей, которые, сидя у кроватей больных детей, берут в руки четки, даже если не выучили весь текст *Символа веры*, или о великой надежде, с которой в скромном жилище зажигают свечу, чтобы просить о помощи Марию, или о нежной любви, струящейся во взгляде, обращенном на распятого Христа. Тот, кто любит святой верный народ Божий, не может смотреть на эти поступки как на всего лишь проявления естественного стремления к Божественному. Это выражения «богословской жизни», вдохновляемой действием Святого Духа, изливаемого в наши сердца (ср. Рим 5, 5).

126. Народное благочестие как плод инкультурации Евангелия таит в себе активную евангелизаторскую силу, которую мы не должны недооценивать: это значило бы не распознать дело Святого Духа. Напротив, мы призваны поощрять и укреплять его, чтобы углубить процесс взаимного влияния культур, который не закончится никогда. Проявления народного благочестия могут многому научить нас, и для тех, кто умеет расшифровывать их, они становятся своеобразным местом богословия, которое требует нашего внимания, особенно когда мы говорим о новой евангелизации.

От человека к человеку

127. Сегодня, когда Церковь стремится к глубокому миссионерскому обновлению, есть такая форма проповеди, которую все мы должны воспринимать как свою ежедневную обязанность. Речь идет о том, чтобы нести Евангелие тем, с кем мы общаемся, как близким, так и совершенно незнакомым. Это неформальная проповедь, которую можно осуществлять в ходе обычного разговора, или же ее реализует миссионер, посещая чей-то дом. Быть

учеником значит постоянно быть готовым нести другим любовь Иисуса, причем спонтанно в любом месте: на улице, городской площади, на работе, в поездке.

128. В такой проповеди, всегда проникнутой уважением и любовью, первое — это личный диалог, в котором другой человек изливает свою душу и делится своими радостями, надеждами, тревогами за близких и многими другими переживаниями, наполняющими его сердце. Лишь после такого разговора можно предложить ему слово Божие, прочитав какой-нибудь стих или рассказав о чем-то, но всегда помня при этом о главной вести: личностной любви Бога, ставшего человеком, принесшего Себя в жертву ради нас и живущего, даруя нам Свое спасение и дружбу. Этой вестью нужно делиться с позиции смирения и свидетельства того, кто всегда готов учиться, поскольку сознает, что она столь велика и глубока, что всегда превосходит наше понимание. В одних случаях слово возвещается прямо, в других — посредством личного примера, повествования, поступка или в иной форме, которую Дух Святой может подсказать в данной конкретной ситуации. Если это покажется разумным и отвечающим обстоятельствам, то было бы хорошо, чтобы такая братская и миссионерская встреча закончилась краткой молитвой, отражающей тревоги, высказанные собеседником. Так он яснее ощутит, что его услышали и поняли, что его проблемы в руках Божиих, и осознает, что слово Господа, действительно, относится к его жизни.

129. Нет причин думать, что евангельская весть всегда должна передаваться с помощью заученных формулировок или точных слов, выражающих абсолютно неизменное содержание. Она может принимать столь различные формы, что было бы просто невозможно описать или каталогизировать их, причем народ Божий со всеми его бесчисленными обычаями и символами является коллективным субъектом возвещения. Как следствие, если Евангелие воплощается в какой-либо культуре, то передается уже не только посредством проповеди одного человека другому. Это помогает нам понять, почему в странах, где христиане составляют меньшинство, поместные Церкви должны не только побуждать каждого крещеного благовествовать, но и активно развивать хотя бы начальные формы инкультурации. В конечном итоге, следует стремиться к тому, чтобы евангельская проповедь, выраженная в категориях культуры, которой она адресована, спровоцировала новый синтез с этой культурой. Пусть это всегда медленный процесс, но порой страх уж слишком сковывает нас. Если мы позволим сомнениям и опасениям ослабить наше мужество, то, возможно, творчеству мы предпочтем комфорт и не пойдем вперед, и значит, не внесем свой вклад в развитие исторических процессов, а будем просто наблюдать за бесплодным застоєм в Церкви.

Харизмы на служении евангелизирующей общины

130. Святой Дух обогащает также всю евангелизирующую Церковь различными харизмами, чтобы этими дарами обновлять и созидать ее^[108]. Они не закрытое наследие, данное

какой-то группе для ее обороны, а скорее милости Духа, встроенные в церковное тело и стремящиеся к центру, т.е. ко Христу, Который обращает их в евангелизаторский импульс. Верный признак подлинности харизмы — ее церковный характер, способность гармонично влиться в жизнь святого верующего народа Божия ради всеобщего блага. Истинной новизне, рожденной Духом, не нужно для самоутверждения затмевать другие типы духовности и дары. Чем глубже харизма проникает в сердце Евангелия, тем более церковным будет ее служение. Именно в общении, даже если оно оказывается нелегким, харизма обретает свою подлинную сущность и таинственную плодотворность. Если она отвечает на этот вызов, Церковь может быть образцом покоя для мира.

131. Различия между людьми и общинами иногда создают некоторые неудобства, но Святой Дух, рождающий разнообразие, может из всего извлечь нечто хорошее и обратить притягательную евангелизационную силу. Разнообразие всегда можно согласовать с помощью Святого Духа; только Он может привносить различия, плюрализм, многообразие и в то же время создавать единство. Наоборот, когда мы сами под лозунгом разнообразия замыкаемся в своих обособленных мирках, в своей исключительности, тем самым мы провоцируем разделения. И точно так же, когда мы пытаемся строить единство по своим человеческим расчетам, то, в итоге, навязываем однообразие и унификацию. Это не служит миссии Церкви.

Культура, мысль и образование

132. Благовествование культуре подразумевает также благовествование профессиональным, научным и академическим кругам. Речь идет о встрече веры, разума и науки с целью выработки нового взгляда на достоверность, подлинной апологетики^[109], которая поможет создать условия для того, чтобы Евангелие было услышано всеми. Когда те или иные категории разума и науки вовлекаются в проповедь, они становятся орудиями евангелизации, вода превращается в вино. Именно так вовлеченное в благовестие уже не просто искуплено, а становится орудием Духа в просвещении и обновлении мира.

133. Итак, одного стремления благовестника достичь каждого человека недостаточно, поскольку Евангелие должно быть возведено культурам в целом. Поэтому богословие, и не только пастырское, ведущее диалог с другими науками и человеческим опытом, так важно для того, чтобы евангельский зов достиг всего разнообразия культурных контекстов и адресатов^[110]. Церковь, верная евангелизации, ценит и поощряет харизму богословов и их богословские исследования, которые углубляют диалог с миром культуры и науки. Призываю богословов воспринимать это служение как часть спасительной миссии Церкви. С тем, однако, чтобы ради этой миссии они всегда сердцем помнили о том, что цель Церкви и богословия — евангелизация, и не довольствовались академическим буквоедством.

134. Университеты — главное место для выработки и развития такого типа

междисциплинарной и всеобъемлющей евангелизации. Католические школы, которые всегда стараются сочетать образовательный труд с открытой проповедью Евангелия, вносят ценнейший вклад в евангелизацию культуры даже в тех странах и городах, где враждебное окружение побуждает нас более творчески искать подходящие пути^[111].

II. Гомилия

135. Теперь сосредоточимся на литургической проповеди, требующей серьезной оценки пастырей. Мое особое внимание и даже скрупулезность в отношении гомилии и подготовки к ней продиктованы теми тревогами, которые во множестве высказываются по поводу данного великого служения, и мы не можем оставаться глухи к этим голосам. Проповедь — это индикатор близости пастыря с его народом и способности общаться с ним. Действительно, мы знаем, что верующие придают ей серьезное значение и при этом зачастую страдают неумением слушать, а их рукоположенные служители — неумением проповедовать! Печально, что так происходит. Проповедь поистине может быть мощным и счастливым опытом Духа, ободряющей встречей со Словом, постоянным источником обновления и роста.

136. Давайте вновь поверим в проповедь, убежденные в том, что Сам Бог хочет достучаться до других устами проповедника и являет Свою силу в человеческих словах. Св. Павел настаивает на необходимости проповеди, так как Господь желает прийти к другим, в том числе с помощью наших слов (ср. Рим 10, 14-17). Словом Господь покорял сердца людей, которые шли отовсюду, чтобы слушать Его (ср. Мк 1, 45). Они изумлялись, впитывая Его учение (ср. Мк 6, 2), и чувствовали, что Он говорил как Тот, Кто обладает властью (ср. Мк 1, 27). Словом апостолы, которых Он поставил, «чтобы с Ним были и чтобы посылать их на проповедь» (Мк 3, 14), привлекли в лоно Церкви все народы (ср. Мф 16, 15.20).

Литургический контекст

137. Здесь следует напомнить, что «*литургическое провозглашение слова Божия*, особенно в рамках евхаристического собрания, — это не столько момент размышления и катехизации, сколько *диалог Бога с Его народом*, в ходе которого провозглашаются великие дела спасения и всякий раз вновь возвещаются требования Завета»^[112]. Евхаристический контекст проповеди придает ей особое значение, благодаря которому она превосходит любые формы катехизации как кульминация диалога между Богом и Его народом перед сакраментальным причащением. Проповедь — возобновление уже начатой беседы Господа с Его народом. Проповедник должен знать сердце своей общины, чтобы понять, где живет и пламенеет жажда Бога и где этот диалог, проникнутый любовью, были приглушен или не смог принести плодов.

138. Проповедь не может быть развлекательным зрелищем, она не отвечает логике СМИ, а

должна наполнять жизнью и смыслом богослужение. Это особый жанр, так как речь идет об обращении, которое произносится в рамках *литургического* священноприношения и, как следствие, должно быть кратким и не принимать форму беседы или лекции. Проповедник может удерживать внимание слушателей в течение часа, но в этом случае его слова станут важнее священноприношения веры. Слишком долгая проповедь нарушает две характеристики литургического служения: гармонию между его частями и ритм. Когда проповедь звучит в контексте литургии, она становится частью приношения, возносимого Отцу, и посредницей благодати, изливаемой Христом в ходе богослужения. Подобный контекст требует, чтобы проповедь направляла собрание и самого проповедника к общению со Христом в Евхаристии, которое преображает жизнь. Это значит, что слова проповедника не должны занимать чрезмерное место, дабы Господь сиял ярче, чем Его служитель.

Материнское слово

139. Мы уже говорили, что народ Божий благодаря постоянному действию Святого Духа в нем постоянно сам себя евангелизирует. Что значит эта истина для проповедника? Она напоминает нам, что Церковь — это мать и она проповедует народу, как мать, которая разговаривает со своим ребенком, зная, что он верит, что все, чему она учит, служит ему во благо, потому что чувствует себя любимым. Кроме того, хорошая мать умеет разглядеть все, что Бог посеял в ее чаде, выслушивает, что его тревожит, и учится у него. Царящий в семье дух ведет и мать, и ребенка в их диалоге, в котором они оба учат и учатся, поправляют дурное и ценят доброе друг в друге. То же происходит и во время проповеди. Тот же Дух, вдохновивший Евангелия и действующий в народе Божиим, Своим вдохновением подсказывает, как слушать веру народа и как проповедовать на каждой Евхаристии. Поэтому христианская проповедь находит в культурном сердце народа источник живой воды, которая подсказывает, что и как нужно сказать. Как всем нам нравится, когда к нам обращаются на нашем родном языке, так и о вере нам хотелось бы, чтобы с нами говорили в ключе «родной культуры», на родном наречии (ср. 2 Макк 7, 21.27), которое наше сердце более расположено слушать. Это наречие — тональность, внушающая силу, вдохновение, смелость и энергию.

140. Эта материнско-церковная атмосфера, в которой происходит диалог между Господом и Его народом, создается и развивается душевным отношением проповедника, теплом его голоса, простотой речи и радостью в поведении. Даже когда проповедь немного скучна, благодаря этому материнско-церковному духу она оказывается плодотворной, как и «скучные» советы матери со временем приносят плод в сердцах ее детей.

141. Нельзя не восхищаться тем многообразием средств, с помощью которых Господь говорит со Своим народом, являет Свою тайну всем и пленяет души простых людей возвышенными и требовательными истинами. Мне кажется, секрет скрывается в том, как Иисус смотрит на человека поверх его слабостей и недостатков: «Не бойся, малое стадо!

ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк 12, 32); и Он проповедует в этом ключе. Преисполненный радости в Духе, Он благословляет Отца за то, что Тот приводит к Нему малых: «Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам» (Лк 10, 21). Он действительно радуется общению со Своим народом, и проповедник должен дать почувствовать эту радость Господа своей пастве.

Слова, воспламеняющие сердца

142. Диалог — это нечто гораздо большее, чем просто сообщение какой-то истины. Он осуществляется благодаря желанию говорить ради конкретного общего блага всех, кто посредством слов выражает взаимную любовь. Это благо, заключенное не в вещах, а в самих людях, которые отдают себя друг другу в диалоге. Чисто морализаторская или доктринерская проповедь, больше похожая на урок катехизиса, душит общение между сердцами, которое должно происходить во время проповеди и иметь почти сакраментальный характер: «Вера от слышания, а слышание от слова Божия» (Рим 10, 17). В проповеди истина идет рука об руку с красотой и добром. Мы имеем дело не с абстрактными идеями и холодными силлогизмами, а с красотой образов, используемых Господом, чтобы побудить людей делать добро. Память верующего народа, как и память Марии, должна быть преисполнена чудесами, совершенными Богом. Его сердце, питающее надежду на радостный и реальный опыт любви, провозглашенной ему, чувствует, что каждое слово Писания — это прежде всего дар, а уж потом повеление.

143. Цель инкультурированной проповеди — передача сути евангельской вести, а не разобщенных идей или ценностей. Где твоя суть, там твое сердце. Между освещением сути и разрозненных идей такая же разница, как между душевным жаром и скукой. У проповедника прекраснейшая и в то же время трудная миссия: сочетать любящие сердца — сердца Господа и Его народа. Диалог между ними еще более укрепляет их завет и усиливает узы любви. Во время проповеди сердца верующих умолкают и позволяют говорить Богу. Господь и Его народ напрямую общаются друг с другом тысячами путей, без помощи посредников. Но во время проповеди они хотят, чтобы кто-то стал орудием и выразил чувства так, чтобы затем каждый сам сделал выбор, о чем и как говорить дальше. Слово по своей сущности является посредником и требует участия не только двух собеседников, но и проповедника, который представит его таким, какое оно есть, убежденный в том, что «мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы — рабы ваши для Иисуса» (2 Кор 4, 5).

144. Дабы говорить от сердца, нужно, чтобы оно не только горело, но и было просвещено полнотой Откровения и знанием пути, который слово Божие прошло в сердце Церкви и нашего верующего народа на протяжении всей истории. Христианская идентичность, т.е. крещальное объятие, которым обнял нас Отец в младенчестве, заставляет нас как блудных, но возлюбленных в Марии детей жаждать еще одного объятия — объятия милосердного

Отца, ожидающего нас во славе. Помочь нашему народу почувствовать себя как бы между этими двумя объятиями — тяжелая, но прекрасная задача проповедника Евангелия.

III. Подготовка к проповеди

145. Подготовка к проповеди — столь важная задача, что ей следует посвящать как можно больше времени для изучения, молитвы, размышления и пастырского творчества. Мне хотелось бы особенно подробно остановиться на этой теме и предложить один метод подготовки к проповеди. Кому-то эти рекомендации могут показаться чем-то очевидным, но, по-моему, стоит повторить их, чтобы напомнить о необходимости уделять должное время этому драгоценному служению. Некоторые пастыри привыкли сетовать на то, что это невозможно из-за перегруженности другой работой, которую им нужно выполнять. И все же осмелюсь попросить еженедельно посвящать этой задаче достаточно продолжительное личное и общинное время, даже если придется сокращать время других важных обязанностей. Упование на Святого Духа, действующего в проповеди, должно быть не пассивным, а активным и творческим. Оно требует от нас, чтобы мы предложили себя вместе со всеми своими способностями в качестве орудия (ср. Рим 12, 1), которым сможет пользоваться Бог. Проповедника, который не готовится, нельзя назвать «духовным», потому что он нечестен и безответственно относится к полученным дарам.

Поклонение истине

146. Первое, что нужно сделать, призвав Духа Святого, — это сосредоточить все свое внимание на библейском тексте, который должен быть основой нашей проповеди. Каждый, кто останавливается, чтобы попробовать понять мысль текста, этим совершает «поклонение истине»^[113]. Это смирение сердца, признающего, что слово всегда нас превосходит, что «мы ни хозяева, ни судьи, но хранители, глашатаи, служители»^[114]. Смирение и благоговейный трепет перед словом Божиим выражается в неторопливом размышлении над ним с величайшим старанием и святым страхом перед манипулированием. Чтобы истолковать библейский текст, нужно быть терпеливым, отложить в сторону все заботы и посвятить ему время, внимание и *бескорыстную* самоотдачу. Мы должны забыть обо всех волнующих проблемах, чтобы погрузиться в атмосферу спокойной концентрации. Не стоит даже браться за библейский текст тому, кто хочет быстрого, легкого и немедленного результата. Поэтому подготовка к проповеди требует любви. Человек легко и бескорыстно посвящает время вещам или людям, которых любит, а здесь речь идет о любви к Богу, Которому угодно было *говорить*. Ради этой любви можно потратить столько времени, сколько нужно, как и подобает настоящему ученику: «Говори, Господи, ибо слышит раб Твой» (1 Цар 3, 9).

147. Прежде всего мы должны быть уверены в том, что верно понимаем значение слов, которые читаем. Мне хотелось бы особенно подчеркнуть один очевидный вроде бы факт,

который все же не всегда учитывается: библейскому тексту, который мы изучаем, уже две-три тысячи лет, и его язык сильно отличается от нашего. Даже если нам кажется, что мы понимаем слова, переведенные на наш язык, это еще не значит, что мы правильно понимаем то, что хотел сказать священнописатель. Известны разные инструменты, предлагаемые методом литературного анализа: уделять внимание словам, которые повторяются или как-то выделяются в контексте, распознать структуру и динамику текста, определить роль, которую играют те или персонажи т.д. Но цель не в том, чтобы понять каждую мелкую деталь; самая важная задача: раскрыть *главную мысль*, которая упорядочивает текст и придает ему единство. Если проповедник не возьмет на себя этот труд, его проповедь, возможно, тоже будет лишена единства и порядка и его речь окажется набором разрозненных идей, которые не смогут вдохновить других. Центральная мысль и есть то, что автор, в первую очередь, хотел сообщить, и чтобы раскрыть ее, нужно определить не только идеи, но и чего желал добиться автор. Если текст был написан для утешения, то не стоит использовать его для порицания ошибок; если для воодушевления, то не стоит использовать его для преподавания вероучения; если для разъяснения какой-то тайны Бога, то не стоит использовать его для обоснования богословских мнений; если для побуждения к прославлению или миссии, не надо использовать его, чтобы поделиться последними новостями.

148. И, конечно же, чтобы верно понять суть центральной мысли текста, нужно анализировать его в призме учения всей Библии, данного Церкви. Это важный принцип толкования Библии, который подразумевает, что Святой Дух вдохновил не только какую-то часть, а все Священное Писание и что в некоторых вопросах верующие углубили понимание воли Божьей, исходя из собственного жизненного опыта. Благодаря этому им удается избегать ошибочных или неполных интерпретаций, игнорирующих другие стороны библейского учения. Но это не означает размывания особого, специфического акцента текста, который следует раскрыть в проповеди. Одним из недостатков скучной и неэффективной проповеди является именно неспособность передать силу, скрытую в провозглашаемом тексте.

Персонализация слова

149. Проповедник «должен прежде сам хорошо знать Слово Божие; недостаточно, чтобы он разбирался в языковых или экзегетических аспектах, хотя это тоже необходимо. Ему следует принимать Слово с послушным и молитвенным сердцем, чтобы оно глубоко проникло в его помыслы и чувства и породило в нем новый ум»^[115]. Хорошо каждый день, каждое воскресенье с обновленным рвением приступать к подготовке проповеди и проверять, растет ли в нас самих любовь к проповедуемому слову. Нельзя забывать, что «большая или меньшая степень святости пресвитера действительно влияет на то, как он провозглашает Слово»^[116]. Как говорит апостол Павел, «мы и говорим, угождая не человекам, но Богу, испытующему сердца наши» (1 Фес 2, 4). Если в нас живо желание

первыми услышать Слово, которое нам нужно проповедовать, то это желание тем или иным образом передастся народу Божию: «от избытка сердца говорят уста» (Мф 12, 34).

Воскресные чтения во всем своем величии зазвучат в людских сердцах, если сначала прозвучат в сердце пастыря.

150. Иисуса раздражали мнимые учителя, которые были очень требовательны к другим, но, уча их слову Божию, сами не позволяли ему озарить себя: «Связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их» (Мф 23, 4). Св. апостол Иаков наставляет: «Братия мои! не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению» (Иак 3, 1). Желая проповедовать должен сначала позволить Слову взволновать себя и воплотиться в его конкретной жизни. Таким образом, проповедь — это напряженная и плодотворная деятельность, состоящая в том, чтобы «передать другим то, что созерцал сам»^[117]. Ввиду всего вышесказанного, прежде чем приступить к практической подготовке проповеди, нужно позволить слову «ранить» себя, как оно «ранит» других, потому что оно *живо и действенно* и, как меч, «проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (Евр 4, 12). Это очень важно с пастырской точки зрения. И в наши дни люди предпочитают слышать свидетелей: мир «испытывает в Нем острую потребность, требует от евангелизаторов, чтобы они говорили о Том Боге, Которого знают и Который им близок, чтобы проповедовали, словно видя Невидимого»^[118].

151. От нас не требуется быть непорочными, но мы должны всегда расти, жить с глубоким желанием идти вперед путем Евангелия и не опускать рук. Проповедник обязан быть уверен в том, что Бог любит его, что Иисус Христос спас его, что за любовью Господа всегда последнее слово. Созерцая столь великую красоту, он часто ощущает, что его жизнь воздаст не всю надлежащую ей славу, и искренне жаждет лучше отвечать на столь великую любовь. Но если он не останавливается, чтобы с непритворной открытостью слушать слово Божие, позволить ему коснуться своей жизни, требовать, побуждать, мобилизовать, если не отводит времени для молитвы этим словом, тогда он будет лжепророком, мошенником и пустословным шарлатаном. Но, в любом случае, признав свое убожество и проникнувшись стремлением полнее жертвовать собой, он всегда может посвятить себя Иисусу Христу, говоря вслед за Петром: «Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе» (Деян 3, 6). Господу угодно пользоваться нами как живыми, свободными и творческими личностями, позволяющими Его слову прежде пропитать самих себя, чтобы нести его другим. Его учение должно по-настоящему пройти сквозь проповедника и овладеть не только его разумом, но и всем его существом. Святой Дух, вдохновлявший слово Божие, и «сегодня, как и в начале Церкви, действует в каждом евангелизаторе с тем, чтобы он полностью вверил себя Ему и позволил Ему вести себя, чтобы Иисус подсказал ему слова, которые сам человек никогда бы не сумел найти»^[119].

152. Есть конкретный способ услышать, что Господь хочет сказать нам в Своем слове, и позволить Духу преобразить себя. Мы называем его *«lectio divina»*. Он состоит в молитвенном чтении слова Божия и позволяет ему просветить и обновить нас изнутри. Такое молитвенное чтение Библии нельзя отделить от анализа, который проводит проповедник, чтобы раскрыть главное содержание текста. Напротив, оно должно начинаться с этого анализа, чтобы затем определить, что именно *эта самая мысль говорит* ему о его жизни. Духовное прочтение текста должно отталкиваться от буквального смысла. В противном случае каждый может легко извлечь из текста удобные для себя выводы, утверждающие его в собственных решениях и соответствующие его умственным схемам. А это, по сути, значит использовать священное ради для собственной выгоды и заразить тем же заблуждением народ Божий. Никогда нельзя забывать, что иногда «сам сатана принимает вид ангела света» (2 Кор 11, 14).

153. В присутствии Бога, в спокойном чтении текста полезно будет задать себе, например, такой вопрос: «Господи, что говорит *мне* этот текст? Что Ты хочешь изменить в моей жизни этой вестью? Что мне неприятно в этом тексте? Почему меня это не интересует?» Или: «Что мне нравится, что вдохновляет меня в этом Слове? Что привлекает меня? Почему это привлекает меня?» Когда кто-то пытается слушать Господа, к нему, как правило, приходят искушения. Одни из них проявляются в обычном беспокойстве или переутомлении и усталости. Другое весьма распространенное искушение — это убеждать себя, что текст относится к другим, чтобы избежать необходимости применять его к собственной жизни. Бывает также, что кто-то начинает искать оправданий, которые позволили бы ему размыть особую мысль текста. В других случаях нам кажется, что Бог требует от нас слишком трудного решения, которое мы пока не в состоянии принять. Это лишает множество людей радости от встречи со Словом Божиим. Но думать так значит забывать, что нет никого терпеливее Бога, нашего Отца, и что никто не может понять и ждать нас так, как Он. Господь всегда побуждает нас сделать шаг вперед, но не требует полного ответа, если мы еще не прошли тот путь, который сделает такой ответ возможным. Он просто хочет, чтобы мы честно смотрели на свою жизнь и, не лукавя, открывали ее перед Ним, чтобы мы были готовы продолжать развиваться и просили у Него то, чего не в силах пока достичь.

Слушая народ

154. Проповеднику нужно прислушиваться к народу, чтобы знать, что верующие хотят услышать. Проповедник должен созерцать слово Божие, но в то же время созерцать и свой народ. Это позволит ему узнать «устремления, ценности и ограничения, способ молиться и любить, образ восприятия жизни и мира, которые отличают одно человеческое сообщество от другого», уделяя при этом внимание «конкретному народу, на который она направлена, если не использует его язык, его знаки и символы, если не отвечает на поставленные им проблемы»^[120]. Речь идет о том, чтобы увязать мысль библейского текста с положением людей, с их жизнью, опытом, который требует света слова Божия. И такой подход не имеет

ничего общего с оппортунизмом или дипломатией, а продиктован глубоко религиозной и пастырской заботой. По сути, это «обладание духовной восприимчивостью, чтобы уметь читать в различных событиях послание Господа»^[121], и она значит нечто большее, чем просто способность найти что-то интересное, что сказать. Нужно стараться понять, «что Он [Господь] говорит в этих обстоятельствах»^[122]. И подготовка к проповеди станет упражнением в *евангельском распознавании*, когда мы в свете Духа пытаемся услышать «призыв, то есть голос Бога, звучащий в самой исторической ситуации»^[123].

155. Предпринимая подобные усилия, мы можем опираться на обычный человеческий опыт, такой как радость встречи, разочарование, страх одиночества, сострадание к чужой боли, неуверенность в будущем, забота о любимом человеке и т.д., но при этом нужно развивать в себе чувствительность к тому, что действительно имеет отношение к жизни людей. Нужно помнить, что никогда не нужно *отвечать на вопросы, которые никто не задает*. Точно так же неуместно говорить о последних новостях, чтобы пробудить интерес людей: для этого уже есть телевизионные программы. Можно, конечно, оттолкнуться от какого-нибудь факта, чтобы Слово зазвучало с особой силой, призывая к обращению, поклонению, конкретным делам братства и служения и т.д., потому что бывает, что некоторые люди наслаждаются, слушая комментарии к текущим событиям на проповеди, но не позволяют ей затронуть себя лично.

Педагогические средства

156. Некоторые думают, что могут быть хорошими проповедниками, потому что знают, что нужно говорить, хотя при этом игнорируют вопрос «*как?*», т.е. конкретную форму построения проповеди. Они жалуются, что их не слушают и не ценят, но, возможно, они просто не потрудились найти соответствующую форму изложения вести. Будем помнить, что «очевидная важность содержания евангелизации не должна заслонять важности путей и средств ее осуществления»^[124]. Забота о форме проповеди — также глубоко духовная задача. Это ответ на любовь Бога, когда мы отдаем себя со всеми своими талантами и творческими способностями для миссии, которую Он нам вверил; но в то же время это утонченная практика любви к ближнему, ради которой мы не хотим предлагать другим низкокачественный продукт. Библия, например, советует нам готовиться к проповеди так, чтобы обеспечить ей адекватный объем и содержание: «Говори главное, многое в немногих словах» (Сир 32, 10).

157. Просто в качестве образца напомним о некоторых практических средствах, которые могут обогатить проповедь и сделать ее привлекательней. Одно из самых важных — научиться использовать в проповеди образы, т.е. говорить образно. Иногда примеры приводятся, чтобы сделать понятней ту идею, которую хочется донести, но эти примеры, как правило, адресованы разуму. Образы же помогают людям оценить и принять ту мысль, которую мы хотим им передать. Притягательный образ делает так, что мысль

воспринимается как нечто знакомое, близкое, возможное и связанное с личной жизнью слушателя. Удачно подобранный, он может побудить людей смаковать услышанное, пробудить желание и направить волю в направлении Евангелия. Хорошая проповедь, как сказал мне однажды один старый учитель, должна содержать «идею, чувство и образ».

158. Еще Павел VI говорил, что верующие «многого ожидают от этой проповеди и пользуются ее плодами, только бы она была простой, ясной, прямой, доступной»^[125]. Простота касается языка. Он должен быть понятен адресатам, чтобы не оказалось, что мы говорим в пустоту. Часто случается, что проповедники пользуются словами, заученными за время обучения в определенных кругах и чуждыми разговорному языку слушателей. Есть слова, присущие богословию или катехизису, но непонятные большинству христиан. Самая большая опасность для проповедника — привыкнуть к своему специфическому языку и думать, что все другие тоже пользуются им и без труда его понимают. Если кто-то хочет приспособиться к речи других, чтобы донести до них слово Божие, он должен много слушать, погрузиться в жизнь народа и внимательно всматриваться в него. С другой стороны, простота и ясность — это две разные вещи. Язык может быть очень прост, но проповедь — малопонятна. Такое бывает из-за ее неупорядоченности, отсутствия логики или из-за того, что проповедник говорит на разные темы одновременно. Поэтому другая важная задача — это стараться придать ей тематическое единство, четкий порядок и последовательность фраз, чтобы люди могли следить за ходом мысли проповедника и уловить логику того, что он говорит.

159. Еще одна характеристика — положительный язык. Нужно не столько говорить о том, чего нельзя делать, сколько предлагать, что можно сделать лучше. Даже когда проповедник заводит речь о чем-то отрицательном, он всегда должен стараться указать на некую положительную ценность, которая увлекала бы людей, чтобы его речь не превратилась в жалобы, сетования, критику и упреки. Позитивная проповедь всегда дает надежду, устремляет в будущее и не оставляет нас в плену у негатива. Как же прекрасно, когда священники, диаконы и миряне периодически встречаются, чтобы вместе найти средства, которые могут сделать проповедь привлекательней!

IV. Евангелизация и углубление керигмы

160. Давая миссионерскую заповедь, Господь одновременно призывает к росту в вере, когда говорит: «... уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф 28, 20). Отсюда явно следует, что первичное благовестие должно также подталкивать на путь развития и созревания. Евангелизация подразумевает рост, что предполагает серьезный подход к каждому человеку и Божьему замыслу относительно него. Все мы должны все более и более возрасть во Христе, а потому проповедь Благой Вести не может удовлетвориться тем, что кто-то немного сообразовался с ней, а требует, чтобы он смог совершенно искренне сказать: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2, 20).

161. Было бы неправильно понимать этот рост исключительно или преимущественно как доктринальную подготовку. Речь идет о «соблюдении» повелений Господа как ответе на Его любовь. И, наряду со всеми прочими добродетелями, среди этих повелений выделяется эта новая и одновременно первая и величайшая заповедь, исполнение которой лучше всего определяет нас как учеников: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Ин 15, 12). Очевидно, что всякий раз, когда авторы Нового Завета хотят подытожить, свести христианское нравственное учение к самой сути, они приводят непреложное требование любви к ближнему: «Любящий *другого* исполнил закон... Итак, любовь есть исполнение закона» (Рим 13, 8.10). Так, для святого Павла заповедь любви — не только суть закона, но само его сердце и смысл существования: «Ибо весь закон в одном слове заключается: *люби ближнего твоего, как самого себя*» (Гал 5, 14). Апостол народов, обращаясь к своим общинам, описывает христианскую жизнь как путь возрастания в любви: «Вас Господь да исполнит и преисполнит любовью друг к другу и ко всем» (1 Фес 3, 12). Св. Иаков призывает христиан исполнять «закон царский по Писанию: *возлюби ближнего твоего, как себя самого*» (2, 8), чтобы не нарушить никакую заповедь.

162. С другой стороны, этому пути ответа и роста всегда предшествует дар, потому что его предваряет другое повеление Господа: «крестя их во имя...» (Мф 28, 19). Усыновление, бескорыстно даруемое Отцом, и инициатива дара Его благодати (ср. Еф 2, 8-9; 1 Кор 4, 7) — условия для возможности непрестанного освящения, угодного Богу и воздающего славу Ему. Речь идет о том, чтобы позволить преобразовать себя во Христе посредством прогрессирующей жизни «по духу» (Рим 8, 5).

Керигматическая и мистагогическая катехизация

163. Воспитание и катехизация служат этому росту. У нас уже есть ряд вероучительных документов и пособий по катехизации, изданных Святым Престолом и различными епископатами. Мне вспоминается апостольское обращение *Catechesi tradendae* (1979 г.), *Общее руководство по катехизации* (1997 г.) и другие документы, содержание которых нет смысла здесь повторять. Мне хотелось бы лишь остановиться на нескольких замечаниях, заслуживающих, как мне кажется, особого внимания.

164. Мы вновь открыли, что в катехизации играет основополагающую роль первичное благовестие, или *керигма*: оно должна быть центром евангелизаторской деятельности и любых усилий по обновлению Церкви. *Керигма* тринитарна. Пламя Духа нисходит в виде языков и ведет нас к вере в Иисуса Христа, Который Своей смертью и воскресением открывает нам и сообщает бесконечное милосердие Отца. Из уст катехизатора вновь и вновь должно звучать это первичное благовестие: «Иисус Христос любит тебя; Он отдал Свою жизнь, чтобы спасти тебя, и теперь день изо дня живет рядом с тобой, чтобы просвещать, укреплять, освобождать тебя». Когда мы называем это первичное благовестие «первичным», это не значит, что его нужно произнести в начале, а потом забыть или

заменить другими более важными идеями. Оно первично в качественном смысле, потому что оно *главное*, потому что его всегда нужно снова и снова слышать в разных формах и всегда снова и снова возвещать в той или иной форме в ходе катехизации на всех ее этапах и стадиях[126]. Это еще одна причина, почему «священник, как и Церковь, все глубже должен понимать, насколько он сам нуждается в евангелизации»[127].

165. Было бы ошибкой думать, что в ходе катехизации *керигма* прекращается, уступая место якобы более «серьезной» подготовке. Нет ничего серьезнее, глубже, надежнее, содержательнее и мудрее этого благовестия. Вся христианская формация — это, в первую очередь, развитие *керигмы*, которая обретает все более осязаемую плоть, никогда не переставая озарять собой катехизацию и позволяя правильно понять суть любой затронутой темы. Это благовестие отвечает на бесконечную жажду каждого человеческого сердца. Центральное место керигмы предreshает определенные черты проповеди, которые сегодня обязательны везде: она должна возвещать спасительную любовь Божию и лишь затем — нравственные и религиозные обязательства; должна не навязывать истину, а взывать к свободе; должна быть проникнута радостью, жизненной силой и гармоничной цельностью, которая не позволит свести проповедь к нескольким доктринам, порой скорее философским, чем евангельским. Все это требует от евангелизатора определенных качеств, помогающих лучше понять благовестие: доступность, открытость диалогу, терпение и сердечное радушие без осуждения.

166. Другой аспект катехизации, получивший серьезное развитие в последние десятилетия — это *мистагогическая* инициация[128], означающая, по сути, две вещи: обязательное прогрессивное развитие опыта формации, в котором участвует вся община, и обновленное использование литургических знаков христианской инициации. Многие пособия и программы недостаточно учитывают необходимость мистагогического обновления, которое может принимать самые разные формы по усмотрению воспитывающей общины. Катехетическая встреча является возвещением слова и сосредоточена на нем, но всегда нуждается в соответствующем окружении и привлекательной мотивации, в использовании красноречивых символов, во включении в разносторонний процесс развития и приобщения всех сторон личности к общинному пути слушания и ответа.

167. Необходимо, чтобы любая форма катехизации уделяла особое внимание «пути красоты» (*via pulchritudinis*)[129]. Возвещать Христа значит показать, что верить в Него и следовать за Ним не только правильно и справедливо, но и прекрасно, что это способно наполнить жизнь новым великолепием и глубокой радостью даже в испытаниях. В этом смысле, любое проявление истинной красоты можно признать стезей, ведущей ко встрече с Господом. И речь здесь идет не о поощрении эстетического релятивизма[130], разрывающего неразрывную связь между истиной, добром и красотой, а о возвращении почтения к красоте, чтобы достичь человеческого сердца и озарить его истиной и благостью Воскресшего. Если, как говорит св. Августин, мы любим только прекрасное[131], то Сын,

ставший человеком, откровение о бесконечной красоте, в высшей степени достоин любви и привлекает нас к Себе ее узами. Таким образом, необходимо, чтобы воспитание по *via pulchritudinis* стало частью преподавания веры. Желательно, чтобы каждая поместная Церковь поощряла использование искусств в деле евангелизации, не разрывая с богатством прошлого и одновременно обращаясь к широкому многообразию выражений современного искусства, чтобы передавать веру на новом «языке притчи»^[132]. Мы должны смело взять на вооружение новые знаки, новые символы, «новую плоть» для передачи слова, различные формы красоты, проявляющие себя в разных культурных средах, в том числе и непривычные выражения прекрасного, которые могут мало значить для евангелизаторов, но стали очень привлекательными для других.

168. Что касается нравственного содержания катехизации, призывающей укреплять верность образу жизни по Евангелию, то целесообразно всегда предлагать желанное благо, идеал жизни, зрелости, реализации и плодотворности, в свете чего можно понять наше обличение зла, способного их затемнить. Нужно, чтобы мы выглядели не столько экспертами по апокалиптическим диагнозам и хмурыми судьями, горделиво разоблачающими угрозы и отклонения, сколько радостными вестниками возвышенного, хранителями добра и красоты, сияющих в жизни, верной Евангелию.

Личное сопровождение процессов развития

169. В цивилизации, парадоксально страдающей от анонимности, но вместе с тем одержимой подробностями личной жизни других и пораженной бесстыдным нездоровым любопытством, Церковь должна по-доброму присматриваться к окружающим, чтобы замечать другого, сопереживать ему и останавливаться перед ним всякий раз, когда это потребуется. В этом мире рукоположенные служители и другие пастырские работники могут распространять благоухание присутствия и близости Иисуса и Его взгляд, обращенный к каждому. Церкви следует прививать своим членам — священникам, монашествующим и мирянам — «искусство сопровождения», чтобы все научились всегда снимать сандалии, прежде чем ступить на святую землю другого (ср. Исх 3, 5). Нам нужно придать нашему странствию целительный ритм близости, нам нужен почтительный и полный сострадания взгляд, который одновременно лечит, освобождает и вдохновляет созреть в христианской жизни.

170. Хотя это кажется очевидным, все же нужно повторить, что духовное сопровождение должно вести все ближе и ближе к Богу, в Котором мы можем обрести истинную свободу. Некоторые думают, что они свободны вдали от Бога, не осознавая, что остаются экзистенциальными сиротами без защиты и без дома, куда всегда можно вернуться. Они перестают быть странниками и сбиваются с пути, кружатся вокруг себя и никуда не приходят. Сопровождение будет контрпродуктивным, если превратится в своего рода терапию, поощряющую замкнутость личности в собственной имманентности, а не будет

странствием со Христом к Отцу.

171. Сегодня более, чем когда-либо, нам нужны мужчины и женщины, по собственному опыту сопровождения знакомые с образом действия, требующим благоразумия, умения понять, искусства ждать и покорности Духу, чтобы мы все вместе были способны оградить доверившихся нам овец от волков, старающихся разогнать стадо. Мы должны совершенствоваться в искусстве выслушать, которое значит больше, чем слушать. Главное в общении с другим — свойство сердца, делающее возможной близость, без которой не бывает подлинной духовной встречи. Слушание помогает нам найти нужную манеру поведения и слова, необходимые для того, чтобы нас перестали воспринимать как безучастных зрителей. Только благодаря такому уважительному и сострадательному слушанию можно найти пути подлинного роста, пробудить в человеке стремление к христианскому идеалу, жажду дать полный ответ на любовь Божию и желание развить то лучшее, что посеял в его жизни Бог. Но это всегда требует терпения, ведь мы знаем, чему учил святой Фома: можно иметь благодать и милосердие, но не практиковать должным образом ни одну из добродетелей «по причине ряда противоречащих наклонностей»^[133]. Другими словами, органичность добродетелей всегда и обязательно дана *in habitu*, даже если обстоятельства могут затруднять *воплощение в поступках* добродетельных навыков. Отсюда вытекает необходимость «педагогики, ведущей личность шаг за шагом к полному усвоению тайны»^[134]. Для достижения такого уровня зрелости человеком, то есть способности принимать по-настоящему свободные и ответственные решения, требуется время и безграничное терпение. Как говорил блаженный Петр Фавр, «время — Божий вестник».

172. Сопровождающий способен признать, что положение каждого субъекта перед Богом и его жизнь в благодати — тайна, которую никто не может до конца узнать извне. Евангелие призывает нас поправлять другого и помогать ему расти, исходя из констатации объективного зла его поступков (ср. Мф 18, 15), но без вынесения суждений о его ответственности и вине (ср. Мф 7, 1; Лк 6, 37). В любом случае, хороший сопровождающий не поддается фатализму или малодушию. Он всегда предлагает искать исцеления, вновь подняться, обнять крест, оставить все, вновь и вновь выходить, чтобы провозглашать Евангелие. Нас самих сопровождают и исцеляют люди, перед которыми мы искренне стремимся открыть свою жизнь, и этот опыт учит нас терпению и состраданию к другим, помогает нам находить способы заново пробудить в них доверие, открытость и готовность расти.

173. Подлинное духовное сопровождение всегда начинается и развивается в контексте служения миссии евангелизации. Отношения Павла с Тимофеем и Титом служат примером такого сопровождения и воспитания в рамках апостольской деятельности. Поручая им остаться в том или ином городе, чтобы «довершить недоконченное» (ср. Тит 1, 5; ср. 1 Тим 1, 3-5), Павел одновременно указывает критерии для личной жизни и пастырской

деятельности. Все это явно отличается от любой формы панибратского сопровождения, эгоцентричной самореализации. Ученики-миссионеры сопровождают учеников-миссионеров.

Вокруг слова Божия

174. Не только проповедь должна питаться Словом Божиим. Вся евангелизация зиждется на нем — услышанном, осмысленном, воплощенном в жизнь, прославленном и засвидетельствованном. Священное Писание — источник евангелизации. Поэтому нужно непрерывно учиться слушать Слово. Церковь сама не сможет благовествовать, если не позволит постоянно евангелизировать себя саму. Необходимо, чтобы слово Божие «всегда оставалось в сердце всякого церковного делания»^[135]. Слово Божие, услышанное и прославленное, прежде всего в Евхаристии, питает и внутренне укрепляет христиан, наделяя их способностью к подлинному евангельскому свидетельству в повседневной жизни. Мы уже преодолели старое противопоставление Слова и Таинства. Живое и действенное возвещенное Слово подготавливает к принятию Таинства и в Таинстве достигает своей наивысшей действенности.

175. Изучение Священного Писания должно быть дверью, открытой для всех верующих^[136]. Фундаментально важно, чтобы Слово Откровения радикально обогащало катехизацию и все усилия по передаче веры^[137]. Евангелизация требует близкого знакомства со словом Божиим, а для этого нужно, чтобы епархии, приходы и все католические объединения обеспечили своим членам серьезное и постоянное изучение Библии, а также поощряли их к личному и общинному молитвенному чтению^[138]. Мы не ищем, действуя наугад в темноте, и не должны ждать, когда Бог обратит к нам слово, потому что на самом деле «Бог уже сказал, и теперь Он не великий незнакомец, а Тот, Кто явил Себя»^[139]. Примем же высочайшее сокровище Слова Откровения!

ГЛАВА IV

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЕВАНГЕЛИЗАЦИИ

176. Благовествовать — значит приводить в мир Царствие Божие. Но «никакое частичное и отрывочное определение не может охватить ту богатую, сложную и пребывающую в движении реальность, называемую евангелизацией, не рискуя при этом обеднить и даже исказить ее»^[140]. Теперь я хотел бы поделиться моими опасениями в отношении социального измерения евангелизации, ведь если это измерение не в достаточной мере выразить, то неизбежно возникает опасность исказить истинное и целостное значение евангелизационной миссии.

I. Общинный и социальный резонанс *керигмы*

177. У *керигмы* неизбежно социальное наполнение: общинная жизнь и совместные с другими людьми дела находятся в самом сердце Евангелия. Первое благовестие сразу же вызывает нравственный резонанс, в центре которого — милосердие.

Исповедание веры и социальная ответственность

178. Исповедание веры в Отца, безгранично любящего любое человеческое существо, позволяет открыть, что «тем самым Он сообщает неизмеримое достоинство»^[141]. Исповедание Сына Божия, принявшего человеческую плоть, указывает на то, что любая человеческая личность вознесена к самому сердцу Божию. Исповедание того, что Иисус пролил кровь ради нас, не позволяет нам хоть немного усомниться в безграничной любви, сообщающей достоинство каждому человеческому существу. Его искуплению присуще социальное значение, потому что «Бог во Христе искупает не только отдельного человека, но и социальные отношения между людьми»^[142]. Исповедание, что Святой Дух действует во всех, заставляет признать, что Дух стремится проникнуть в любую ситуацию человека и во все социальные отношения: «У Святого Духа неисчерпаемая фантазия, присущая Божественному уму, умеющему предусмотреть и развязать даже самые сложные и тугие узлы обстоятельств жизни человека»^[143]. Евангелизация стремится сотрудничать и с проявляющимся таким образом освободительным действием Святого Духа. Сама тайна Троицы напоминает нам, что мы сотворены по образу общения Божественных ипостасей, поэтому мы не можем самостоятельно реализоваться и спастись. В сердце Евангелия мы видим тесную связь евангелизации и развития человечества — именно это измерение обязательно должно воплощаться и развиваться во всей работе на благо евангелизации. Принятие первого благовестия призывает открыться любви Божией и возлюбить любовью, которой Он возлюбил нас; в жизни и поступках человека благовестие вызывает первую и главную реакцию: желать, распознавать, принимать к сердцу благо других.

179. Неразрывная связь между принятием спасительной вести и действенной братской любовью отражена в некоторых фрагментах Писания, и чтобы до конца понять их и сделать выводы, необходимо не просто прочтение, а внимательное осмысление. Речь идет о том, что нередко мы привыкаем к благовествованию, повторяем главную мысль почти механически, не заботясь о ее реальном воздействии на нашу жизнь и на наши общины. Как опасна и вредна эта самодостаточность, приводящая к утрате чуда, привлекательности, энтузиазма жизни по Евангелию братства и справедливости! Слово Божие учит, что в брате мы встречаем непрерывное продление воплощения ради каждого из нас: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф 25, 40). Сделанное нами имеет для других трансцендентное значение: «Какою мерою мерите, [такою] и вам будут мерить» (Мф 7, 2); это ответ на Божественное милосердие к нам: «Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд. Не судите, и не будете судимы; не осуждайте,

и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете; давайте, и дастся вам [...] какую мерою мерите, такую же отмерится и вам» (Лк 6, 36-38). Эти тексты говорят именно об абсолютном приоритете «выхода за собственные рамки навстречу брату» как об одной из двух главных заповедей, лежащих в основе любой нравственной нормы. Именно они — самый очевидный знак для распознавания на пути духовного возрастания в ответ на совершенно бескорыстный дар Бога. Поэтому само «служение милосердия — составляющая измерения миссии Церкви и обязательное выражение самой ее сути»^[144]. Церковь по своей природе миссионерская, вследствие чего из этой природы неизбежно проистекает действенное милосердие к ближнему, сострадание, способное понять, помочь, поддержать.

Призывающее нас Царство

180. Впрочем, читая Писание, ясно понимаешь, что евангельское предложение не исчерпывается только личной связью с Богом. И тем более, наш ответ, данный из любви, не следует понимать как всего лишь сумму незначительных личных поступков по отношению к каким-нибудь нуждающимся индивидуумам, что может превратиться в своего рода «выборочное милосердие» — в серию действий, предпринимаемых лишь для успокоения собственной совести. Предложение — *Царство Божие* (Лк 4, 43); речь идет о том, чтобы любить Бога, царствующего в мире. В той мере, в какой Он сможет царствовать среди нас, в такой социальной жизнь станет пространством братства, справедливости, мира, всеобщего достоинства. Как благовестие, так и христианский опыт стремятся вызвать социальные последствия. Будем искать Его Царства: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф 6, 33). Замысел Иисуса — установить Царство Отца; Он просит Своих учеников: «Проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное» (Мф 10, 7).

181. Царство, предвосхищенное и развивающееся среди нас, охватывает все и напоминает нам о принципе распознавания, предложенном Павлом VI в отношении настоящего развития: «каждый человек и весь человек»^[145]. Мы знаем, что «евангелизация не была бы полной, если бы мы не учитывали взаимного призыва, с которым постоянно обращаются друг к другу Евангелие и конкретная — личная и общественная — жизнь человека»^[146]. Речь идет о критерии универсальности, присущем динамике Евангелия, поскольку Отец желает, чтобы все люди спаслись, и Его замысел о спасении заключается в подчинении всего, что есть на небе и на земле, единому Господу Христу (ср. Еф 1, 10). Заповедано: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк 16, 15), потому что «тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих» (Рим 8, 19). «Все творение» означает также и все аспекты человеческой природы, таким образом, «у миссии возвещать Благою Весть Иисуса Христа — вселенское предназначение. Заповедь любви объемлет все измерения бытия, всех людей, все сферы сосуществования и все народы. Ничто из человеческого не может быть ей чуждо»^[147]. Историю всегда рождает подлинная христианская надежда, ищущая эсхатологического Царства.

182. Наставления Церкви о возможных ситуациях пережили сильное новое развитие и могут обсуждаться, но чтобы великие социальные принципы не оставались всего лишь общими, ни к кому не обращенными указаниями, нельзя обойтись без конкретики, хотя и не погружаясь в детали. Из этих принципов следует делать практические выводы, чтобы они «могли эффективно проявляться даже в сложных ситуациях современности»^[148]. Пастыри, принимая вклад разных наук, имеют право излагать мнение обо всем, что касается жизни людей, поскольку задача евангелизации предполагает и требует целостного развития любого человеческого существа. Мы больше не можем утверждать, что религия должна ограничиваться частной сферой, что она нужна лишь для подготовки душ к небу. Мы знаем, что Богу угодно счастье людей и на этой земле, хотя они призваны к вечной полноте, поскольку Он сотворил все, дав нам «обильно для наслаждения» (1 Тим 6, 17), чтобы все могли наслаждаться. Следовательно, христианское обращение требует переоценить, «в первую очередь, все относящееся к социальному порядку и к достижению общего блага»^[149].

183. Итак, никто не может заставить нас отодвинуть религию в тайную интимную сторону личности, полностью отказаться от влияния на социальную и национальную жизнь, не беспокоиться о здоровье институтов гражданского общества, не высказываться о событиях, интересующих граждан. Кто осмелится замкнуть в храме и заставить молчать послание святого Франциска Ассизского и блаженной Терезы Калькуттской? Они бы с этим не смирились. Подлинная вера — ни в коем случае не удобная и индивидуалистская — всегда вызывает глубокое желание изменить мир, прививать ценности, устремления, чтобы после нашего ухода на земле осталось нечто лучшее. Мы любим прекрасную планету, куда поместил нас Бога, и любим населяющее ее человечество со всеми его трагедиями и усталостью, жаждой и надеждами, ценностями и слабостями. Земля — наш общий дом, и все мы — братья. Хотя «справедливый порядок общества и государства является главной задачей политики», Церковь «не может и не должна быть сторонней наблюдательницей в борьбе за справедливость»^[150]. Все христиане, включая пастырей, призваны заботиться о построении лучшего мира. Я говорю об этом, поскольку социальное мышление Церкви, в первую очередь, выдержано в положительном и предметном ключе, оно направляет преобразующее действие и в этом смысле остается знаменем надежды, источаемой сердцем Иисуса Христа, преисполненным любви. При этом Церковь «трудится совместно с другими Церквями и церковными сообществами в социальной сфере, как на уровне доктринальных размышлений, так и на практическом уровне»^[151].

184. Здесь не время рассматривать все серьезные социальные проблемы современного мира, некоторые из них я прокомментировал во второй главе. Документ не имеет социальной направленности, и для размышления над разнообразными вопросами, касающимися этой темы, мы располагаем очень подходящим трудом — *Компендиумом*

Социального учения Церкви. Я настойчиво рекомендую его использование и изучение. К тому же ни у Папы, ни у Церкви нет монополии на интерпретацию социальных реалий или на предложение решений современных проблем. Могу лишь напомнить яркое указание Павла VI: «Перед лицом столь различных ситуаций нам трудно произнести окончательной слово и предложить решение вселенского масштаба. К тому же мы не питаем подобный амбиций, и не в этом заключается наша миссия. Обязанность христианских общин — объективно анализировать ситуацию в их стране»^[152].

185. Далее я постараюсь сконцентрироваться на двух огромных проблемах, имеющих, на мой взгляд, фундаментальное значение на нынешнем этапе истории. Я достаточно пространно разовью их, так как считаю, что именно они будут определять будущее человечества. Во-первых, речь пойдет о включении бедных в социальную жизнь, а во-вторых — о мире и социальном диалоге.

II. Включение бедных в социальную жизнь

186. Нашей верой во Христа, ставшего бедняком и всегда остающегося рядом с неимущими и маргиналами, продиктовано беспокойство за целостное развитие отверженных нашим обществом.

Услышим крик в единстве с Богом

187. Любой христианин и любая община призваны быть орудиями Бога в деле освобождения и развития бедных, чтобы те смогли полностью интегрироваться в общество; это заставляет нас кротко и внимательно прислушиваться к крику бедняка и помогать ему. Достаточно охватить Писание беглым взглядом, чтобы понять, что благой Отец желает внимать крику бедных: «Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его и иду избавить его... Итак, пойдя: Я посылаю тебя» (Vlg: Исх 3, 7-8.10). Он заботится об их нуждах: «Тогда возопили [сыны Израилевы] к Господу, и Господь воздвигнул им спасителя» (Суд 3, 15). Оставаться глухими к этому воплю, хотя мы орудия Божии, чтобы слышать бедного, означает нарушать волю Отца и Его замысел, ведь этот бедный «возопиет на тебя к Господу, и будет на тебе грех» (Втор 15, 9). И солидарность с потребностями нуждающегося непосредственно влияет на наши отношения с Богом: «Ибо, когда он в горести души своей будет проклинать тебя, Сотворивший его услышит моление его» (Vlg: Сир 4, 6). Вновь и вновь звучит старый вопрос: «А кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, — как пребывает в том любовь Божия?» (1 Ин 3, 17). Вспомним убедительное описание вопля угнетенных у апостола Иакова: «Вот, плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа» (Иак 5, 4).

188. Церковь признала, что потребность прислушиваться к этому воплю вытекает из

спасительного действия благодати в каждом из нас, поэтому речь не идет о миссии, уготованной лишь некоторым: «Церковь, водимая Евангелием милосердия и любовью к человеческому существу, *слышит вопль о справедливости* и желает ответить на него всеми своими силами»^[153]. В этой картине понятна просьба Иисуса к ученикам: «Вы дайте им есть» (Мк 6, 37), что предполагает и сотрудничество в деле устранения главных причин возникновения бедности и на благо целостного развития бедных, равно как и самые простые, житейские, вдохновляемые солидарностью поступки при столкновении с конкретными бедствиями. Слово «солидарность» несколько истрепалось и порой неверно понимается, но оно значит намного больше, чем редкое проявление щедрости. Солидарность требует нового мировоззрения, мыслящего категориями общности, приоритета жизни всех над присвоением благ некоторыми.

189. Солидарность — спонтанная реакция того, кто признает, что социальная функция бедности и всеобщее предназначение благ предшествуют частной собственности. Частное владение благами оправдано для сохранения и увеличения их таким образом, чтобы они лучше служили общему благу, вот почему солидарность нужно воспринимать как решение вернуть бедному то, что ему полагается. Убеждения и практические действия, вдохновленные солидарностью, воплощаясь в жизнь, прокладывают путь другим структурным изменениям и делают их возможными. Структурная перемена, не рождающая новых убеждений и позиций, в итоге рано или поздно приведет к разрушению, к тяжеловесности, неэффективности самих структур.

190. Порой речь идет о том, чтобы услышать вопль целых народов — самых бедных народов на земле, так как «мир основывается не только на соблюдении прав человека, но и на соблюдении прав народов»^[154]. Достоин сожаления, что даже права человека могут использоваться как оправдание в острой борьбе за индивидуальные права или за права процветающих народов. Уважая независимость и культуру любой нации, следует всегда помнить, что планета принадлежит всему человечеству и должна служить всему человечеству, и сам по себе факт рождения в местности, бедной природными ресурсами или недостаточно развитой, не оправдывает условия существования, не достойные человека. Следует напомнить, что «самые благополучные должны отказаться от некоторых своих прав и охотнее посвятить свои блага служению другим»^[155]. Чтобы более соответствующим образом говорить о наших правах, мы должны расширить горизонт видения и отворить слух крику других народов и других областей нашей страны. Нам необходимо возрастать в солидарности, чтобы «позволить другим народам добиваться всего своими силами и строить свою судьбу»^[156], так как «любое человеческое существо призвано развиваться»^[157].

191. Везде и в любых обстоятельствах христиане, побуждаемые пастырями, призваны внимать воплю бедных, об этом хорошо высказались епископы Бразилии: «Мы ежедневно желаем брать на себя радости и надежды, тревоги и горести бразильского народа,

особенно — жителей городских окраин и сельских местностей, оставшихся без земли, без крыши над головой, без хлеба, без здоровья, попранных в своих правах. Когда мы смотрим на их бедствия, слышим их крик и узнаем об их страданиях, нас вводит в соблазн понимание того, что еды достаточно для всех, что голод вызван плохим распределением благ и дохода. Проблема отягчается повсеместной практикой расточительства»[158].

192. Но мы хотим большего, наши мечты устремляются еще выше. Мы говорим не о том, чтобы просто обеспечить всех хлебом или дать «достойное содержание», а о том, чтобы все могли достичь «процветания во всем его многообразии»[159]. Для этого необходимо образование, доступ к здравоохранению и, главное, работа, потому что благодаря свободному, творческому, совместному и солидарному труду человеческое существо воплощает достоинство своей жизни и возрастает в нем. Справедливое вознаграждение обеспечивает справедливый доступ к другим благам, предназначенным для общего использования.

Хранить верность Евангелию, чтобы не подвизаться напрасно

193. Повеление слышать вопль бедных воплощается в нас, если чужая боль затрагивает нас до самой глубины души. Давайте перечитывать наставления слова Божия о милосердии, чтобы они с силой звучали в жизни Церкви. Евангелие утверждает: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф 5, 7). Апостол Иаков учит, что милосердие к другим позволит нам возликовать на Суде Божиим: «Так говорите и так поступайте, как имеющие быть судимы по закону свободы. Ибо суд без милости не оказавшему милости; милость превозносится над судом» (Иак 2, 12-13). В этом отрывке Иаков проявляет себя наследником огромного богатства еврейской духовности эпохи после изгнания, видевшей в милосердии особую спасительную ценность: «Искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот чем может продлиться мир твой» (Дан 4, 24). В том же ключе о милостыне как о конкретном проявлении милосердия к нуждающимся говорят книги премудрости: «Милостыня от смерти избавляет и может очищать всякий грех» (Тов 12, 9). Еще изящнее выразился Сирах: «Вода угасит пламень огня, и милостыня очистит грехи» (Vlg: 3, 30). Та же самая мысль встречается в Новом Завете: «Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов» (1 Петр 4, 8). Эта истина глубоко проникла в менталитет Отцов Церкви и в условиях гедонистского языческого индивидуализма оказала пророческое сопротивление в качестве культурной альтернативы. Приведем лишь один пример: «Как при пожаре мы бежим искать воду, чтобы затушить его, [...] так, если от нашей соломы разгорается пламя греха, и это нас беспокоит, то если представится возможность совершить дело милосердия, возрадуемся этому, как источнику, данному нам, чтобы суметь угасить пожар»[160].

194. Эта мысль настолько ясная, настолько прямая, настолько простая и красноречивая, что никакая церковная герменевтика не имеет право подвергать ее релятивистскому сомнению.

Размышление Церкви об этих отрывках не должно затемнять и ослаблять их побудительное значение, а помогать с мужеством и рвением усвоить их. Зачем усложнять столь простое? Понятийные средства существуют для поощрения контакта с объясняемой реальностью, а не для отдаления от нее. Это имеет значение, в первую очередь, для библейских увещаний, столь решительно призывающих к братской любви, к смирению и бескорыстному служению, к справедливости, к милосердию в отношении бедного. Иисус словами и делами указал нам путь к признанию другого. Зачем затемнять столь очевидное? Будем заботиться не только о том, чтобы не впасть в доктринальные заблуждения, но и о том, чтобы сохранить верность этому лучезарному пути жизни и мудрости. Поэтому «защитников “ортодоксии” иногда порицают за бездеятельность, за самооправдание и за преступное согласие с нетерпимыми ситуациями несправедливости и с виновными в этом политическими режимами»^[161].

195. Когда святой Павел отправился к апостолам в Иерусалим, чтобы понять, не напрасно ли он подвизается или повизался (ср. Гал 2, 2), то ключевым критерием искренности оказалось указание не забывать о нищих (ср. Гал 2, 10). Этот великий критерий — чтобы общины, окормляемые Павлом, не позволяли себе проникнуться индивидуалистским образом жизни язычников — очень актуален в нынешних условиях, когда отмечается тенденция развития индивидуалистского неоязычества. Мы не всегда должным образом открываем красоту Евангелия, но никогда не бывает недостатка в одном знаке: в предпочтении в пользу последних, в пользу тех, кого общество отбраковывает и отвергает.

196. Порой из-за жестокосердия и жестокомыслия мы забываемся, развлекаемся, восторгаемся безграничными возможностями потребления и расслабления, предлагаемыми современным обществом. Тем самым провоцируется своего рода отчуждение, поражающее всех, поскольку «отчужденным оказывается то общество, которое в своих формах социального устройства, производства и потребления все более затрудняет осуществление этого дара и установления этой межличностной солидарности»^[162].

Привилегированное положение бедных в народе Божиим

197. В сердце Бога за бедными оставлено преимущество, ведь Он сам «обнищал» (2 Кор 8, 9). Весь путь нашего искупления отмечен присутствием бедных. Спасение достигло нас благодаря «да» смиренной девушки из маленького селения, затерянного на окраине огромной империи. Спаситель родился в хлеву, среди скота, так появлялись на свет дети самых нищих; Он был принесен в Храм с двумя птенцами — их жертвовали те, кто не мог позволить себе оплатить агнца (ср. Лк 2, 24; Левит 5, 7); Он вырос в доме простых тружеников и работал Своими руками, чтобы заработать Себе на хлеб. Когда же Он начал проповедовать Царство, за ним последовали толпы обездоленных, и тем самым исполнилось сказанное Им: «Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие» (Лк 6, 20); и Он отождествил Себя с ними: «Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть», уча, что

милосердие к ним — ключ к Небу (ср. Мф 25, 35 сл.)

198. Для Церкви выбор в пользу бедных — в первую очередь богословская, а не культурная, социологическая, политическая или философская категория. Именно им Бог дарует «Свое первое милосердие»^[163]. Такое Божественное предпочтение влияет на жизнь в вере всех христиан, призванных иметь «те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Флп 2, 5). Церковь, вдохновляемая этим, сделала *выбор в пользу бедных*, понимаемый как «особая форма первенства в осуществлении христианского милосердия, о чем свидетельствует вся традиция Церкви»^[164]. Этот выбор, как учил Бенедикт XVI, «следует из христологической веры в Бога, обнищавшего ради нас, дабы обогатить нас Своей бедностью»^[165]. Вот почему мне желанна бедная Церковь для бедных. Они многому могут нас научить. Помимо причастности *sensus fidei*, благодаря своим страданиям они знакомы со страждущим Христом. Необходимо, чтобы мы все позволили им евангелизировать нас. Новая евангелизация — призыв распознать спасительную силу опыта бедных и поставить его в центр странствования Церкви. Мы призваны открыть в бедных Христа, возвысить наш голос в их защиту, но также стать им друзьями, слушать, понимать, принимать таинственную мудрость, которую Богу угодно сообщить нам через них.

199. Наша обязанность не заключается исключительно в делах или в программах по содействию и помощи; Святой Дух пробуждает не чрезмерный активизм, а, в первую очередь, именно *внимание* к другому, чтобы «видеть его единым целым с самим собой»^[166]. Это внимание любви служит началом для подлинной заботы о личности другого человека и, исходя из него, я желаю действенным образом искать для него блага. Для этого необходимо ценить бедного, присущую ему доброту, его образ жизни, культуру, способ восприятия веры. Истинная любовь всегда созерцательна, она позволяет нам служить другому не по необходимости или из тщеславия, а потому что это служение прекрасно, независимо от того, как оно выглядит. «От любви, в силу которой приятна другая личность, зависит наша бескорыстная отдача ей чего-либо»^[167]. Возлюбленный бедный «воспринимается как великая ценность»^[168], и в этом отличие подлинного выбора в пользу бедных от какой бы то ни было идеологии, от любых попыток использовать бедных на службе личным или политическим интересам. Лишь исходя из такой реальной и сердечной близости мы можем правильно сопровождать их на пути их освобождения. Лишь это сделает возможным, чтобы «бедные в любой христианской общине чувствовали себя «как дома». Разве такой образ поведения не станет высочайшим и действенным провозглашением Благой Вести о Царстве?»^[169]. Без преимущественного выбора в пользу самых бедных «возвешение Евангелия, хотя и представляет собой первый шаг милосердия, рискует оказаться непонятым или утонуть в море слов, ежедневно изливаемом на нас современным обществом коммуникации»^[170].

200. Коль скоро настоящее Обращение адресовано членам Католической Церкви, я с горестью констатирую, что наихудшая форма дискриминации бедных — отсутствие

духовного внимания. Бесчисленному множеству бедных присуща особая открытость к вере; они нуждаются в Боге, и мы не можем пренебрежительно не предлагать им Его дружбу, Его благословение, Его Слово, совершение Таинств и ответ на путь возрастания и созревания в вере. Преимущественный выбор в пользу бедных должен, главным образом, воплощаться в привилегированном и приоритетном религиозном внимании.

201. Никто не должен говорить, что находится вдалеке от бедных, потому что его жизненный выбор заставляет уделять больше внимания иным задачам. Так часто оправдываются академические, предпринимательские, профессиональные и даже церковные круги. Хотя, можно сказать, что призвание и, собственно, миссия верных мирян заключаются в изменении разных земных реалий с тем, чтобы Евангелие преобразило все виды деятельности человека^[171], никто не может считать себя освобожденным от заботы о бедных и о социальной справедливости: «Духовное обращение, живая любовь к Богу и к ближнему, старания ради справедливости и мира, евангельское понимание бедных и бедности — требования, предъявляемые ко всем»^[172]. Боюсь, что и эти слова будут только комментироваться, а не получают практического применения. Несмотря ни на что, я уповаю на открытость и доброе расположение христиан и прошу вас совместно искать новые пути для принятия этого обновленного призыва.

Экономика и распределение доходов

202. Проблема устранения структурных причин бедности стоит остро не только из-за прагматической потребности добиться результатов и упорядочить общество, но и в связи с необходимостью исцелить общество от ослабляющей, отнимающей достоинство, болезни, которая может лишь привести к новому кризису. Программы по оказанию помощи в ряде экстренных ситуаций нужно рассматривать лишь в качестве временного ответа. Пока не будет найдено радикальное решение проблемы бедных посредством отказа от абсолютной автономии рынков, финансовых спекуляций и рассмотрения структурных причин неравенства^[173], не будет возможности устранить ни проблемы мира, ни, в конечном счете, все другие проблемы. Неравенство — корень социальных бедствий.

203. Достоинство любой человеческой личности, а также общее благо — вопросы, на которых должна строиться вся политическая экономика, но порой они кажутся приложениями извне, дополняющими политический дискурс без перспектив и программ подлинно целостного развития. Сколько слов стали неудобными для системы! Отвращение вызывает речь об этике, отвращение вызывает речь о всемирной солидарности, отвращение вызывает речь о распределении благ, отвращение вызывает речь в защиту рабочих мест, отвращение вызывает речь о достоинстве бедных, отвращение вызывает речь о Боге, требующем трудиться на благо справедливости. Бывает, что эти слова становятся объектом оппортунистской манипуляции со стороны тех, кто их презирает. Удобная позиция безразличия к этим проблемам лишает нашу жизнь и наши слова какого

бы то ни было смысла. Призвание предпринимателя — благородный труд, обязательно позволяющий задуматься над более широким значением жизни; это помогает ему по-настоящему служить общему благу, то есть посвящать усилия умножению благ этого мира и стараться, чтобы блага стали доступнее для всех.

204. Мы не можем больше доверяться слепым силам и незримой руке рынка. Равноправное развитие требует чего-то большего, чем рост экономики, хотя и предполагает его; оно требует решений, программ, механизмов и процессов, направленных именно на лучшее распределение доходов, на создание возможностей для работы, на цельное развитие нищих, выходящее за рамки оказания исключительно помощи. Я отнюдь не предлагаю безответственный популизм, но экономика не может больше прибегать к лекарствам, которые на самом деле — новый яд, например, претендовать повысить доходность, сокращая рынок труда и тем самым увеличивая число новых отверженных.

205. Я молю Бога умножить число политиков, способных вступить в подлинный диалог, нацеленный на эффективное исцеление глубинных корней, а не на видимость бедствий нашего мир! Столь дискредитированная политика, на самом деле, является высочайшим призванием, одной из самых драгоценных форм милосердия, так как стремится к общему благу^[174]. Мы должны убедить себя в том, что любовь — «начало не только микроотношений — дружеских, семейных, в малой группе, — но и макроотношений: социальных, экономических, политических»^[175]. Молю Господа подарить нам больше политиков, чье сердце будет поистине отдано обществу, народу, жизни бедных! Очень важно, чтобы правители и те, кто управляет рычагами финансовой власти, подняли взгляд и расширили свои горизонты, чтобы сделать работу достойной, образование и медицинское обслуживание — доступными для всех граждан. Почему бы не обратиться к Богу, чтобы Он вдохновил их планы? Убежден, что исходя из открытости в отношении трансцендентного может сложиться новое политическое и экономическое мышление, помогающее преодолеть абсолютную дихотомию экономики и социального общего блага.

206. Экономика, как подсказывает само это слово, должна быть искусством добиваться правильного управления общим домом, то есть всем миром. Любое экономическое действие любого значения, предпринятое в какой-либо части планеты, откликается по всей земле; поэтому ни одно правительство не может действовать без оглядки на общую ответственность. Действительно, на локальном уровне все труднее найти решения серьезных глобальных противоречий, поэтому местная политика переполняется проблемами, требующими вмешательства. Если мы на самом деле хотим получить здоровую всемирную экономику, то на этом историческом этапе необходим более эффективный способ взаимодействия, обеспечивающий, при сохранении суверенитета наций, экономическое благосостояние всех стран, а не только некоторых.

207. Любая община Церкви, в той мере, в какой она претендует на сохранение спокойствия,

без творческого подхода и действенного сотрудничества ради достойной жизни бедных и включения всех подвергает себя опасности распада, несмотря на выступление по социальным вопросам или с критикой правящих сил. Она легко утонет в духовном обмирщении, маскируясь за религиозными практиками, бесплодными встречами и пустыми разговорами.

208. Если кого-то обидели мои слова, то вот мой ответ: я говорю это с любовью и наилучшими намерениями, отнюдь не ради личного интереса или политической идеологии. Мое слово — не слово врага или оппозиционера. Мне хочется лишь добиться того, чтобы рабы индивидуалистского, индифферентного и эгоистичного мировоззрения могли освободиться от недостойных цепей и обратиться к более человеческому, более благородному, более плодотворному образу жизни и мышления, сообщающему достоинство их странствию на земле.

Заботиться о хрупкости

209. Иисус, в высочайшей степени благовестник и олицетворение Евангелия, особым образом отождествляет Себя с самыми слабыми (ср. Мф 25, 40). Это напоминает нам: все мы, христиане, призваны заботиться о самых немощных на земле. Но в действующей модели «успешности» и «частной инициативы», как представляется, бессмысленно вкладываться в тех, кто остается позади, в слабых, в менее одаренных, чтобы помочь им найти путь в жизни.

210. Необходимо уделять внимание, быть рядом с новыми формами бедности и хрупкости, в которых мы должны видеть страдающего Христа, хотя ясно, что это не приносит нам осязаемых и немедленных преимуществ: бездомные, страдающие разными формами химической зависимости, беженцы, туземные народы, все чаще остающиеся в одиночестве старики и отверженные и т.д. Особый вызов бросают мне мигранты, ведь я — пастырь Церкви без границ, Матери для всех людей. Поэтому призываю страны к бескорыстной открытости, не боящейся разрушения местной самобытности и способной создать новые культурные объединения. Как прекрасны города, победившие нездоровое недоверие, интегрирующие иных людей и извлекающие из этой интеграции новый фактор развития! Как прекрасны города, где даже в архитектурном плане есть много мест для соединения, установления общения, содействия признанию другого человека!

211. Меня всегда огорчало положение тех, кто подвергся различным формам торговли людьми. Я хотел бы, чтобы был слышен зов Бога, обращенный ко всем нам: «Где брат твой?» (Быт 4, 9). Где брат твой раб? Где тот, кого ты ежедневно убиваешь на маленькой подпольной фабрике, в сети проституции, в детях, используемых для попрошайничества, в том, кто вынужден работать тайно, потому что рабочие отношения с ним не регламентированы? Не будем делать вид, что ничего этого нет. Существует форма

преступного соглашения. Этот вопрос адресован всем! В наших городах укоренился мафиозный преступный криминал, и руки многих пропитаны кровью по причине удобного, немомого соглашения.

212. Вдвойне бедными являются женщины, страдающие в условиях отвержения, дурного обращения и насилия, потому что у них зачастую меньше возможностей отстаивать свои права. Тем не менее, и среди них мы встречаем все больше достойных восхищения поступков повседневного героизма в защите их хрупких семей и в заботе о них.

213. Среди слабых, о ком Церковь хочет заботиться с особой любовью, зачатые дети — самые беззащитные и невинные существа, те, за кем отрицают человеческое достоинство, чтобы делать с ними все, что заблагорассудится, отнимая у них жизнь и принимая законы, чтобы никто не смог воспротивиться. Часто, игриво высмеивая защиту права зачатых детей на жизнь, позицию Церкви представляют как нечто идеологическое, обскурантистское и консервативное. Однако защита зарождающейся жизни тесно связана с защитой любого права человека. Она предполагает убеждение в том, что человеческое существо всегда священо и неприкосновенно, в любых условиях и на любом этапе своего развития. Человек — цель в самом себе и не может становиться средством для решения других проблем. Если это убеждение рухнет, утратят крепость и устойчивость основания для защиты прав человека, так как в этом случае они все больше будут починяться конъюнктурным убеждениям власть имущих. Для признания неприкосновенной ценности каждой человеческой жизни достаточно разума, но если мы посмотрим на нее с позиций веры, то «каждое попрание личного достоинства человеческого бытия вызывает к Богу об отмщении и становится оскорблением Творца человека»^[176].

214. Именно потому, что эта проблема относится к внутренней последовательности нашего учения о ценности человеческой жизни, не стоит ждать от Церкви изменения позиции по данному вопросу. Я говорю совершенно честно. Это не аргумент, допускающий так называемые реформы или «модернизацию». Претензия решать проблемы, уничтожая человеческую жизнь, не является прогрессивной. Правда и то, что мы мало сделали для достойного сопровождения женщин, оказывающихся в очень сложных ситуациях, когда аборт кажется им быстрым способом избавиться от глубинных тревог, особенно если жизнь начала развиваться в них вследствие насилия или в условиях крайней бедности. Кто может не понять столь горестные обстоятельства?

215. Но есть и другие слабые и беззащитные существа, отданные на милость экономических интересов и неограниченного использования. Я имею в виду весь тварный мир. Мы, человеческие существа, не просто извлекаем выгоду, а охраняем другие творения. Посредством нашей телесной реальности Бог так тесно связал нас с окружающим миром, что опустошение земли — как всеобщая болезнь, и исчезновение того или иного вида можно оплакивать как нанесенное творению увечье. Не допустим, чтобы после нашего

земного странствия остались знаки разрушения и смерти, поражающие нашу жизнь и жизнь будущих поколений[177]. В связи с этим я присоединяюсь к прекрасному и пророческому оплакиванию, много лет назад прозвучавшему из уст епископов Филиппин: «В диком лесу обитало невероятное множество насекомых, и каждое из них выполняло свою задачу [...] Птицы порхали в воздухе, их яркое оперение и разнообразные песни добавляли красок и мелодий лесной зелени [...] Богу было угодно дать нам эту землю, ее особых существ, но не для того, чтобы мы уничтожили ее и превратили в пустыню [...] После одной-единственной дождливой ночи посмотри на бегущие по берегу моря темно-коричневые ручейки и вспомни, что они уносят живую кровь земли в море [...] Как смогут плавать рыбы в реке Пасиг, превратившейся в клоаку, и во многих других загрязненных нами водоемах? Кто превратил чудесный морской мир в подводные кладбища, лишённые жизни и красок?»[178].

216. Все христиане, малые, но сильные в любви Божией, по примеру святого Франциска Ассизского призваны заботиться о хрупкости народа и мира, в котором мы живем.

III. Общее благо и социальный мир

217. Мы много говорили о радости и любви, но Слово Божие упоминает также о плоде мира (ср. Гал 5, 22).

218. Социальный мир нельзя понимать как иренизм или как простое отсутствие насилия в условиях командования одной стороны над другими. Столь же ложное понимание мира используется для оправдания социальной организации, заставляющей молчать и смириться самых бедных, чтобы те, у кого больше преимуществ, могли продолжать безмятежную жизнь, пока другие выживают, как могут. Социальные требования, касающиеся распределения доходов, социальное включение бедных и права человека нельзя подавлять, претендуя на то, чтобы достичь согласия за столом или построить эфемерный мир для счастливого меньшинства. Достоинство человеческой личности и общее благо возвышаются над спокойствием немногих, не желающих отказаться от собственных привилегий. Когда эти ценности попираются, должен прозвучать пророческий голос.

219. Мир «не сводится к отсутствию войны, плоду всегда хрупкого равновесия сил. Он создается день за днем в поддержании угодного Богу порядка, требующего совершенствовать справедливость среди людей»[179]. В конечном счете, мир, не являющийся плодом целостного развития всех, не имеет будущего и всегда окажется семенем новых конфликтов и разных форм насилия.

220. В любой стране жители развивают социальное измерение жизни, проявляя себя как ответственные граждане в лоне народа, а не как масса, ведомая против своей воли доминирующими силами. Вспомним, что «быть верным гражданином — добродетель, а участие в политической жизни — моральная обязанность»[180]. Но стать *народом* — это

нечто большее, здесь требуется непрерывный процесс, вовлекающий в себя каждое новое поколение. Это терпеливый и тяжелый труд, требующий желания интегрироваться и учиться этому вплоть до развития культуры встречи в условиях многообразного согласия.

221. Существует пять принципов содействия созиданию народа в мире, справедливости и братстве, с учетом биполярной напряженности, присущей любой социальной реалии. Они выведены из постулатов Социального учения Церкви, которые представляют собой «первый и главный ориентир для интерпретации и оценки социальных феноменов»^[181]. В свете их я хочу далее предложить четыре принципа, направляющих, главным образом, развитие социального сосуществования и созидания народа, в котором различия гармонируют в рамках общего проекта. Я делаю это, так как убежден, что применение этих принципов может стать подлинным путем к примирению в каждой стране и во всем мире.

Время выше пространства

222. Существует биполярная напряженность между полнотой и пределом. Полнота заставляет волю обладать всем, а предел — граница, стоящая перед нами. «Время», понимаемое в широком смысле, стремится к полноте как выражению открывающегося перед нами горизонта, а мгновение — выражение границы, переживаемой в ограниченном пространстве. Граждане живут в напряжении между конъюнктурой мгновения и светом времени, более широкого горизонта, утопии, открывающей нас будущему как к последней влекущей к себе цели. Отсюда проистекает первый принцип для построения народа: время выше пространства.

223. Этот принцип позволяет работать долгосрочно, без одержимой гонки за немедленными результатами. Он помогает терпеливо преодолевать трудные и противоречивые ситуации, изменение планов под влиянием динамизма реальности. Это призыв принять напряжение между полнотой и пределом, отдавая приоритет времени. Один из грехов, порой встречаемых в социополитической деятельности, заключается в предпочтении пространств власти в ущерб времени процессов. Отдавать приоритет пространству означает идти к утрате рассудка из-за стремления решить все и сейчас, стремиться овладеть всеми пространствами власти и самоутверждения. Это значит кристаллизовать процессы и претендовать на то, чтобы остановить их. Отдавать приоритет времени означает заниматься *началом процессов больше, чем обладанием пространствами*. Время упорядочивает пространства, просвещает и преображает их в звенья все время удлиняющейся цепи, без того, чтобы давать задний ход. Речь идет о приоритетах, рождающих новые процессы в обществе и вовлекающих новых людей и новые группы, чтобы они развивали эти процессы, пока они не принесут плоды в важных исторических событиях. Без тревоги, а с ясными и твердыми убеждениями.

224. Порой меня спрашивают, кто в современном мире на самом деле больше заботится о

зарождении процессов, созидających народ, чем о достижении немедленных результатов, приносящих легкий, стремительный и эфемерный политический доход, не созидающий полноту человечества. Возможно, история рассудит их по критерию Романо Гвардини: «Единственный образец для успешной оценки эпохи — вопрос, до какой степени она развилась в себе и достигла истинной сути бытия — *полноты человеческого бытия*, в соответствии с особым эпохальным характером и *возможностями*»^[182].

225. Этот критерий очень подходит и к евангелизации, требующей считаться с горизонтом и принять возможные процессы и длинный путь. Сам Господь в земной жизни неоднократно давал понять ученикам, что некоторые вещи они пока не могут понять, что нужно ждать Святого Духа (ср. Ин 16, 12-13). Притча о зерне и плевелах (ср. Мф 13, 24-30) описывает важный аспект евангелизации: она показывает, что враг может занять пространство Царств и причинить вред плевелами, но его побеждает хорошее качество зерна, проявляющееся со временем.

Единство превалирует над конфликтом

226. Конфликт нельзя игнорировать или прикрывать. Его нужно принимать. Но если мы останемся в его ловушке, то утратим перспективу, горизонт сузится, сама реальность останется фрагментарной. Останавливаясь на конъюнктуре конфликта, мы теряем смысл глубокого единства реальности.

227. В условиях конфликта некоторые просто на него смотрят и идут вперед, словно ничего не случилось, умывают руки, чтобы продолжать свою жизнь. Другие включаются в конфликт и попадают в плен, теряют горизонт, проецируют на институты свою растерянность и неудовлетворенность, в итоге единство оказывается невозможным. Но есть и третий, самый подходящий способ поведения при конфликте: согласиться терпеть конфликт, разрешать его и трансформировать в связующее звено в новом процессе. «Блаженны миротворцы» (Мф 5, 9).

228. Таким образом становится возможным развивать общность в различиях, чему могут содействовать только благородные люди, обладающие мужеством идти дальше конфликтной поверхности и считаться с другими в их глубочайшем достоинстве. Поэтому необходимо постулировать неотъемлемый принцип созидания социальной дружбы: единство выше конфликта. Солидарность, понимаемая в самом глубоком значении и как вызов, становится образом созидания истории, жизненной среды, где конфликты, напряженность и противоречия могут достичь многообразного единства, рождающего новую жизнь. Это означает не ставку на синкретизм, на поглощение одним другим, а на решение на высшем уровне, сохраняющем в себе драгоценный потенциал контрастных полюсов.

229. Этот евангельский критерий напоминает нам, что Христос объединил в Себе все:

Небеса и землю, Бога и человека, время и вечность, плоть и дух, личность и общество. Отличительный признак единства и примирения всего во Христе — мир. Христос — «наш мир» (Еф 2, 14). Евангельская весть всегда начинается с приветствия мира, мир венчает и скрепляет в каждое мгновение отношения между учениками. Мир возможен, потому что Господь победил мир и его постоянные конфликты, «умиротворив... Кровию креста Его» (Кол 1, 20). Но если мы дойдем до глубины этих библейских отрывков, то откроем, что первая сфера, где мы призваны добиться примирения различий — наш собственный внутренний мир, наша жизнь, которой все время угрожает диалектическая дисперсия^[183]. Сердцами, разбитыми на тысячи фрагментов, будет трудно построить подлинный социальный мир.

230. Мы возвещаем не мир, достигнутый путем переговоров, а убеждение, что единство Духа улаживает все различия. Оно преодолевает любой конфликт в новом, многообещающем синтезе. Различие прекрасно, если соглашается постоянно вступать в процесс примирения до заключения своего рода культурного договора о «примиренном различии», как хорошо учат епископы Конго: «Наше этническое разнообразие — наше богатство [...] Лишь благодаря единству, обращению сердец и примирению мы сможем помочь развитию нашей страны»^[184].

Реальность важнее идеи

231. Существует и биполярное напряжение между идеей и реальностью. Реальность просто существует, идея вырабатывается. Между ними двумя необходимо установить постоянный диалог, избегая, чтобы идея в итоге отделилась от реальности. Опасно жить в царстве слова, образа, софизма. Отсюда следует вывести третий принцип: реальность выше идеи. Это заставляет избегать всевозможных форм утаивания реальности: чистых пуризм, тоталитарного релятивизма, декларативного номинализма, формальных, а не реальных проектов, антиисторического фундаментализма, этицизма без благодати, интеллектуализма без мудрости.

232. Идея — концептуальная разработка — ориентируется на восприятие, понимание реальности и управление ею. В отрыве от реальности идея порождает бесполезный идеализм и номинализм, способные, самое большее, классифицировать или дать определение, но не увлечь. Увлекает именно реальность, просвещенная разумом. Нужно перейти от формального номинализма к гармоничной объективности. Истиной манипулируют по-разному, подобно тому как гимнастику подменяют украшением тела^[185]. Есть такие политики — да и религиозные деятели, — которые спрашивают себя, почему народ их не понимает и не следует за ними, хотя их предложения столь логичны и ясны. Возможно, это так потому, что они пребывают в царстве чистых идей и свели политику или веру к риторике. Другие забыли простоту и внесли извне рациональность, чуждую людям.

233. Реальность выше идеи. Этот критерий связан с воплощением Слова и его проведением в жизнь: «Духа Божия узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога» (1 Ин 4, 2). Критерий реальности, уже воплощенного и воплощающегося вновь и вновь Слова, существенно важен для евангелизации. С одной стороны, он побуждает нас ценить историю Церкви как историю спасения, помнить наших святых, инкультурировавших Евангелие в жизнь наших народов, принимать богатую двухтысячелетнюю традицию Церкви, не стремясь выработать мысль в отрыве от этого сокровища, словно в попытке изобрести Евангелие. С другой стороны, этот критерий побуждает нас воплощать в жизни Слово, исполнять дела справедливости и милосердия, в которых Слово приносит плоды. Не проводить в жизнь, не вести Слово к реальности значит строить на песке, оставаться в чистой идее, вырождаться в не приносящих плод интимизме и гностицизме, выхолащивающих его динамизм.

Целое превышает части

234. Появляется напряжение и между глобализацией и локализацией. Следует уделять внимание глобальному измерению, чтобы не поддаться ограниченной повседневности. В то же время не целесообразно терять из вида локальное — то, что дает нам идти ногами по земле. Два переплетенных аспекта препятствуют тому, чтобы впасть в одну из этих двух крайностей: одна — граждане живут в абстрактном, стремящемся к глобализации универсализме, как замаскированные пассажиры хвостового вагона, любующиеся фейерверками чужого мира, открывая рот и аплодируя по плану; другая — граждане закрываются в фольклорном музее, как «местечковые» отшельники, приговоренные все время повторять одно и то же, неспособные открыться иному и ценить красоту Бога, изливаемую за их границами.

235. Целое больше частичного и даже больше простой суммы частей. Итак, не нужно чрезмерно увлекаться ограниченными и частными вопросами. Следует всегда расширять кругозор, чтобы признавать большее благо, которое принесет пользу всем нам. Однако необходимо делать это без эскапизма, без уничтожения корней. Надо углублять корни в плодородную почву и в историю своей местности, которая есть дар Божий. Работать в малом, с тем, что рядом, но в более широкой перспективе. Точно так же человек, сохраняющий индивидуальную особенность и не скрывающий свою идентичность, когда всем сердцем интегрируется в какое-то сообщество, не растворяется в нем, а получает все новые стимулы для развития. Сводит на нет не глобальная сфера, и не изолированная частность делает бесплодным.

236. Моделью служит не шар, который не превышает частей и на котором все точки равноудалены от центра и не имеют различий. Модель — многогранник, отражающий сочетание всех сторон, сохраняющих в нем собственную оригинальность. Пусть и пастырская деятельность, и политическая деятельность стараются уловить в этом

многограннике наилучшее для каждого. В него включены бедные и их культура, проекты и потенциал. Даже те люди, кого можно критиковать за ошибки, могут принести нечто, что нельзя потерять. Это союз людей, сохраняющих во вселенском порядке свою особенность; это совокупность личностей в обществе, ищущем общего, по-настоящему объединяющего блага.

237. Нам, христианам, этот принцип говорит также о целостности и совокупности Евангелия, которое Церковь нам передает и призывает нас проповедовать. Его полное богатство охватывает академиков и рабочих, предпринимателей и деятелей искусства, всех. «Народная мистика» по-своему принимает все Евангелие и воплощает его в молитве, братстве, справедливости, борьбе и празднике. Благая Весть — радость Отца, Ему не угодно, чтобы потерялся кто-либо из Его малых. Так расцветает радость Доброго Пастыря, встретившего заблудившуюся овцу и возвращающего ее в овчарню. Евангелие — закваска, благодаря которой поднимается все тесто, и город, сияющий на вершине горы и освещающий все народы. Евангелию внутренне присущ критерий целостности: оно остается Благой Вестью, пока не проповедано всем народам, пока не оплодотворит и не исцелит все стороны человека и пока не соединит всех людей за трапезой Царства. Целое превышает части.

IV. Социальный диалог как вклад в дело мира

238. Евангелизация также включает в себе путь диалога. В это время Церковь особым образом должна присутствовать в трех сферах диалога, чтобы нести служение на благо полноценного развития человеческой личности и достижения общего блага: диалог с государствами, с обществом — включая диалог с культурами и науками — и диалог с другими верующими, не присоединенными к Католической Церкви. Во всех случаях «Церковь говорит, исходя из света, даруемого верой»^[186], вносит свой двухтысячелетний опыт и всегда помнит о жизни и страданиях человеческого существа. Это выходит за рамки человеческого разума, но имеет значение, которое может обогатить неверующих, и призывает разум расширять собственные возможности.

239. Церковь провозглашает «благовестие мира» (ср. Еф 6, 15) и открыта к сотрудничеству со всеми национальными и международными органами власти, ради заботы о столь великом универсальном благе. Возвещая Иисуса Христа, Который есть мир наш (ср. Еф 2, 14), новая евангелизация побуждает каждого верующего стать орудием миротворчества и достоверным свидетельством о жизни в примирении^[187]. Пришло время узнать, как в культуре, предпочитающей диалог в качестве формы встречи, планировать поиск согласия и гармонии, не отделяя его при этом от справедливого общества, хранящего память и не приемлющего исключений. Главный автор, исторический субъект этого процесса — народ и его культура, а не класс, не фракция, не группа и не элита. Нам не нужен проект немногих для немногих или просвещенного известного меньшинства, завладевающего коллективным

чувством. Речь идет о согласии жить вместе, о социальном и культурном договоре.

240. В компетенции государства — заботиться об общем благе общества и содействовать ему^[188]. На основании принципов субсидиарности и солидарности, всячески содействуя политическому диалогу и достижению консенсуса, государство, добиваясь целостного развития всех, играет фундаментальную роль, которую нельзя переложить на кого-то еще. Эта роль в нынешних условиях требует глубокого социального смирения.

241. В диалоге с государством и обществом Церковь не располагает решениями всех частных вопросов. Однако вместе с разными социальными силами она поддерживает предложения, наилучшим образом отвечающие достоинству человеческой личности и общему благу. Поступая так, Церковь всегда с ясностью предлагает основополагающие ценности человеческого бытия, прививая убеждения, которые позже могут воплотиться в политических действиях.

Диалог веры, разума и наук

242. Диалог науки и веры также относится к евангелизационной деятельности на благо мира^[189]. Сциентизм и позитивизм отвергают «ценности иных видов познания, кроме тех, которые свойственны точным наукам»^[190]. Церковь предлагает другой путь - путь синтеза ответственного использования методологии эмпирических наук с методологиями других отраслей знания, например, философии, богословия, и, собственно, веры, возносящей человеческое существо к тайне, трансцендентной природе и человеческому разуму. Вера не боится разума, напротив, стремится к нему и полагается на него, ведь «и свет разума, и свет веры проистекают от Бога»^[191], поэтому они не могут противоречить друг другу. Евангелизация внимательна к успехам наук, она старается озарить их светом веры и естественного закона, чтобы научный прогресс всегда с уважением ставил на первое место высшую ценность человеческой личности на всех этапах ее существования. И это также путь к гармонии и миротворчеству.

243. Церковь не желает остановить чудесный прогресс наук. Напротив, она радуется и даже с удовлетворением признает огромный потенциал, дарованный Богом человеческому уму. Вера не противоречит научному прогрессу, если наука, строго академически придерживаясь сферы их специфического объекта, приходит к конкретному заключению, которое разум не может отрицать. Тем более верующие не могут претендовать на то, что приятная им, пусть и недостаточно подтвержденная, научная гипотеза приобретет авторитет догмата веры. Однако в ряде случаев некоторые ученые выходят за рамки формального объекта, изучаемого их дисциплиной, и делают лишние утверждения и заключения, не вписывающиеся в чисто научную сферу. В этом случае предлагается не разум, а определенная идеология, закрывающая путь к истинному, мирному и плодотворному диалогу.

244. Экуменическое обязательство соответствует молитве Господа Иисуса: «Да будут все едино» (Ин 17, 21). Достоверность христианской вести была бы намного очевиднее, если бы христиане преодолели разделения и в Церкви воплотилась бы «полнота кафоличности в тех её сынах, которые присоединены к ней в силу крещения, но отделены от полного общения с ней»^[192]. Мы должны всегда помнить о том, что мы странники и что мы странствуем вместе. Для этого необходимо без недоверия, без подозрительности доверить сердце спутнику и смотреть, в первую очередь, на то, к чему мы стремимся: на мир Лица Единого Бога. Доверие к другому — это, в определенной мере, ремесло, мир подобен ремеслу. Иисус сказал нам: «Блаженны миротворцы» (Мф 5, 9). В этом обязательстве, в том числе и среди нас, исполняется древнее пророчество: «И перекуют мечи свои на орала» (Ис 2, 4).

245. В свете этого экуменизм — вклад в единство человеческой семьи. Присутствие на Синоде Константинопольского Патриарха, Его Святейшества Варфоломея I, и Архиепископа Кентерберийского, Его Преподобия Роуэна Дугласа Уильямса^[193], стало подлинным даром Божиим и драгоценным христианским свидетельством.

246. Учитывая тяжесть антисвидетельства, которое несут разделения между христианами, особенно в Азии и Африке, поиск путей к единству становится насущно необходимым. Миссионеры на этих континентах постоянно сообщают о критических замечаниях, жалобах и насмешках в их адрес, вызываемых явлением разобщенных христиан. Если мы сконцентрируемся на объединяющих нас убеждениях и вспомним принцип иерархии ценностей, то сможем стремительно продвинуться по пути, ведущему к общим формам благовестия, служения и свидетельства. Бесчисленное множество людей, не принявших весть Иисуса Христа, не может оставлять нас безразличными. Поэтому старания на благо единства, облегчающего принятие Иисуса Христа, воспринимаются не как чистая дипломатия или насильственное обязательство, а превращаются в необходимый путь евангелизации. Признаки разделения между христианами в странах, уже терзаемых насилием, усугубляют насилие со стороны тех, кто должен быть активной закваской мира. Сколь многое и сколь драгоценное нас объединяет! И если мы по-настоящему верим в свободное и бескорыстное действие Святого Духа, то сколь многому мы можем научиться друг у друга! Речь идет не просто о сборе информации о других, чтобы лучше их знать, но о собирании того, что Дух посеял в них, как дар, в том числе и для нас. Достаточно привести один пример: мы, католики, в диалоге с православными братьями обретаем возможность узнать больше о сути епископской коллегиальности и об их опыте синодальности. Благодаря обмену дарами Святой Дух подводит нас все ближе к истине и благу.

247. Особый взгляд обращен к еврейскому народу, чей Завет с Богом так и не был расторгнут, «ибо дары и призвание Божие непреложны» (Рим 11, 29). Церковь разделяет с Иудаизмом важную часть Священного Писания и считает народ Завета, его веру священным корнем собственной христианской идентичности (ср. Рим 11, 16-18). Будучи христианами, мы не можем считать Иудаизм чуждой религией и не причисляем евреев к тем народам, кто призван отвергнуть идолов ради обращения к истинному Богу (ср. 1 Фес 1, 9). Вместе с ними мы верим в единого Бога, действующего в истории, и принимаем с ними общее богооткровенное Слово.

248. Диалог и дружба с сынами Израиля — часть жизни учеников Иисуса. Углубившееся сердечное чувство заставляет нас искренне и горько сожалеть в связи с ужасными преследованиями, которым они подверглись и подвергаются, особенно с теми, в которые вовлечены сейчас или были вовлечены в прошлом христиане.

249. Бог продолжает действовать в народе Ветхого Завета и дает рождаться сокровищам мудрости, проистекающим из его встречи со Словом Божиим. Поэтому и Церковь обогащается усвоенным из ценностей Иудаизма. Хотя некоторые христианские убеждения неприемлемы для Иудаизма, а Церковь не может отказаться от возвещения Иисуса Господом и Мессией, существует богатая комплементарность, позволяющая нам вместе читать книги еврейской Библии и взаимно помогать раскрывать богатства Слова, разделять многие этические убеждения и совместно заботиться о справедливости и развитии народов.

Межрелигиозный диалог

250. Позиция открытости в истине и любви должна характеризовать диалог с верующими нехристианских религий, несмотря на разнообразные препятствия и трудности, особенно при проявлении фундаментализма обеими сторонами. Межрелигиозный диалог — обязательное условие для мира в мире, и потому это долг христиан, как и прочих религиозных сообществ. Такой диалог — прежде всего беседа о жизни человека или же просто, как предлагают епископы Индии, «позиция открытости к ним, сопричастность их радостям и горестям»^[194]. Так мы учимся принимать других с их иным образом бытия, мышления и самовыражения. Таким образом мы сможем вместе взять на себя обязанность служить справедливости и миру, именно это должно стать фундаментальным критерием для любого взаимообмена. Диалог, направленный на поиск социального мира и справедливости, сам по себе, независимо от чисто прагматического аспекта, является этическим обязательством, создающим новые социальные условия. Усилия, посвящаемые этой особой теме, могут трансформироваться в процесс, в котором, слушая друг друга, обе стороны найдут очищение и обогащение. Поэтому даже сами усилия могут обрести смысл любви к истине.

251. В этом диалоге, обязательно радушном и сердечном, никогда нельзя забывать о

существенной связи диалога и благовестия, и это заставляет Церковь поддерживать и интенсифицировать отношения с нехристианами[195]. Примирующий синкретизм, в конечном счете, представляет собой тоталитаризм тех, кто стремится добиться примирения на основе трансцендентных, не подчиняющихся им истин. Подлинная открытость предполагает твердость в своих самых глубоких убеждениях, ясное и радостное осознание собственной идентичности, при этом нужно быть открытыми для того, чтобы «понять убеждения другого», и «знать, что диалог способен обогатить каждого»[196]. Нам не нужна дипломатическая открытость, говорящая «да» на все, лишь бы избежать проблем, ведь это способ обмана другого и отрицания за ним добра, полученного как дара, которым нужно щедро делиться. Евангелизация и межрелигиозный диалог находятся отнюдь не в противоречии, а поддерживают и питают друг друга[197].

252. В эту эпоху получили особую значимость отношения с верующими Ислама, присутствующими сегодня в большом числе в странах христианской традиции, где они могут свободно отправлять свой культ и жить, интегрируясь в общество. Никогда нельзя забывать о том, что они, «исповедуя свою приверженность вере Авраама, вместе с нами поклоняются Богу единому, милосердному, Который будет судить людей в последний день»[198]. Священные книги Ислама хранят отчасти христианские наставления; Иисус Христос и Мария окружены глубоким почитанием, и достойны восхищения молодежь и пожилые люди, женщины и мужчины Ислама, которые умеют ежедневно посвящать время молитве и преданно участвуют в своих религиозных обрядах. При этом многие из них глубоко убеждены в том, что их жизнь, во всей целостности, принадлежит Богу и посвящена Ему. Они также признают необходимость отвечать Богу нравственным усердием и милосердием к бедным.

253. Для поддержания диалога с Исламом обязательна соответствующая подготовка собеседников — не только для того, чтобы они были стойко и радостно укоренены в своей идентичности, но и для того, чтобы уметь признавать ценности других, понимать опасения, связанные с их просьбами, и выделять общие убеждения. Мы, христиане, должны с любовью и уважением принимать исламских иммигрантов, прибывающих в наши страны, как и мы надеемся и просим быть принятыми и уважаемыми в странах исламской традиции. Прошу, смиренно умоляю эти страны обеспечить христианам свободу, чтобы те могли совершать свой культ и жить по вере, учитывая свободу, которой верующие Ислама пользуются в западных странах! С учетом эпизодов жестокого фундаментализма, вызывающих у нас беспокойство, любовь к истинным верующим Ислама должна побуждать нас избегать одиозных обобщений, потому что подлинный Ислам и верное толкование Корана отвергают любое насилие.

254. Нехристиане, по безвозмездной Божественной инициативе, и верные своей совести могут жить «в оправдании благодатью Божией»[199] и, тем самым, «приобщившись Пасхальной тайне Иисуса Христа»[200]. Но в силу сакраментального измерения

освящающей благодати Божественное действие порождает в них знамения, обряды, священные выражения, в свою очередь, приближающие других к общинному опыту пути к Богу[201]. Эти обряды не имеют смысла и действенности Таинств, установленных Христом, но могут служить для Духа каналами, по которым он освобождает нехристиан от атеистического имманентизма и чисто индивидуального религиозного опыта. Тот же Дух вдохновляет в каждом месте проявления практической мудрости, помогающие переносить превратности существования и жить в большем мире и гармонии. И мы, христиане, можем извлечь пользу из этого богатства, укреплявшегося веками и способного помочь нам лучше переживать наши особые убеждения.

Социальный диалог в контексте религиозной свободы

255. Синодальные Отцы напомнили о важности уважения к религиозной свободе как фундаментальному праву человека[202]. Она предполагает «свободу выбора религии, которую человек считает истинной, и свободу публично исповедовать собственную веру»[203]. Здоровый плюрализм, по-настоящему уважающий других и ценности как таковые, не предполагает сведения религий к частной сфере, к молчанию и «потемкам совести» каждого в отдельности или же к маргинальной закрытости в ограде церквей, синагог и мечетей. В конечном счете, все это означает новую форму дискриминации и авторитаризма. Надлежащее уважение к меньшинству агностиков или неверующих не должно заставлять замолчать убеждения верующего большинства или игнорировать богатство религиозных традиций. Это может лишь надолго разжечь возмущение, а не способствовать терпимости и миру.

256. Спрашивая себя о публичном влиянии религии, следует различать разные способы ее восприятия. И интеллектуалы, и журналисты-комментаторы часто прибегают к грубостям и неакадемическим обобщениям, говоря о недостатках религии; очень часто они не в состоянии понять, что не все верующие — и не все религиозные авторитеты — одинаковы. Некоторые политики пользуются такой путаницей для оправдания дискриминационных действий. Порой недооцениваются труды, возникшие в сфере, тесно связанной с верой, забывается, что классические религиозные тексты могут оказать ценное влияние на все эпохи, обладают мотивирующей силой, открывающей все новые горизонты, стимулирующей мышление, расширяющей мировоззрение и чуткость. Они недооцениваются из-за узости рационалистического видения. Разве обоснованно и умно предавать их забвению лишь потому, что они родились в контексте религиозного верования? Они несут в себе глубоко гуманистические принципы, имеющие рациональную ценность, хотя и пронизаны религиозными символами и доктринами.

257. Будучи верующими, мы ощущаем близость и к тем, кто, не считая себя последователем какой-либо религиозной традиции, искренне ищет истину, благо и красоту — все, чье наивысшее выражение и источник мы находим в Боге. Мы считаем их ценными

соратниками в деле защиты человеческого достоинства, в построении мирного сосуществования между народами и в сохранении творения. Особое место занимают так называемые новые *Ареопаги*, такие как «Суд язычников», где «верующие и неверующие могут вести диалог по основополагающим вопросам этики, искусства и науки, а также о поиске трансцендентного»^[204]. И в этом — путь к примирению для нашего израненного мира.

258. Отталкиваясь от некоторых социальных тем, важных для будущего человечества, я еще раз постарался описать неизбежное социальное измерение возвещения Евангелия, чтобы ободрить всех христиан всегда выражать его в своих словах, позиции и делах.

ГЛАВА V БЛАГОВЕСТВУЮЩИЕ С ДУХОМ

259. Благовествующие с Духом — это евангелизаторы, которые бесстрашно открываются навстречу действию Святого Духа. В Пятидесятницу Дух дает апостолам выйти за пределы самих себя и преображает их в вестников великих тайн Божиих, и каждый начинает понимать эти тайны на своем языке. Кроме того, Святой Дух придает силу, чтобы возвещать новизну Евангелия с дерзновением (*parresia*), громким голосом, во всякое время и во всяком месте, даже и преодолевая сопротивление. Призовем Его сегодня, крепко держась за молитву: ведь без нее любому действию грозит опасность остаться бесплодным, а возвещение, в конечном итоге, без нее бездушно. Иисусу нужны евангелизаторы, возвещающие Благою Весть не только словами, но прежде всего жизнью, которую преображает присутствие Божие.

260. Здесь, в последней главе, я не стану ни описывать христианскую духовность, ни освещать такие крупные темы, как молитва, евахаристическое поклонение или священноприношение: этим темам уже посвящены важные тексты Учительства Церкви и знаменитые труды выдающихся авторов. Не намереваюсь ни заменить, ни превзойти эти сокровища. Я просто предложу несколько размышлений о духе новой евангелизации.

261. Говоря, что нечто проникнуто «духом», мы обычно имеем в виду некую внутреннюю причину: она служит импульсом, мотивирует, вдохновляет и придает смысл личному и общему действию. Воодушевленная евангелизация очень отличается от набора задач, воспринимаемых как тяжкая обязанность, которую мы просто терпим или едва переносим, потому что она противоречит нашим собственным наклонностям и желаниям. Как бы мне хотелось найти слова, чтобы поощрить евангелизаторов к более пламенному, радостному, щедрому, отважному благовестию, до краев полному любви и заразной жизненной силы! Но я знаю, что никаких мотивировок не хватит, если не горит в сердцах огонь Духа. В

конечном счете, воодушевленное благовестие — это евангелизация со Святым Духом, потому что Он есть душа благовествующей Церкви. Прежде чем предложить несколько мотивировок и духовных рекомендаций, призываю еще раз Святого Духа, прошу Его прийти и принести нашей Церкви обновление, «встряску», импульс, чтобы она смело выходила за свои границы и благовествовала всем народам.

I. Мотивировки для обновленного миссионерского порыва

262. Благовествующие с Духом — это евангелизаторы, которые молятся и работают. Для благовестия не годятся ни мистические замыслы без серьезных социальных и миссионерских обязательств, ни разговоры или социальные и пастырские практики без духовности, преображающей сердце. Подобные предложения — однобокие и разъединяющие — достигают лишь небольших групп и не способны широко распространяться, потому что искажают Евангелие. Нужно всегда возделывать внутреннее пространство, где обязательство и действие обретают христианский смысл[205]. Без продолжительного времени, отведенного на поклонение, на молитвенную встречу со Словом, на искренний диалог с Господом, наши задачи с легкостью утрачивают смысл, мы ослабеваем от усталости и трудностей, наш пыл угасает. Для Церкви молитва — легкие, без которых невозможно дышать. И я безмерно радуюсь тому, что во всех церковных структурах множатся группы молитвы, ходатайства за других, молитвенного чтения Слова, постоянного поклонения Святым Дарам. В то же время «надлежит отвергнуть искушение закрытой и индивидуалистической духовности, несовместимой ни с требованиями любви, ни с логикой Воплощения»[206]. Есть опасность, что некоторые молитвенные начинания послужат отговоркой для тех, кто не желает посвятить миссии свою жизнь: индивидуалистический образ жизни может привести христиан к поиску убежища в некой ложной духовности.

263. Полезно вспомнить о первых христианах и о многих братьях, которые в ходе истории были преисполнены радости, отваги, неустанно благовествовали и умели активно сопротивляться. Кто-то себе в утешение говорит, что сегодня труднее; тем не менее мы должны признать, что обстановка в Римской империи не благоприятствовала ни возвещению Евангелия, ни борьбе за справедливость, ни защите человеческого достоинства. Каждой исторической эпохе присущи человеческая слабость, нездоровые поиски себя, эгоистическое стремление к собственному удобству и, наконец, вожделение, всем нам угрожающее. Эти явления присутствуют всегда, в том или ином виде, и вызваны они скорее человеческой ограниченностью, чем обстоятельствами. Поэтому не будем говорить, что сегодня труднее — просто сегодня по-другому. Давайте лучше поучимся у святых, нас предваривших и противостоявших трудностям своего времени. С этой целью предлагаю обратиться к нескольким мотивировкам, которые помогут подражать святым в наши дни[207].

Личная встреча со спасающей нас любовью Иисуса

264. Первая причина для благовестия — это любовь Иисуса, обретенная нами: тот факт, что мы Им спасены, побуждает любить Его еще сильнее. Но что же это за любовь без потребности говорить о любимом, представлять его другим, знакомить с ним? Если мы не горим желанием сообщить о Нем, следует остановиться и в молитве попросить Его, чтобы Он снова привел нас в восхищение. Нужно умолять каждый день, просить о Его благодати: пусть она распахнет наши холодные сердца и встряхнет нашу жизнь, теплохладную и поверхностную. Поставленные перед Ним с открытыми сердцами, позволяя Ему смотреть на нас, мы распознаём любящий взгляд, с каким встретился Нафанаил в тот день, когда Иисус предстал перед ним и сказал: «Когда ты был под смоковницею, Я видел тебя» (Ин 1, 48). Как сладостно стоять перед распятием или на коленях перед Пресвятыми Дарами, просто под Его взглядом! Как благотворно дать Ему снова прикоснуться к нам и подтолкнуть нас к возвещению Его новой жизни! По сути, происходит следующее: «о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам» (1 Ин 1, 3). Чтобы решиться возвещать Евангелие, нужно созерцать его с любовью, задерживаться на его страницах и читать сердцем — вот наилучшая мотивировка. Если мы так подойдем к Евангелию, его красота поразит нас, всякий раз будет нас пленять. Поэтому необходимо восстановить в себе *созерцательный* дух, позволяющий каждый день заново обнаруживать, что мы — хранители блага, которое гуманизирует, помогает вести новую жизнь. Вот лучшее, что мы можем передать другим.

265. Вся жизнь Иисуса, Его обращение с бедными, жесты, последовательность, повседневное и простое великодушие и наконец полная самоотдача — всё это бесценно и обращено к жизни каждого из нас. Каждый раз, заново с этим сталкиваясь, мы убеждаемся, что именно в этом нуждаются другие, пусть даже безотчетно: «Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян 17, 23). Иногда мы разочаровываемся в миссии, забывая, что Евангелие *отвечает на глубочайшие нужды человека*, потому что все мы были созданы для того, что нам предлагает Евангелие: для дружбы с Иисусом и для братской любви. Если удастся точно выразить главное содержание Евангелие и передать его красоту, такая весть, несомненно, ответит на глубочайшие вопросы людских сердец: «... миссионер убежден, что благодаря действию Духа Святого как отдельным людям, так и целым народам уже присуще, хотя и неосознанное, чаяние познания истины о Боге, о человеке и о пути к освобождению от греха и смерти. Воодушевление миссионера, с которым он проповедует Христа, исходит из убеждения, что он отвечает на это чаяние»^[208].

Воодушевление в евангелизации основано на этом убеждении. В нашем распоряжении — сокровище жизни и любви, которое не обманет, весть превыше манипуляций и иллюзий.

Это ответ, сходящий в самую глубину человеческого существа, способный поддержать нас и возвысить. Это истина, которая не выходит из моды, потому что может проникнуть туда, куда больше никому не добраться. Нашу бесконечную печаль исцелит только бесконечная любовь.

266. Однако такую убежденность подкрепляет личный опыт, постоянно обновляемый, состоящий в том, что мы принимаем дружбу с Ним и Его весть. Невозможно благовествовать, упорно и усердно, если мы не убедились на собственном опыте, что совсем не одно и то же: узнать Иисуса и не знать Его. Отнюдь не всё равно: идти с Ним или передвигаться вслепую, иметь возможность слушать Его или пренебрегать Его Словом, иметь возможность созерцать Его, поклоняться Ему, успокоиться в Нем или не иметь такой возможности. Не одно и то же: пытаться построить мир с Его Евангелием или исключительно силами собственного разума. Нам хорошо известно, что с Иисусом жизнь становится гораздо полнее и что с Ним легче найти смысл всего на свете. Вот почему мы благовествуем. Настоящий миссионер, никогда не перестающий быть учеником, знает, что Иисус идет с ним, говорит с ним, дышит с ним, работает с ним. Миссионер ощущает, что живой Иисус — вместе с ним в миссионерском служении. А кто не находит Его в самом средоточии миссионерского дела, тот быстро теряет рвение и уверенность в том, что говорит; ему недостает сил и страсти. А кто не уверен, не воодушевлен, не тверд и не влюблен, тот никого не убедит.

267. Соединенные с Иисусом, мы ищем того, чего ищет Он, любим то, что Он любит. В конечном счете, мы стремимся ко славе Отца, живем и действуем «в похвалу славы [Его] благодати» (Еф 1, 6). Если мы хотим отдать себя всецело и насовсем, нам следует оставить позади всякую иную мотивировку. Это решающая движущая сила, самая глубокая, величайшая причина и окончательный смысл всего остального. Речь идет о славе Отчей, к которой Иисус стремился всю Свою жизнь. Он Сын, вечно счастливый, всецело пребывающий «в недре Отчем» (Ин 1, 18). Если мы миссионеры, то прежде всего потому, что Иисус нам сказал: «Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода» (Ин 15, 8). Устраивает нас или нет, интересно ли, полезно ли, — выходя за узкие рамки своих желаний, своего понимания и своей мотивации, мы благовествуем к вящей славе Отца, любящего нас.

Духовная радость — быть народом

268. А еще Слово Божие призывает нас признать, что мы — народ: «некогда не народ, а ныне народ Божий» (1 Петр 2, 10). Чтобы быть настоящими евангелизаторами, нужно развивать в себе духовный вкус к жизни рядом с людьми — пока не обнаружишь, что это становится источником высшей радости. Миссия есть страсть к Иисусу, но одновременно и страсть к Его народу. Пребывая перед распятым Иисусом, мы распознаём всю Его любовь, придающую нам достоинство и поддерживающую нас. Однако в ту же самую минуту, если мы не слепы, то начинаем постигать, что взгляд Иисуса расширяется и обращается, исполненный нежности и огня, ко всему Его народу. Так мы обнаруживаем, что Он хочет использовать нас, чтобы подойти еще ближе к Своему любимому народу. Он выбирает нас из среды народа и направляет к народу, так что без этой принадлежности нам и не понять, кто мы такие.

269. Иисус на Своем примере показывает, как работает этот евангелизационный выбор, вводящий нас в среду народа. Как хорошо нам видеть Его рядом со всеми! С кем-нибудь говоря, Он смотрит в глаза собеседнику с глубоким вниманием, полным любви: «Иисус, взглянув на него, полюбил его» (Мк 10, 21). Мы видим, что Он открыт для встречи, когда Он приближается к слепому у дороги (ср. Мк 10, 46–52) и когда ест и пьет с грешниками (ср. Мк 2, 16), не беспокоясь о том, что Его сочтут любителем есть и пить (ср. Мф 11, 19). Мы видим в Нем готовность помогать, когда Он позволяет блуднице умастить Себе ноги (ср. Лк 7, 36–50), когда ночью принимает Никодима (ср. Ин 3, 1–15). Самопожертвование Иисуса на кресте — не что иное, как вершина того образа действий, какого Он придерживался всю жизнь. Восхищенные таким примером, мы хотим в полной мере включиться в общество, разделяем жизнь со всеми, выслушиваем их жалобы, помогаем материально и духовно в их нуждах, радуемся с радующимися, плачем с плачущими и стремимся построить новый мир плечом к плечу с остальными. Но это не бремя, не изнурительная обязанность, а личный выбор, наполняющий нас радостью, и благодаря ему мы становимся собой.

270. Иногда мы испытываем искушение быть христианами на безопасном расстоянии от ран Господа. Но Иисус хочет, чтобы мы прикоснулись к людскому горю, к страдающей плоти других людей. Он ожидает, что мы перестанем искать себе убежища, личного или общинного, позволяющего держаться в стороне от узла человеческой драмы, действительно согласимся вступить в контакт с конкретной жизнью других людей и познаем силу нежности. Когда мы так поступаем, жизнь обязательно удивительным образом усложняется, и мы на опыте — весьма интенсивном — убеждаемся, что мы народ, что мы принадлежим к народу.

271. Верно, что, общаясь с миром, мы призваны обосновать свою надежду, но не как враги, тычущие пальцем и осуждающие. Нас предупредили очень ясно: отвечайте «с кротостью и благоговением» (1 Петр 3, 15) и, «если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Рим 12, 18). Нас также увещают стараться побеждать «зло добром» (Рим 12, 21), не уставая «делать добро» (Гал 6, 9) и не превозносясь, но почитая «один другого высшим себя» (Флп 2, 3). Действительно, апостолы Господни пользовались расположением «всего народа» (Деян 2, 47; ср. Деян 4, 21.33; 5, 13). Очевидно, что Иисус Христос хочет, чтобы мы были не князьями, глядящими презрительно, а мужчинами и женщинами из народа. Это не мнение Папы и не один из возможных пастырских подходов; указания Слова Божия столь ясны, недвусмысленны и очевидны, что не нуждаются в толкованиях (здесь могущих лишь ослабить побудительную силу). Воспримем эти слова «*sine glossa*», без комментариев. Так мы испытаем миссионерскую радость от того, что разделим жизнь с народом, верным Богу, стараясь разжечь огонь в сердце мира.

272. Любовь к людям — это духовная сила, благоприятствующая всецелой духовной встрече с Богом: не любящий брата «во тьме ходит» (1 Ин 2, 11), «пребывает в смерти» (1 Ин 3, 14) и «не познал Бога» (1 Ин 4, 8). Бенедикт XVI сказал, что «невнимание к ближнему

делает нас также слепыми по отношению к Богу»[209] и что любовь — это, по сути, *единственный* свет, «просвещающий вновь и вновь мрак мира и дающий нам мужество жить и действовать»[210]. Поэтому, если мы переживаем мистический опыт приближения к другим людям, намереваясь поступать им во благо, то расширяем свой внутренний мир, чтобы принять прекраснейшие дары Господни. Всякий раз, встречаясь с человеком в любви, мы получаем возможность постичь нечто новое о Боге. Всякий раз, когда мы открываем глаза, чтобы узнать другого, ярче сияет вера, позволяя узнать Бога. Вследствие этого, если мы хотим возражать в духовной жизни, то не можем отказаться от миссионерства. Служение благовестия обогащает ум и сердце, распахивает перед нами духовные горизонты, обостряет нашу чуткость к различению дел Духа, выводит нас из наших ограниченных духовных схем. В то же время миссионер, полностью преданный своему труду, радуется, что он родник, полноводный и освежающий других. Миссионером может быть только тот, кто хорошо себя чувствует в стремлении действовать во благо ближнего, кто желает счастья другим. Эта открытость сердца есть источник счастья, поскольку «блаженнее давать, нежели принимать» (Деян 20, 35). Вовсе не бывает лучше тому, кто бежит от других, прячется, отказывается делиться, отдавать, замыкается в своем комфорте. Это не что иное, как медленное самоубийство.

273. Миссия среди народа — не часть моей жизни и не украшение, которое можно снять, не приложение, не одна из многих страниц существования. Миссия — нечто такое, чего я не могу искоренить из своего бытия, если не хочу себя разрушить. *Я сам — миссия* на этой земле, вот почему я здесь, в этом мире. Нам надо воспринимать себя как отмеченных огненной печатью этой миссии просвещать, благословлять, оживлять, утешать, исцелять, освобождать. Здесь проявляют себя медсестра в духе, учитель в духе, политик в духе — те, кто твердо решил быть с другими и для других. Однако если кто-то разводит в разные стороны долг и частную жизнь, всё становится серым, и он постоянно будет искать признания или отстаивать собственные требования. Он перестанет быть народом.

274. Чтобы разделить жизнь с людьми и щедро себя отдать, мы должны признать, что каждый человек достоин нашей самоотдачи. Не из-за внешности, способностей, речи, образа мыслей и того удовлетворения, какое он может нам доставить, а потому что он — произведение Бога, Его создание. Бог сотворил его по Своему образу, и в нем отражается нечто от славы Божией. На каждого человека обращена бесконечная нежность Господа, и сам Господь обитает в его жизни. Иисус Христос отдал Свою бесценную кровь на кресте за этого человека. И, невзирая ни на какую видимость, каждый *безмерно священ и заслуживает нашего расположения и нашей самоотдачи*. Поэтому, если мне удалось помочь хотя бы одному человеку жить лучше, этого уже довольно, чтобы оправдать дарованную мне жизнь. Прекрасно быть народом, верным Богу. И мы обретаем полноту, когда ломаем стены и сердце наполняется лицами и именами!

Таинственное действие Воскресшего и Его Духа

275. Во второй главе мы размышляли о том, что нехватка глубокой духовности приводит к пессимизму, фатализму, унынию. Некоторые люди не посвящают себя миссии, поскольку думают, что ничего не изменится, а значит, бесполезно пытаться. Они рассуждают так: «Почему я должен лишать себя удобств и удовольствий, если не вижу значимого результата?» При таком образе мыслей невозможно быть миссионером. Эта установка — просто вредная отговорка, чтобы по-прежнему замыкаться в комфорте, лени, неудовлетворенной тоске, эгоистической пустоте. Это саморазрушительная установка, ведь «человек не может жить без надежды, иначе его жизнь, обреченная на незначительность, станет невыносимой»^[211]. Если мы думаем, что ничего не изменится, надо вспомнить, что Иисус Христос одержал победу над грехом и смертью и исполнен могущества. Иисус Христос воистину жив. А иначе, «если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна» (1 Кор 15, 14). Евангелие рассказывает, что первые ученики проповедовали «при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знамениями» (Мк 16, 20). То же самое происходит и сейчас. Мы призваны это обнаружить и этим жить. Воскресший и прославленный Христос — глубокий источник нашей надежды, и мы не останемся без Его помощи, выполняя миссию, Им порученную.

276. Его воскресение — не дело прошлое; в нем содержится сила жизни, пронизавшая мир. Где кажется, что всё умерло, там отовсюду пробиваются ростки воскресения. Эта сила не знает себе равных. Да, нередко кажется, что Бога нет: мы видим несправедливость, злобу, равнодушие и жестокость, и они не идут на убыль. Однако столь же несомненно, что в полной темноте непременно начинает прорастать что-то новое, и рано или поздно оно принесет свои плоды. На укатанном поле снова появляется жизнь, упрямая и непобедимая. Будет много плохого, но добро всегда пробивается заново и распространяется. Каждый день в мире возрождается красота, она воскресает преображенной, проходя через исторические драмы. Ценности всегда стремятся заявить о себе в новых формах, и в самом деле человек много раз возрождался из крушений, казавшихся необратимыми. Такова сила воскресения, а каждый евангелизатор — орудие этого энергии.

277. Постоянно появляются и новые трудности, приходится терпеть неудачу, людская злоба приносит много горя. Все мы знаем по опыту, что иногда дело не доставляет ожидаемого удовлетворения, плоды скудны, изменения происходят медленно, и появляется искушение уступить утомлению. Однако тот, кто от усталости уронит на минуту руки, не похож на другого, кто опустил руки окончательно, поработанный хроническим изнурением, хандрой, иссушающей душу. Бывает, что сердце устает бороться, потому что в конечном счете ищет собственной выгоды и, движимое карьеризмом, жаждет признания, аплодисментов, наград, почетных мест; тогда человек не опускает руки, но теряет напор — ему недостает воскресения. И тогда Евангелие, прекраснейшая весть на свете, остается погребенным под многими отговорками.

278. Вера — это и вера в Него; это значит верить, что Он по-настоящему нас любит, что Он

жив, способен вмешиваться в нашу жизнь таинственным образом и нас не оставит, что Он извлекает добро из зла Своею властью и бесконечной творческой силой. Это значит верить, что Он победоносно шагает по истории вместе с «теми, которые с Ним... званными, и избранными, и верными» (Откр 17, 14). Мы верим в Евангелие, сообщающее, что Царство Божие уже присутствует в мире и развивается тут и там, различными путями: так маленькое зернышко преобразуется в большое дерево (ср. Мф 13, 31–32), так щепотка дрожжей заквашивает большое тесто (ср. Мф 13, 33), так доброе семя растет среди плевел (ср. Мф 13, 24–30); оно всегда может нас приятно удивить. Присутствует, приходит опять, борется, чтобы заново расцвести. Воскресение Христа повсюду производит начатки этого нового мира, и даже если их выкосить, они снова пробьются, потому что воскресение Господне уже проникло в скрытый сюжет нашей истории, потому что Иисус воскрес не напрасно. Не следует нам оставаться на обочине пути живой надежды!

279. Поскольку не всегда мы видим эти ростки, нам нужна внутренняя уверенность, то есть убежденность в том, что Бог может действовать в любых обстоятельствах, даже и среди очевидных неудач, потому что «сокровище сие мы носим в глиняных сосудах» (2 Кор 4, 7). Эту уверенность мы называем «чувством тайны». Она есть твердое знание о том, что отдающий и дарующий себя Богу ради любви несомненно будет успешен (ср. Ин 15, 5). Такая успешность зачастую не видна, неуловима, ее нельзя измерить. Человек вполне осознаёт, что жизнь его принесет плоды, но ему неизвестно, как, где и когда, и это его не тревожит. Он убежден, что не потеряется ни одно из его произведений, созданных с любовью, не окажутся тщетными искренняя забота о других и скромное терпение, не пропадет напрасно ни одно дело любви к Богу, ни одно щедрое усилие. Всё это распространяется по миру, как жизненная сила. Порой нам кажется, что мы своими стараниями не добились никакого результата, но миссия — не коммерческая сделка и не бизнес-проект, и даже не гуманитарная организация и не представление, чтобы можно было сосчитать, сколько человек приняли участие благодаря нашей пропаганде; миссия — нечто гораздо более глубокое, не поддающееся никакому измерению. Возможно, Господь пользуется нашим усердием, чтобы излить Свои благословения на другом конце света, куда мы никогда не попадем. Святой Дух действует, как хочет, когда хочет и где хочет; мы трудимся самоотверженно, но не рассчитываем увидеть броских результатов. Мы знаем только, что необходимо принести в дар самих себя. Итак, научимся отдыхать в нежных руках Отца в разгаре своих трудов, творческих и щедрых. Будем идти вперед, выложимся на все сто процентов, но предоставим Ему придать плодотворность нашим усилиям, как угодно Ему.

280. Чтобы поддерживать миссионерский пыл, требуется решительное доверие Духу Святому, потому что Он «подкрепляет нас в немощах наших» (Рим 8, 26). Но такому великодушному доверию нужна подпитка, поэтому мы должны постоянно призывать Святого Духа. Он может исцелить от всего, что нас ослабляет в миссионерском служении. Конечно, это доверие невидимому способно вызвать некоторое головокружение: как будто

мы погружаемся в море, где неизвестно, что встретим. Я сам испытывал такое много раз. Однако нет большей свободы, чем эта: не пытаюсь всё просчитать и проконтролировать, дадим Духу влечь нас, позволим Ему нас просвещать, вести, направлять, подталкивать туда, куда Он желает. Ему хорошо известно, в чем есть нужда в каждую эпоху и в каждый момент. Вот что значит — быть таинственно плодотворными!

Миссионерская сила заступничества

281. Есть форма молитвы, особым образом побуждающая нас расточать себя в евангелизации и искать блага для других: заступничество. Давайте заглянем во внутренний мир великого благовестника — святого Павла — и посмотрим, какова его молитва. Она переполнена людьми: «... всегда во всякой молитве моей за всех вас... [приношу] с радостью молитву мою [...] потому что я имею вас в сердце» (Флп 1, 4.7). Так мы обнаруживаем, что заступничество не отвлекает от подлинного созерцания, потому что созерцание, оставляющее других за своими рамками, — обман.

282. Этот подход претворяется и в благодарение Богу за других: «Прежде всего благодарю Бога моего через Иисуса Христа за всех вас» (Рим 1, 8). Речь идет о постоянном благодарении: «*Непрестанно* благодарю Бога моего за вас, ради благодати Божией, дарованной вам во Христе Иисусе» (1 Кор 1, 4); «Благодарю Бога моего при всяком воспоминании о вас» (Флп 1, 3). Это взгляд не недоверчивый, негативный и безнадежный, но духовный, с глубокой верой, распознающий то, что сам Бог совершает в людях. В то же время это благодарность, проистекающая из сердца, подлинно внимательного к другим. Таким образом, когда евангелизатор встает с молитвы, его сердце уже стало щедрее, освободилось от обособленного сознания и желает делать добро и делить жизнь с другими.

283. Великие люди Божии были великими заступниками. Заступничество подобно «закваске» в недрах Троицы. Это вхождение в Отца и обнаружение новых измерений, освещающих и меняющих конкретные ситуации. Можно сказать, что сердце Бога смягчается по нашему заступничеству, но на самом деле Он всегда опережает нас. Ну, а мы своим заступничеством можем послужить тому, чтобы Его сила, любовь и верность были явлены яснее в народе.

II. Мария, Матерь евангелизации

284. С Духом Святым, среди народа, всегда пребывает Мария. Она собирала учеников, чтобы взывать к Нему (Деян 1, 14), и тем самым способствовала миссионерскому «взрыву» в Пятидесятницу. Она Матерь благовествующей Церкви, и без Нее мы не можем вполне понять дух новой евангелизации.

Дар Иисуса Его народу

285. На кресте, когда Христос испытывал в Своей плоти драматичное столкновение между грехом мира и Божественной милостью, для Него было утешением видеть у Своих ног Мать и друга. В этот ключевой момент, прежде чем объявить, что выполнено задание, порученное Ему Отцом, Иисус сказал Марии: «Жено! се, сын Твой!» А потом — любимому другу: «Се, Мать твоя!» (Ин 19, 26–27). Эти слова Иисуса, прозвучавшие на пороге смерти, служат в первую очередь не выражением сострадательной заботы о матери, а представляют собой формулировку откровения о тайне особой спасительной миссии. Иисус оставил нам Свою Мать в качестве нашей Матери. Лишь сделав это, Он понял, что «уже всё совершилось» (Ин 19, 28). У подножия креста, в высший час нового творения, Христос приводит нас к Марии. Приводит нас к Ней, потому что не хочет, чтобы мы ходили без матери, и народ прочитывает в этом материнском образе все тайны Евангелия. Господу не угодно, чтобы Его Церковь была без женской иконы. Мария, породившая Его с такой верой, сопровождает и «прочих от семени ее [...] сохраняющих заповеди Божии и имеющих свидетельство Иисуса Христа» (Откр 12, 17). Внутреннюю связь между Марией, Церковью и каждым верным — ведь они, различным образом, рожают Христа — великолепно описал блаженный Исаак из Стеллы: «В богодухновенных писаниях сказанное вообще о Церкви, деве и матери, говорится в особенности о Деве Марии [...]. Равным образом можно сказать, что каждая верная душа есть невеста Слова Божия, мать Христа, дочь и сестра, дева и плодородная мать [...]. Христос девять месяцев пребывал в лоне Марии, останется в дарохранительнице церковной веры до скончания века, а в знании и любви верной души — во веки веков»^[212].

286. Мария умеет преобразить пещеру для скота в дом для Иисуса: потребуется немного скромных пеленок и целое море нежности. Маленькая служительница Отца, Она трепещет от радости, славя Его. Внимательная подруга, Она всегда следит, чтобы не кончилось вино в нашей жизни. Сердце Ее пронзено мечом и вмещает в себя все скорби. Всеобщая Мать, Она — знак надежды для народов, терпящих родовые муки, пока не прорастет справедливость. Миссионерка, Она приближается к нам, чтобы сопровождать нас в жизни, отворяя сердца навстречу вере Своей материнской любовью. Как истинная мать, Она идет с нами, сражается с нами и непрестанно возвещает близость любви Божией. Через благочестивые борогодичные традиции, связанные обычно с санктуариями, Она вместе с каждым народом, принявшим Евангелие, проходит через жизненные перипетии и включается в его историческую идентичность. Многие христианские родители просят о крещении для детей в борогодичных святителях, тем самым выказывая веру в материнское действие Марии, рожающей новых детей для Бога. Именно там, в святых местах, можно наблюдать, как Мария собирает вокруг Себя Своих чад — паломников, приложивших немало усилий, чтобы увидеть Ее и показаться Ей. Здесь они обретают силу Божию, чтобы переносить страдания и тяготы жизни. Как и святого Хуана Диего, Мария утешает их материнской лаской и говорит: «Пусть не тревожится сердце твое [...] Не здесь ли Я, твоя Мать?»^[213]

287. Просим Матерь живого Евангелия ходатайствовать о том, чтобы призыв к новому этапу евангелизации был воспринят всей церковной общиной. Мария — женщина веры, ходящая в вере[214], и «Ее исключительный путь веры остается неизменным ориентиром для Церкви»[215]. Она предоставила Духу вести Ее дорогой веры к цели — плодотворному служению. Сегодня мы неотступно смотрим на Нее, чтобы Она помогла нам возвещать всем спасительную весть и чтобы новые ученики стали усердными благовестниками[216]. В этом евангелизационном паломничестве случается проходить сухими и скрытыми участками и даже испытывать немалое напряжение, подобно Марии в те годы в Назарете, пока рос Иисус: «Это начало Евангелия, то есть благой, радостной Вести, однако в нем нельзя не заметить *особого труда сердца*, связанного, говоря словами святого Иоанна Креста, с “ночью веры”, своего рода “завесой”, через которую следует приближаться к Невидимому и общаться с тайной. Именно так Мария в течение многих лет углублялась в тайну Своего Сына, проходя свой путь веры»[217].

288. В евангелизационной деятельности Церкви есть богородичный стиль. Ведь всякий раз, глядя на Марию, мы заново обретаем веру в революционную силу нежности и привязанности. В Ней мы видим, что смирение и нежность — добродетели не слабых, а сильных, которым нет нужды обижать других, чтобы почувствовать себя значимыми. Глядя на Нее, мы обнаруживаем: Она, славившая Бога, Который «низложил сильных с престолов» и «богатающихся отпустил ни с чем» (Лк 1, 52.53), — та самая Мария, что согревает домашним теплом наши поиски правды. И Она же заботливо сохраняет «все слова сии, слагая в сердце Своем» (Лк 2, 19). Мария умеет распознавать следы Духа Божия в великих событиях, равно как и в едва заметных. Она созерцает тайну Бога в мире, истории и повседневной жизни каждого и всех. Она молится и трудится в Назарете, и Она же, наша заботливая Царица, покидает Свое селение «с поспешностью» (Лк 1, 39), чтобы помогать другим. Именно эта динамика справедливости и нежности, созерцания и устремленности к другим людям делает Марию церковным примером для подражания в евангелизации. Просим Ее помочь нам материнской молитвой о том, чтобы Церковь стала домом для многих, матерью для всех народов и сделала возможным рождение нового мира. Сам Воскресший говорит со властью, наполняющей нас бескрайним доверием и самой твердой надеждой: «Творю всё новое» (Откр 21, 5). Вместе с Марией мы уверенно идем к исполнению этого обещания и говорим Ей:

*Дева и Матерь Мария,
Ты, движимая Духом,
приняла Слово жизни
в глубине смиренной Своей веры;
всецело отданная Вечному,
помоги нам сказать «да»*

долгу, неотложному как никогда:
возвещать Благою Весть Иисуса.

Ты, исполненная присутствия Христова,
обрадовала Иоанна Крестителя,
и он возликовал во чреве матери.
Ты, трепеща в ликовании,
воспела чудеса Господни.
Ты, стоявшая неподвижно у Креста
с нерушимой верой
и принявшая радостное утешение воскресения,
собрала учеников в ожидании Духа,
дабы родилась благовествующая Церковь.

Добудь для нас теперь новое рвение, присущее воскресшим,
чтобы мы всем несли Евангелие жизни,
побеждающее смерть!
Дай нам святую отвагу искать новые пути,
и да придет ко всем
дар неугасимой красоты!

Ты, Дева слушающая и созерцающая,
Мать любви, Невеста на вечном брачном пиру,
молись о Церкви, о чистейшая ее икона,
дабы никогда она не замыкалась в себе и не останавливалась
в страстном стремлении установить Царство.

Звезда новой евангелизации,
помоги нам сиять в свидетельстве об общении,
о служении, о пылкой и щедрой вере,
о правде и любви к бедным,
чтобы радость Евангелия
достигла пределов земли
и никакая окраина не осталась без его света!

Мать живого Евангелия,
источник радости для малых,
молись о нас.
Аминь. Аллилуйя.

Дано в Риме, у Святого Петра, на закрытии Года веры, 24 ноября, в Торжество Господа нашего Иисуса Христа Царя вселенной, в год 2013, первый год моего понтификата.

ФРАНЦИСК

[1] Павел VI, Апостольское обращение *Gaudete in Domino* (9 мая 1975 г.), 22: AAS 67 (1975), 297.

[2] *Ibid*, 8: AAS 67 (1975), 292.

[3] Энциклика *Deus caritas est* (25 декабря 2005 г.), 1: AAS 98 (2006), 217.

[4] V Генеральная конференция епископата стран Латинской Америки и Карибского бассейна, *Апаресидский документ* (31 мая 2007 г.), 360.

[5] *Ibid*.

[6] Павел VI, Апостольское обращение *Evangelii nuntiandi* (8 декабря 1975 г.), 80: AAS 68 (1976), 75.

[7] *Духовная песнь*, 36, 10.

[8] *Против ересей*, IV, глава 34, п. 1: PG 7 pars prior, 1083: "Omnem novitatem attulit, semetipsum afferens".

[9] Павел VI, Апостольское обращение *Evangelii nuntiandi* (8 декабря 1975 г.), 7: AAS 68 (1976), 9.

[10] См. *Propositio* 7.

[11] Бенедикт XVI, *Проповедь на Святой Мессе по случаю закрытия XIII Очередной Генеральной ассамблеи Синода епископов* (28 октября 2012 г.): AAS 104 (2012), 890.

[12] *Ibid*.

[13] Бенедикт XVI, *Проповедь на Святой Мессе по случаю открытия V Генеральной конференции епископата стран Латинской Америки и Карибского бассейна в санктуарии Апаресидской Богоматери* (13 мая 2007 г.), AAS 99 (2007), 437.

[14] Энциклика *Redemptoris missio* (7 декабря 1990 г.), 34: AAS 83 (1991), 280.

[15] *Ibid.*, 40: AAS 83 (1991), 287.

[16] *Ibid.*, 86: AAS 83 (1991), 333.

[17] V Генеральная конференция епископата стран Латинской Америки и Карибского бассейна, *Апаресидский документ* (31 мая 2007 г.), 548.

[18] *Ibid.*, 370.

[19] См. *Propositio* 1.

[20] Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Christifideles laici* (30 декабря 1988 г.), 32: AAS 81 (1989), 451.

[21] V Генеральная конференция епископата стран Латинской Америки и Карибского бассейна, *Апаресидский документ* (31 мая 2007 г.), 201.

[22] *Ibid.*, 551.

[23] Павел VI, Энциклика *Ecclesiam suam* (6 августа 1964 г.), 10: AAS 56 (1964), 611-612.

[24] II Ватиканский Собор, Декрет об экуменизме *Unitatis redintegratio*, 6.

[25] Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Ecclesia in Oceania* (22 ноября 2001 г.), 19: AAS 94 (2002), 390.

[26] Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Christifideles laici* (30 декабря 1988 г.), 26: AAS 81 (1989), 438.

[27] См. *Propositio* 26.

[28] См. *Propositio* 44.

[29] См. *Propositio* 26.

[30] См. *Propositio* 41.

[31] II Ватиканский Собор, Декрет о пастырском служении епископов в Церкви *Christus Dominus*, 11.

[32] См. Бенедикт XVI, Речь к участникам Международного конгресса в связи с 40-й годовщиной публикации соборного декрета *Ad gentes* (11 марта 2006 г.): AAS 98 (2006), 337.

[33] См. *Propositio* 42.

[34] См. каноны 460-468; 492-502; 511-514; 536-537.

[35] Энциклика *Ut unum sint* (25 мая 1995 г.), 95: AAS 87 (1995), 977-978.

[36] II Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*, 23.

[37] См. Иоанн Павел II, *Motu proprio Apostolos suos* (21 мая 1998 г.): AAS 90 (1998), 641-658.

[38] II Ватиканский Собор, Декрет об экуменизме *Unitatis redintegratio*, 11.

[39] См. *Summa Theologiae*, I-II, q. 66, art. 4-6.

[40] *Summa Theologiae*, I-II, q. 108, art. 1.

[41] *Summa Theologiae*, II-II, q. 30, art. 4. См. *ibid.*, q. 30, art. 4, ad 1: «Мы воздаем культ Богу внешними жертвами и дарами не Ему во благо, а во благо наше и ближнего. Ведь Он не нуждается в наших жертвах, но Ему годно, чтобы жертвы приносились из нашего благочестия и во благо ближнего. Поэтому милосердие, которым мы помогаем другим в их бедах, есть самая приятная Ему жертва, наилучший способ сотворить благо для ближнего».

[42] II Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Божественном Откровении *Dei Verbum*, 12.

[43] *Motu proprio Socialium Scientiarum* (1 gennaio 1994): AAS 86 (1994), 209.

[44] Святой Фома Аквинский подчеркивал, что многообразие и различие «проистекает из намерения первого действующего лица», желающего, чтобы «то, чего всем вещам не хватало, чтобы представить Божественную благодать, дополнялось бы другими», ибо Его благодать «только одно творение не способно представить должным образом» (*Summa Theologiae* I, q. 47, art. 1). По аналогичным соображениям мы нуждаемся в том, чтобы слушать друг друга и дополнять друг друга в нашем неполном восприятии реальности и Евангелия.

[45] Иоанн XXIII, Речь на торжественном открытии II Ватиканского Собора (11 октября 1962 г.): AAS 54 (1962), 786: «Est enim aliud ipsum depositum Fidei, seu veritates, quae veneranda

doctrina nostra continentur, aliud modus, quo eaedem enuntiantur».

[46] Иоанн Павел II, Энциклика *Ut unum sint* (25 мая 1995 г.), 19: AAS 87 (1995), 933.

[47] *Summa Theologiae*, I-II, q. 107, art. 4.

[48] *Ibid.*

[49] N. 1735.

[50] См. Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Familiaris consortio* (22 ноября 1981 г.), 34: AAS 74 (1982), 123-125.

[51] См. Святой Амвросий, *О таинствах*, IV, vi, 28: PL 16, 464: «Я должен всегда приступать в нему, ибо ты всегда прощаешь мои прегрешения. Коль скоро я постоянно грешу, то должен всегда получать исцеление»; *ibid.*, IV, v, 24: PL 16, 463: «Вкушавший манну умер; вкушающий от этого тела получит прощение своих грехов»; Святой Кирилл Александрийский, *Толкование на Евангелие от Иоанна* IV, 2: PG 73, 584-585: «Я, испытав себя, вижу недостойным. Однако ж когда ты будешь достоин — и от нас должен выслушать говорящий это, — когда представишь себя Христу? Ведь если ты всегда должен ужасаться своих грехопадений, а между тем не можешь перестать совершать грехопадения, ибо «кто уразумеет грехопадения?», по слову святого Псалмопевца, то должен будешь оказаться совсем непричастным спасительной святости».

[52] Бенедикт XVI, *Речь на встрече с епископами Бразилии в кафедральном соборе Сан-Паулу* (11 мая 2007 г.), 3: AAS 99 (2007), 428.

[53] Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Pastores dabo vobis* (25 марта 1992 г.), 10: AAS 84 (1992), 673.

[54] Павел VI, Энциклика *Ecclesiam suam* (6 августа 1964 г.), 19: AAS 56 (1964), 632.

[55] Святой Иоанн Златоуст, *De Lazaro Concio II*, 6: PG 48, 992. (*Семь слов о Лазаре. Слово II.*)

[56] См. *Propositio* 13.

[57] Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Ecclesia in Africa* (14 сентября 1995 г.), 52: AAS 88 (1996), 32-33; *Id.*, Энциклика *Sollicitudo rei socialis* (30 декабря 1987 г.), 22: AAS 80 (1988), 539.

[58] Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Ecclesia in Asia* (6 ноября 1999 г.), 7: AAS 92 (2000), 458.

[59] Конференция католических епископов США, *Ministry to Persons with a Homosexual Inclination: Guidelines for Pastoral Care* (2006), 17.

[60] Конференция католических епископов Франции. Совет по вопросам семьи и общества, *Élargir le mariage aux personnes de même sexe? Ouvrons le débat!* (28 сентября 2012 г.).

[61] См. *Propositio* 25.

[62] Итальянское Католическое Действие, *Послание XIV Национальной ассамблеи к Церкви и стране* (8 мая 2011 г.).

[63] Йозеф Ратцингер, *Современное положение веры и богословия*. Доклад на встрече с председателями Епископских конференций латиноамериканских стран по вопросам веры (состоялась в Гвадалахаре, Мексика, в 1996 году). Опубликовано в *Osservatore Romano*, 1 ноября 1996 г.; цит. по: V Генеральная конференция епископата стран Латинской Америки и Карибского бассейна, *Апаресидский документ* (31 мая 2007 г.), 12.

[64] Жорж Бернанос, *Journal d'un curé de campagne*, Paris, 1974, p. 135 [Цит. по: *Дневник сельского священника*, пер. Л. Зониной].

[65] *Речь на открытии II Ватиканского Собора* (11 октября 1962 г.), 4, 2-4: AAS 54 (1962), 789.

[66] Джон Генри Ньюмен, *Письмо от 26 января 1833 г.*, in: *The Letters and Diaries of John Henry Newman*, vol. III, Oxford 1979, p. 204.

[67] Бенедикт XVI, *Проповедь на Святой Мессе по случаю начала Года веры* (11 октября 2012 г.): AAS 104 (2012), 881.

[68] Фома Кемпийский, *О подражании Христу*, Книга I, IX, 5: «Мечтая о местах и меняя места, многие обманулись».

[69] Заслуживает внимания свидетельство Святой Терезы из Лизьё об отношениях с очень неприятной для нее сестрой по общине, где решающую роль сыграл внутренний опыт: «Как-то зимним вечером я, как обычно, выполняла мою приятную обязанность в отношении сестры... Было холодно, опускалась ночь... Неожиданно я услышала далекий гармоничный звук музыкального инструмента. Поэтому я представила себя в ярко освещенном зале, полностью задрапированном блестящей парчой; и в зале элегантно одетые барышни обменивались светскими комплементами и любезностями. Затем представила себе

несчастную больную, которой я помогала. Вместо мелодии я слышала каждый ее горестный стон (...) Не могу описать, что произошло в моей душе. Знаю только, что Господь просветил мою душу лучами истины, настолько превосходящими сумрачное сияние земных праздников, что я не могла поверить, насколько велика моя радость»: Рукопись С, 29 v° — 30 r°, in *Oeuvres complètes*, Paris, 1992, pp. 274-275.

[70] См. *Propositio* 8.

[71] Henry De Lubac, *Méditation sue l'église*, Paris, 1968, p. 321.

[72] Папский Совет «Справедливость и мир», *Компендиум социального учения Церкви*, 295.

[73] Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Christifideles laici* (30 декабря 1988 г.), 51: AAS 81 (1989), 493.

[74] Конгрегация Вероучения, Декларация *Inter insigniores*, о проблеме допущения женщин к служебному священству (15 октября 1976 г.), VI: AAS 68 (1977) 115; цит. в: Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Christifideles laici* (30 декабря 1988 г.), 51 (примечание 190): AAS 81 (1989), 493.

[75] Иоанн Павел II, Апостольское обращение *Mulieris dignitatem* (15 августа 1988 г.), 27: AAS 80 (1988), 1718.

[76] См. *Propositio* 51.

[77] Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Ecclesia in Asia* (6 ноября 1999 г.), 19: AAS 92 (2000), 478.

[78] *Ibid.*, 2: AAS 92 (2000), 451.

[79] См. *Propositio* 4.

[80] См. II Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*, 1.

[81] *Размышление на первой Генеральной сессии XIII Ординарной Генеральной ассамблеи Синода епископов* (8 октября 2012 г.): AAS 104 (2012), 897.

[82] См. *Propositio* 6; II Ватиканский Собор, *Пастырская Конституция о Церкви в современном мире* *Gaudium et spes*, 22.

[83] См. II Ватиканский Собор, Догматическая Конституция о Церкви *Lumen gentium*, 9.

- [84] См. III Генеральная конференция епископата стран Латинской Америки и Карибского бассейна, *Документ, подписанный в Пуэбло* (23 марта 1979 г.), 386-387.
- [85] См. II Ватиканский Собор, Пастырская конституция о Церкви в современном мире *Gaudium et spes*, 36.
- [86] *Ibid.*, 25.
- [87] *Ibid.*, 53.
- [88] Иоанн Павел II, Апостольское послание *Novo Millennio ineunte* (6 января 2001 г.), 40: AAS 93 (2001), 294-295.
- [89] *Ibid.*, 40: AAS 93 (2001), 295.
- [90] Иоанн Павел II, Энциклика *Redemptoris missio* (7 декабря 1990 г.), 52: AAS 83 (1991), 299. Ср. Апостольское обращение *Catechesi Tradendae* (16 октября 1979 г.) 53: AAS 71 (1979), 1321.
- [91] Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Ecclesia in Oceania* (22 ноября 2001 г.), 16: AAS 94 (2002), 384.
- [92] Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Ecclesia in Africa* (14 сентября 1995 г.), 61: AAS 88 (1996), 39.
- [93] См. Святой Фома Аквинский, *Summa Theologiae*, I, q. 39, art. 8, cons. 2: «Исключив Святого Духа, Который есть связь обоих, невозможно понять согласие единства Отца и Сына»; *ibid.*, I, q. 37, art. 1, ad 3.
- [94] Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Ecclesia in Oceania* (22 ноября 2001 г.), 17: AAS 94 (2002), 385.
- [95] См. Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Ecclesia in Asia* (6 ноября 1999), 20: AAS 92 (2000), 478-482.
- [96] См. II Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*, 12.
- [97] Иоанн Павел II, Энциклика *Fides et ratio* (14 сентября 1998 г.), 71: AAS 91 (1999), 60.
- [98] III Генеральная конференция епископов стран Латинской Америки и Карибского бассейна, *Документ, подписанный в Пуэбло* (23 марта 1979 г.), 450; ср. V Генеральная

конференция епископов стран Латинской Америки и Карибского бассейна, *Апаресидский документ* (29 июня 2007 г.), 264.

[99] См. Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Ecclesia in Asia* (6 ноября 1999 г.), 21: AAS 92 (2000), 482-484.

[100] № 48: AAS 68 (1976), 38.

[101] *Ibid.*

[102] *Выступление на открытии V Генеральной конференции епископов стран Латинской Америки и Карибского бассейна* (13 мая 2007 г.), 1: AAS 99 (2007), 446-447.

[103] V Генеральная конференция епископов стран Латинской Америки и Карибского бассейна, *Апаресидский документ* (29 июня 2007 г.), 262.

[104] *Ibid.*, 263.

[105] См. Святой Фома Аквинский, *Summa Theologiae* II-II, q 2, art. 2.

[106] V Генеральная конференция епископов стран Латинской Америки и Карибского бассейна, *Апаресидский документ* (29 июня 2007 г.), 264.

[107] *Ibid.*

[108] Ср. II Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*, 12.

[109] Ср. *Propositio* 17.

[110] Ср. *Propositio* 30.

[111] Ср. *Propositio* 27.

[112] Иоанн Павел II, Апостольское послание *Dies Domini* (31 maggio 1998), 41: AAS 90 (1998), 738-739.

[113] Павел VI, Апостольское обращение *Evangelii nuntiandi* (8 декабря 1975 г.), 78: AAS 68 (1976), 71.

[114] *Ibid.*

[115] Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Pastores dabo vobis* (25

марта 1992 г.), 26: AAS 84 (1992), 698.

[116] *Ibid.*, 25: AAS 84 (1992), 696.

[117] Святой Фома Аквинский, *Summa Theologiae*, II-II, q. 188, art. 6.

[118] Павел VI, Апостольское обращение *Evangelii nuntiandi* (8 декабря 1975 г.), 76: AAS 68 (1976), 68.

[119] *Ibid.*, 75: AAS 68 (1976), 65.

[120] *Ibid.*, 63: AAS 68 (1976), 53.

[121] *Ibid.*, 43: AAS 68 (1976), 33.

[122] *Ibid.*

[123] Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Pastores dabo vobis* (25 марта 1992 г.), 10: AAS 84 (1992), 672.

[124] Павел VI, Апостольское обращение *Evangelii nuntiandi* (8 декабря 1975 г.), 40: AAS 68 (1976), 31.

[125] *Ibid.*, 43: AAS 68 (1976), 33.

[126] Ср. *Propositio* 9.

[127] Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Pastores dabo vobis* (25 марта 1992 г.), 26: AAS 84 (1992), 698.

[128] Ср. *Propositio* 38.

[129] Ср. *Propositio* 20.

[130] Ср. II Ватиканский Собор, Декрет о средствах социальной коммуникации *Inter mirifica*, 6.

[131] Ср. *О музыке*, VI, XIII, 38: PL 32, 1183-1184; *Исповедь*, IV, XIII, 20: PL 32, 701.

[132] Бенедикт XVI, *Речь по случаю показа документального фильма «Искусство и вера — via pulchritudinis»* (25 октября 2012 г.): *L'Osservatore Romano* (27 ottobre 2012), p. 7.

[133] *Summa Theologiae*, I-II, q. 65, art. 3, ad 2: «propter aliquas dispositiones contrarias».

[134] Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Ecclesia in Asia* (6 ноября 1999 г.), 20: AAS 92 (2000), 481.

[135] Бенедикт XVI, Постсинодальное апостольское обращение *Verbum Domini* (30 сентября 2010 г.), 1: AAS 102 (2010), 682.

[136] Ср. *Propositio* 11.

[137] Ср. II Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Божественном Откровении *Dei Verbum*, 21-22.

[138] Ср. Бенедикт XVI, Постсинодальное апостольское обращение *Verbum Domini* (30 сентября 2010 г.), 86- 87: AAS 102 (2010), 757-760.

[139] Бенедикт XVI, *Размышление на первой Генеральной сессии XIII Генеральной Ассамблеи Синода епископов* (8 октября 2012 г.): AAS 104 (2012), 896.

[140] Павел VI, Апостольское обращение *Evangelii nuntiandi* (8 декабря 1975 г.), 17: AAS 68 (1976), 17.

[141] Иоанн Павел II, *Молитва «Ангел Господень» с инвалидами в кафедральном соборе Оснабрюка* [16 ноября 1980 г.]: *Insegnamenti* III/2 [1980], 1232.

[142] Папский Совет «Справедливость и Мир», *Компендиум Социального учения Церкви*, 52.

[143] Иоанн Павел II, *Общая аудиенция* [24 апреля 1991 г.]: *Insegnamenti* XIV/1 [1991], 856.

[144] Бенедикт XVI, Апостольское послание в форме *motu proprio Intima Ecclesiae natura* (11 ноября 2012 г.): AAS 104 (2012), 996.

[145] Энциклика *Populorum Progressio* (26 марта 1967 г.), 14: AAS 59 (1967), 264.

[146] Павел VI, Апостольское обращение *Evangelii nuntiandi* (8 декабря 1975 г.), 29: AAS 68 (1976), 25.

[147] V Генеральная конференция епископата стран Латинской Америки и Карибского бассейна, *Апаресидский документ* (29 июня 2007 г.), 380.

[148] Папский Совет «Справедливость и мир», *Компендиум Социального учения Церкви*, 9.

- [149] Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Ecclesia in America* (22 января 1999 г.) 27: AAS 91 (1999), 762.
- [150] Бенедикт XVI, Энциклика *Deus caritas est* (25 декабря 2005 г.), 28: AAS 98 (2006), 239-240.
- [151] Папский Совет «Справедливость и мир», *Компендиум Социального учения Церкви*, 12.
- [152] Апостольское послание *Octogesima adveniens*, 23 (14 мая 1971 г.), 4: AAS 63 (1971), 403.
- [153] Конгрегация Вероучения, Инструкция *Libertatis nuntius* (6 августа 1984 г.), XI, 1: AAS 76 (1984), 903.
- [154] Папский Совет «Справедливость и мир», *Компендиум Социального учения Церкви*, 157.
- [155] Павел VI, Апостольское послание *Octogesima adveniens*, 23 (14 мая 1971 г.): AAS 63 (1971) 418.
- [156] Павел VI, Энциклика *Populorum Progressio* (26 марта 1967 г.), 65: AAS 59 (1967), 289.
- [157] *Ibid.*, 15: AAS 59 (1967), 265.
- [158] Conferência Nacional dos Bispos do Brasil, Documento *Exigências evangélicas e éticas de superação da miséria e da fome*, Introduzione, 2.
- [159] Иоанн XXIII, Энциклика *Mater et Magistra*, 2 (15 мая 1961 г.), 2: AAS 53 (1961), 402.
- [160] Святой Августин, *De catechizandis rudibus*, I, XIV, 22: PL 40, 327.
- [161] Конгрегация Вероучения, Инструкция *Libertatis nuntius* (6 августа 1984 г.), XI, 18: AAS 76 (1984), 907-908.
- [162] Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus annus* (1 мая 1991 г.), 41: AAS 83 (1991), 844-845.
- [163] Иоанн Павел II, *Проповедь на Мессе в Сан-Доминго в интенции евангелизации народов* (11 октября 1984 г.) 5: AAS 77 (1985) 358.
- [164] Иоанн Павел II, Энциклика *Sollicitudo rei socialis* (30 декабря 1987 г.), 42: AAS 80 (1988), 572.

- [165] Бенедикт XVI, *Выступление на открытии V Генеральной конференции епископата стран Латинской Америки и Карибского бассейна* (13 мая 2007 г.), 3: AAS 99 (2007), 450.
- [166] Святой Фома Аквинский, *Summa Theologiae*, II-II, q. 27, art. 2.
- [167] *Ibid.*, I-II, q. 110, art. 1.
- [168] *Ibid.*, I-II, q. 26, art. 3.
- [169] Иоанн Павел II, Апостольское послание *Novo Millennio ineunte* (6 января 2001 г.), 50: AAS 93 (2001), 303.
- [170] *Ibid.*
- [171] Ср. *Propositio* 45.
- [172] Конгрегация Вероучения, Инструкция *Libertatis nuntius* (6 августа 1984 г.), XI, 18: AAS 76 (1984), 908.
- [173] Это заставляет «устранить структурные причины дисфункции всемирной экономики»: Бенедикт XVI, *Речь к Дипломатическому корпусу* (8 января 2007 г.): AAS 99 (2007), 73.
- [174] Ср. Комиссия епископов Франции по социальным вопросам, Декларация *Réhabiliter la politique* (17 февраля 1999 г.); Пий XI, *Послание*, 18 декабря 1927 г.
- [175] Бенедикт XVI, Энциклика *Caritas in veritate* (29 июня 2009 г.), 2: AAS 101 (2009), 642.
- [176] Иоанн Павел II, Постсинодальное апостольское обращение *Christifideles laici* (30 декабря 1988 г.), 37: AAS 81 (1989), 461.
- [177] Ср. *Propositio* 56.
- [178] Конференция католических епископов Филиппин, Пастырское послание *What is Happening to our Beautiful Land?* (29 января 1988 г.).
- [179] Павел VI, Энциклика *Populorum Progressio* (26 марта 1967 г.), 76: AAS 59 (1967), 294-295.
- [180] Конференция католических епископов США, Пастырское послание *Forming Consciences for Faithful Citizenship* (ноябрь 2007 г.), 13.
- [181] Папский Совет «Справедливость и мир», *Компендиум Социального учения Церкви*,

161.

[182] *Das Ende der Neuzeit*, Würzburg, 1965, 30-31.

[183] Ср. I. Quiles, S.I., *Filosofía de la educación personalista*, Buenos Aires, 1981, 46-53.

[184] Постоянный комитет Национальной конференции епископов Конго, *Message sur la situation sécuritaire dans le pays* (5 декабря 2012 г.), 11.

[185] Ср. Платон, *Горгий*, 465.

[186] Бенедикт XVI, *Речь к Римской Курии* (21 декабря 2012 г.): AAS 105 (2006), 51.

[187] Ср. *Propositio* 14.

[188] Ср. *Катехизис Католической Церкви*, 1910; Папский Совет «Справедливость и мир», *Компендиум Социального учения Церкви*, 168.

[189] Ср. *Propositio* 54.

[190] Иоанн Павел II, Энциклика *Fides et ratio* (14 сентября 1998 г.), 88: AAS 91 (1999), 74.

[191] Святой Фома Аквинский, *Summa contra Gentiles*, I, VII; ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Fides et ratio* (14 сентября 1998 г.), 43: AAS 91 (1999), 39.

[192] II Ватиканский Собор, Декрет об экуменизме *Unitatis redintegratio*, 4.

[193] Ср. *Propositio* 52.

[194] Конференция католических епископов Индии, Заключительная декларация 30-й Генеральной Ассамблеи: *The Church's Role for a better India* (8 марта 2012 г.), 8.9.

[195] Ср. *Propositio* 53.

[196] Иоанн Павел II, Энциклика *Redemptoris missio* (7 декабря 1990 г.), 56: AAS 83 (1991), 304.

[197] Ср. Бенедикт XVI, *Речь к Римской Курии* (21 декабря 2012 г.): AAS 105 (2006), 51.

[198] II Ватиканский Собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*, 16.

[199] Международная богословская комиссия, *Христианство и религии* (1996), 72: *Ench. Vat.*

15, n. 1061.

[200] *Ibid.*

[201] Ср. *Ibid.*, 81-87: *Ench. Vat.* 15, n. 1070-1076.

[202] Ср. *Propositio* 16.

[203] Бенедикт XVI, Постсинодальное апостольское обращение *Ecclesia in Medio Oriente* (14 сентября 2012 г.), 26: AAS 104 (2012), 762.

[204] *Propositio* 55.

[205] Ср. *Propositio* 36.

[206] Иоанн Павел II, Апостольское послание *Novo Millennio ineunte* (6 января 2001 г.), 52: AAS 93 (2001), 304.

[207] Ср. V.M. Fernández, «Espiritualidad para la esperanza activa». Acto de apertura del I Congreso Nacional de Doctrina social de la Iglesia, Rosario (Argentina), 2011: *UCActualidad* 142 (2011), 16.

[208] Иоанн Павел II, Энциклика *Redemptoris missio* (7 декабря 1990 г.), 45: AAS 83 (1991), 292.

[209] Бенедикт XVI, Энциклика *Deus caritas est* (25 декабря 2005 г.), 16: AAS 98 (2006), 230.

[210] Там же, 39: AAS 98 (2006), 250.

[211] II Особая ассамблея Синода епископов для Европы, *Заключительное послание*, 1: *L'Osservatore Romano* (23 октября 1999 г.), 5.

[212] Isacco della Stella, *Проповедь* 51: PL 194, 1863.1865.

[213] Nican Mopohua, 118–119.

[214] Ср. II Ватиканский собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*, гл. VIII, 52–69.

[215] Иоанн Павел II, Энциклика *Redemptoris Mater* (25 марта 1987 г.), 6: AAS 79 (1987), 366.

[216] Ср. *Propositio* 58.

[217] Иоанн Павел II, Энциклика *Redemptoris Mater* (25 марта 1987 г.), 17: AAS 79 (1987), 381.